

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

102

ПЛЕМЕНА ЛЕСНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОСЫ ЕВРАЗИИ
В I ТЫС. ДО Н. Э.— I ТЫС. Н. Э.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

102

ПЛЕМЕНА ЛЕСНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОСЫ ЕВРАЗИИ
В I ТЫС. ДО Н. Э.— I ТЫС. Н. Э.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1964

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук *П. А. Раппопорт*

Члены редколлегии:

*Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Х. И. Крис. (отв. секретарь), К. Х. Кушнарёва,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон*

I. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

А. Ф. МЕДВЕДЕВ

ИЗ ИСТОРИИ СЛОЖНОГО ЛУКА

Когда и где появился сложный лук, изобретением каких народов он является? Западноевропейские и русские исследователи единодушно признавали, что сложный лук — изобретение восточных, азиатских народов. Не было только согласия относительно места и времени его появления. Большинство исследователей считало, что сложный лук появился во II тыс. до н. э. где-то в Азии и в течение II и I тыс. до н. э. во время завоевательных походов гиксосов, хеттов, ассирийцев, скифов он был занесен в долины Нила, Евфрата, Среднюю и Малу Азию и в Восточную Европу. Он был более мощным, чем простой лук, и более удобным для стрельбы с коня¹.

Несомненно ошибочным было мнение Лен Фокса, что сложный лук мог существовать в Европе уже в палеолитическую эпоху и мог делаться из дерева и рога². Крайне примитивные орудия производства и отсутствие каких-либо доказательств этого мнения не позволяют даже предполагать наличие сложного лука в палеолите. Даже в более позднюю эпоху неолита, когда человечество достигло огромного прогресса по сравнению с палеолитом, в Западной Европе существовали только простые луки, неоднократно найденные. Едва ли люди, видя преимущества сложного лука, отказались бы от его употребления, если бы он существовал в предшествующую эпоху.

Относительно причин и места изобретения сложного лука достаточно подробное изложение всех доводов имеется в работе Д. Н. Анучина³ и останавливаться на них здесь нет надобности. Д. Н. Анучин, основываясь не на предположениях, а на фактах, пришел к выводу, что сложный лук был изобретен где-нибудь в пределах Северной или Средней Азии или Восточной Европы, где зафиксировано его древнейшее употребление. Теперь имеется еще больше оснований считать родиной сложного лука Азиатский материк.

Древнейшими сохранившимися до наших дней достоверными сложными луками считались луки из гробницы египетских фараонов XVIII династии, в том числе из знаменитой гробницы Тутанхамона (около 1350 г. до н. э.). Они делались из ясеня и роговых пластин и оклеивались берестой. Длина их 110—123 см, а длина простых луков из гробницы Тутанхамона не превышала 67,5 см⁴. Простые луки с древнейших времен ввозились в

¹ Daremberg et Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, t. 1, 1875, p. 1000.

² Lane Fox. Observations of M-r Man's Collection of Andamanese and Nicobarese, «Journal of the Anthropological Institut.» t. VII. London, 1878.

³ Д. Н. Анучин. О древнем луке и стрелах. Труды V археологического съезда в Тифлисе. М., 1887, стр. 337—411.

⁴ Г. Картер. Гробница Тутанхамона. М., 1959, стр. 243—246, табл. 37; А. Лукас. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958, стр. 77, 81, 644, 647, 678.

Египет из Пунта, и на рельефах гробниц и храмов, на памятниках искусства древнего и нового царства всегда изображались только простые луки⁵. Сложный лук, несомненно, был занесен в Египет, как и боевые колесницы, из Азии, где они появились значительно раньше. В письменных источниках Египта сохранилось упоминание, что Митаннийский царь Тушратта послал в подарок фараону XVIII династии Аменхотепу III (1455—1419 до н. э.) сложный лук, украшенный золотом⁶. Следовательно, сложный лук являлся для митаннийцев и для народов Азии исконным оружием уже в середине XV в. до н. э. Сложный лук времени фараона XIX династии Рамзеса II (1317—1251 до н. э.), хранящийся в Британском музее, был склеен из шести деревянных пластин. На спинку лука наклеен слой сухожилий. Роговых и костяных пластин или накладок не было. Но в более позднее время в Египте употреблялся лук с роговыми пластинами⁷.

Интересно, что сложные луки из мастерской и арсенала III—IV вв. н. э. в Хорезмийском дворце Топрак-Калы тоже клеились из нескольких деревянных пластин, но имели костяные накладки⁸.

Египтологи считали, что сложный лук в Египте появился в эпоху нового царства в результате военных столкновений с азиатскими народами, у которых египтяне и позаимствовали это оружие. Но несмотря на то, что во времена Тутанхамона и Рамзеса II в Египте был известен сложный лук, несомненно, занесенный туда гиксосами или заимствованный у народов Азии, применение его в Египте в этот период не получило широкого распространения. Подтверждением тому могут служить многочисленные изображения в египетских храмах и гробницах, в том числе и изображения Рамзеса II на колеснице, стреляющего из простого лука. Не исключено, что египтяне пользовались преимущественно простым луком; иначе это отразилось бы в изобразительном искусстве. Сложный лук и позднее в Египте не вытеснил традиционного здесь простого лука, хотя в более поздних изображениях он зафиксирован наряду с простым. Широкое же распространение сложный лук получает, по мнению одних, под греческим влиянием⁹, по мнению других, он был занесен вторжением ассирийцев¹⁰.

Если сложный лук появился в Египте под влиянием военных столкновений с азиатскими народами, у которых он уже был в употреблении, то следует признать, что в странах Востока он должен был появиться не в эпоху Тутанхамона и Рамзеса II, а гораздо раньше этого времени. К сожалению, ни в Месопотамии, ни в других странах Древнего Востока остатков сложных луков пока не найдено не только в более древних слоях, но даже и в слоях более поздних, относящихся к I тыс. до н. э. По-видимому, климат и почва Месопотамии менее благоприятны для их сохранности.

Свидетельством существования сложного лука у народов древнего Востока могут служить его изображения. Характерным признаком сложного лука являются его загнутые вперед (в сторону спинки) концы. Ни один простой лук, как бы его не выгибали искусственным образом при изготовлении, не может сохранить этого признака. Учитывая это обстоятельство, следует признать, что древнейшим изображением сложного лука является изображение на стеле победы Нарамсина (III тыс. до н. э.). На этой стеле изображено восхождение войска во главе с царем на гору. Царь в рогатом шлеме, в левой руке держит сложный лук с характерными для него загнутыми концами, стянутыми тетивой. В правой руке царя стрела. Длина лука

⁵ Г. Картер. Указ. соч., стр. 246, табл. 16—19.

⁶ Hans Bonnet. Die Waffen der Völker des alten Orients. Leipzig, 1926, S. 137.

⁷ Hans Bonnet. Указ. соч., стр. 136—137.

⁸ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1948 гг.). Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг. М., 1952, стр. 34—35, рис. 22.

⁹ Hans Bonnet. Указ. соч., стр. 137.

¹⁰ W. M. Flinders Petrie. Tools and Weapons. London, 1917, p. 36.

немного более половины роста человека, что также характерно для древних сложных луков¹¹.

Изображения сложного лука на этой территории появляются вновь лишь в I тыс. до н. э. у ассиро-вавилонских и персидских лучников на барельефах VII—VI вв. до н. э.¹² Достоверность и соответствие этих изображений реально существовавшему тогда в этих странах сложному луку не подлежат сомнению и подтверждаются письменными источниками и многочисленными подобными же изображениями на памятниках искусства и быта древних греков и скифов. В этот период слава скифских конных лучников была настолько значительной, что греки считали скифов изобретателями сложного лука, а мидийский царь Киаксар приглашал скифов обучать мидян стрельбе из лука¹³. Таковы вкратце сведения об употреблении сложного лука древними народами Востока и Восточной Европы, о времени его появления на историческую арену.

Новые открытия советских археологов на территории СССР свидетельствуют о том, что сложный лук у народов Прибайкалья появился значительно раньше, чем время Нарамсина. Многочисленные остатки сложных луков, сделанных из дерева и роговых пластин-вибраторов, были найдены в неолитических погребениях Прибайкалья конца IV или начала III тыс. до н. э. и, несомненно, являются древнейшими остатками сложных луков из всех известных находок этого рода. Сохранились остатки 16 луков этого времени¹⁴. Эти находки, как и остатки сложных луков в погребениях и на поселениях более позднего времени в Забайкалье, вполне согласуются с известиями древних китайских летописцев о том, что монгольские племена скотоводов пользовались луком задолго до н. э. Хунну уже во II и I тыс. до н. э. были отличными конными стрелками из луков, постоянно упражнявшимися в лучной стрельбе и обучавшими этому искусству своих детей¹⁵.

Впервые остатки сложных неолитических луков в Прибайкалье были обнаружены А. П. Окладниковым в 1929 г. в погребении № 2 на берегу р. Лены против с. Жигалово. Затем последовали находки подобных луков на Ангаре. Часто сложные луки находились вместе с целыми колчанами стрел с каменными наконечниками, преимущественно треугольной формы с небольшим черешком, реже с небольшой выемкой у основания, отчего наконечник становился двушипным. В каждом колчане помещалось до 40 стрел, но, возможно, что они относились к двум колчанам, так как стрелы иногда лежали в погребении двумя группами¹⁶. Кроме каменных наконечников стрел, здесь встречаются типичные охотничьи стрелы — костяные томары для охоты на пушного зверя, лазающего по деревьям. А. П. Окладников отмечает, что луки клались в погребения мужчин, женщин и детей.

В состав лука, кроме деревянной основы, входило по две роговых пластины (в одном случае три). Пластины имели различную длину в разных погребениях — от 34 до 87 см. Ширина пластин около 1,5 см, а толщина 3 мм и больше. В разрезе эти пластины во всех случаях были «односторонне-выпуклые, почти полулунные»¹⁷. Эта форма роговых пластин и их относительно большая длина дают ясное представление об их назначении в составе лука. Такие пластины могли использоваться только как вибрирую-

¹¹ Б. А. Тураев. История древнего Востока. М., 1936, стр. 90—94.

¹² Auguste Demmin. Guide des Amateurs d'arms et armures. Paris, 1869, p. 109—110, fig. 1, 5.

¹³ Геродот. История в девяти книгах. Пер. с греческого Ф. А. Мищенко, т. I (кн. I—IV). М., 1888, 1, 73.

¹⁴ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, 1950, стр. 219—232.

¹⁵ Иакинф Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1851, стр. 2.

¹⁶ А. П. Окладников. Указ. соч., стр. 229—230, рис. 68.

¹⁷ Там же, стр. 220.

щие накладки на деревянную основу лука с внутренней стороны, как это делалось в более поздних луках. Другого назначения они не могли иметь.

А. П. Окладников отмечает, что эти сложные луки имели правильную симметричную форму и не имели выемок для тетивы на концах лука. Но роговые пластинки от этих луков были вибраторами, которые наклеивались или привязывались к деревянной основе лука для усиления его мощности, и на них вырезок для тетивы не могло и не должно быть. Вырезки для тетивы могли быть на концах деревянной основы или на специальных деревянных концах лука, как это было принято позднее у народов Сибири. Деревянные основа и концы лука в этих погребениях не сохранились, но они, безусловно, были. Могло не быть специальных концов, но основа лука была. Не исключено, что эти луки усиливались сухожилиями, которые, как и дерево, не могли сохраниться в данных климатических условиях. Но это лишь предположение. Роговые пластины, как думает А. П. Окладников, еще не склеивались с деревянной основой, а скреплялись прочной обмоткой. Вполне возможно, что люди еще не додумались до этого усовершенствования, появившегося позднее.

Длина этих древнейших в мире сложных луков хорошо прослежена и была около 150—160 см, т. е. примерно такая же, как длина более поздних гуннских, сарматских, монгольских и древнерусских луков. Но были там и луки меньших размеров, чуть более 1 м, как в гробнице Тутанхамона. Напомним, что луки здесь были и в могилах детей и женщин, а они всегда делались соответственно росту и силе их владельцев.

С I тыс. до н. э. сложный лук, в состав которого входили дерево, сухожилия, концевые костяные накладки с вырезом для тетивы и накладки рукояти, получает широкое распространение по всей Сибири, Средней Азии и в степях Восточной Европы. В Сибири сохранилось множество остатков таких луков¹⁸. Длина луков в этот период — от 120 до 160 см. В одном из погребений конного лучника гуннской эпохи, относящемся к последним векам до н. э., обнаружен полный набор из семи костяных накладок сложного лука; четыре концевых с вырезами для тетивы и три от рукояти — две длинных «рыбовидных» и одна более узкая и короткая с расширяющимися концами¹⁹. Здесь удалось установить и общую длину лука — около 140 см. Кроме лука, в погребении были железные трехлопастные наконечники стрел с костяными свистящими шариками, типичными для гуннов. От I тыс. н. э. находки сложных луков на территории Сибири и Восточной Европы еще более многочисленны²⁰. Сложный лук у народов Сибири, Алтая и Средней Азии многократно отражен и на памятниках искусства: на писаницах, ювелирных и бытовых изделиях I тыс. до н. э. и I тыс. н. э.

Археологические памятники и памятники изобразительного искусства Сибири и Алтая убедительно свидетельствуют, что сложный лук, в состав которого входили дерево, рог или кость и сухожилия, был исконным у племен и народов этой территории, широко распространенным у гунно-монгольских племен Прибайкалья задолго до н. э. Еще более широкое распространение сложный лук получает в I тыс. н. э. у кочевых и оседлых народов Сибири и Алтая, Средней Азии и Восточной Европы.

¹⁸ А. П. Окладников. Погребение бронзового века в Ангарской тайге. КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 160—162, рис. 36—37; Ю. Д. Талько-Гринцевич. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади Троицкосавского округа Забайкальской обл. М., 1899, стр. 10, 43—54, табл. XIV и XV.

¹⁹ Г. П. Сосновский. Раскопки Ильмовой Пади. Сб. «Советская Археология», VIII. М.—Л., 1946, стр. 62, рис. 13.

²⁰ Г. П. Сосновский. Нижне-Иволгинское городище. Проблемы истории докапиталистических обществ, № 7—8. Изд. ГАИМК, 1934, стр. 159, рис. 3; Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов. Абакан, 1948, стр. 53—56, рис. 112; С. Руденко и А. Глухов. Могильник Кудыргэ на Алтае. «Материалы по этнографии», т. III, вып. 2. Л., 1927, стр. 44—49, рис. 12—13, 14; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 299—300; А. А. Захаров. Материалы по археологии Сибири. Труды ГИМ, вып. I, 1926, табл. II, рис. 7 и 13.

На территории республик Средней Азии сложный лук также имел широкое распространение задолго до нашей эры у сакских племен. Сохранились многочисленные изображения сложного лука I тыс. до н. э. и I тыс. н. э. на памятниках греко-бактрийского и сасанидского ювелирного искусства. Все луки, изображенные на греко-бактрийских сосудах III—II вв. до н. э., совершенно однотипны. Они подобны растянутой букве М, имеют длинные, сильно загнутые в сторону спинки концы и вогнутую середину²¹. Совершенно аналогичные изображения среднеазиатских сложных луков с типичными для них широкими рогами имеются и на памятниках ювелирного искусства сасанидской эпохи. Здесь самые разнообразны сюжеты: охота, война, осада крепостей, поединок и т. д. Очень часто изображаются конные лучники, стреляющие и вперед и обернувшись назад²². По этим изображениям лучников можно судить не только о составе и характере их вооружения (лук, колчан, стрелы), но и о приемах стрельбы, о способах ношения оружия и т. д. Среднеазиатские лучники носили колчан всегда справа у пояса и стрелы употребляли всегда оперенные и сравнительно длинные. Колчаны имели снизу и сверху расширение. На охоте при стрельбе по быстро бегающим животным они применяли стрелы с двушипными накопечниками, как позднее рекомендовалось в арабском наставлении по стрельбе из лука.

Очень четко изображались детали лука, даже вырезы для тетивы на концах лука. Рукоять лука была длинной и прямой, а рога широкими. Эти признаки очень характерны для среднеазиатских луков начала нашей эры и средневековья и полностью соответствуют реальным лукам из Кенкольского могильника и Топрак-Калы II—IV вв. н. э. Длинная рукоять, по сообщению автора арабского наставления, была характерна и для хорасанских средневековых луков. Хорезмийские луки имели длинные рукояти и широкие рога, склеенные из нескольких деревянных пластин²³. Широкие рога были и у персидских (хорасанских) луков средневековья, сохранившихся в ГИМ и других наших музеях. Эта особенность среднеазиатских луков не была случайностью, а обуславливалась жарким климатом этого района. В Пянджикенте в помещении 1 объекта VI сохранилось изображение сложного лука VII—VIII вв. н. э., совершенно аналогичного более древним среднеазиатским изображениям²⁴.

В арабском наставлении XV в. есть объяснение этим особенностям в устройстве среднеазиатских луков. Там говорится, что в районах крайне жарких и крайне холодных, равно как в местах очень сырых и влажных, лучшими луками будут те, которые имеют в своем составе изобилие дерева и широкие рога²⁵. Естественно, что очень жаркий климат Средней Азии и Ирана, где зафиксировано существование сложных луков с широкими рогами, был причиной появления здесь луков подобной формы.

Хорезмийские луки, судя по сохранившимся остаткам их, действительно имели изобилие дерева, как это требуется в арабском трактате. Сохранившиеся деревянные основы этих луков имели в разрезе слоистую структуру. Основа лука клеилась из нескольких планок различных пород дерева, несомненно, усиливалась сухожилиями по спинке лука, а рукоять и концы скреплялись костяными накладками. Длина хорезмийских луков была около 160 см (хранятся в МАЭ в Ленинграде).

Заканчивая краткий обзор распространения сложного лука у древних народов, можно сделать вывод, что сложный лук впервые появился в конце IV или в начале III тыс. до н. э. на территории Прибайкалья.

²¹ К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, табл. 22—24.

²² И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 3, 5, 6, 9, 11—15, 19—21.

²³ С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 34—35, рис. 22.

²⁴ А. М. Беленицкий. Новые памятники искусства древнего Пянджикента. Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959, стр. 13—16, табл. III и VII.

²⁵ Arab Archery. Princeton University press, 1945, стр. 85 и сл.

Э. А. СИМОНОВИЧ

СТЕКЛЯННЫЕ КУБКИ ИЗ ЖУРАВКИ

Важные находки римской стеклянной посуды II—V вв. н. э. на черняховских поселениях и могильниках Украины, несомненно, заслуживают внимания исследователей. Эти находки позволяют выяснить центры производства стеклянных сосудов и пути проникновения их к местному населению юго-восточной Европы. Открытие стекольной мастерской поздне-римского времени в с. Комарове в Западной Украине свидетельствует и об освоении производства стекла в области распространения черняховской культуры¹. Стеклянные изделия проникали на Украину из разных провинциально-римских мастерских. Орнаментация римских стеклянных сосудов частично была заимствована для украшения местной глиняной посуды (округлые шлифованные плоскости, косые каннелюры, продольные ребра).

В Среднем Поднепровье пока не обнаружено стекольных мастерских, но стеклянные шлаки были на многих черняховских памятниках. Типы стеклянных кубков Среднего Поднепровья в основном представляли по находкам В. В. Хвойки в с. Черняхове. Три целых сосуда и обломки стекла — это все, что было известно до недавнего времени об употреблении стеклянной посуды по раскопкам одного из крупнейших могильников культуры полей погребений².

Раскопки могильника в с. Журавке³ под г. Корсунь-Шевченковскимполнили коллекцию стеклянных кубков черняховских памятников Среднего Поднепровья несколькими уникальными образцами. Значительная часть Журавского могильника была уничтожена еще до раскопок; сохранившиеся погребения с труположением и трупосожжением исследованы полностью. В 124 исследованных могилах найдено только пять стеклянных сосудов. Кроме того, в некоторых погребениях с северной ориентировкой, разрушенных в древности, встречались осколки стеклянных сосудов. Следовательно, захоронений со стеклянными кубками было больше, хотя и не на много. Сравнительно мало находок обломков стеклянных сосудов и на Журавском поселении, где вскрыта площадь более 6500 кв. м.: всего 17 осколков за пять сезонов раскопок⁴ и одно уникальное глиняное пряслице, украшенное вмазанными в его поверхность кусочками стекла⁵. Ниже приводится описание всех сосудов, форму которых удалось восстановить.

¹ М. Ю. Смішко. Археологічні дослідження в західних областях України за роки Радянської влади. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 2. Київ, 1959, стр. 21.

² В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Приднепровье. «Записки Русск. археол. Об-ва», т. XII, вып. 1—2, нов. серия. СПб., 1901, стр. 174—181; См. также о находках стекла в с. Деревянном: КСИА, вып. 94, 1963, стр. 85; в Переяславле-Хмельницьком — Археологія, т. XI. Київ, стр. 136.

³ Первые сведения об итогах работ в Журавке см.: КСИА, вып. 94, 1963, стр. 80—83.

⁴ В подсчетах не учтены находки кусков оплавленного стекла и шлака, стеклянных игрально-счетных жетонов, бус и подвесок.

⁵ Э. А. Симонович. Инкрустированные стеклом изделия из Черкасской области. КСИА, вып. 90, 1962, стр. 69—72.

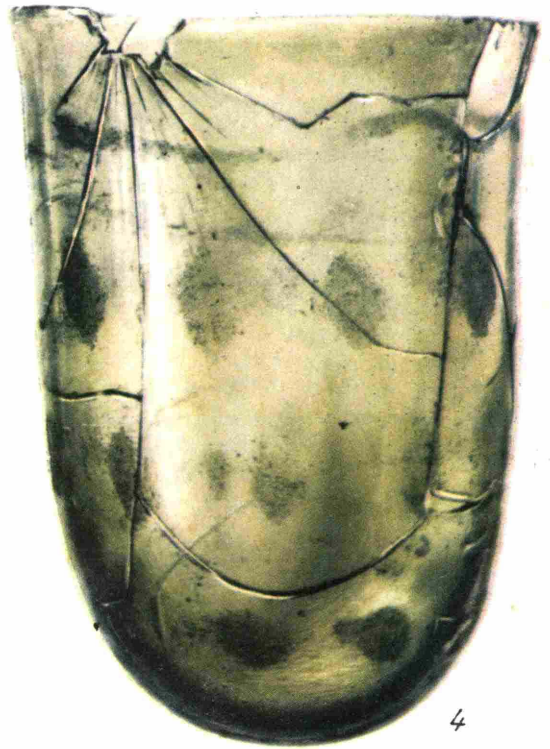
1

3

2

4

Рис. 1. Стекланные кубки из погребений Журавского могильника.

1. Полусферический кубок из богатого детского погребения № 14 с северной ориентировкой. Край сосуда с отгибом. Дно слегка уплощено. Стекло полупрозрачное. В средней части кубок украшен симметрично расположенными группами синих стеклянных капель, которые объединены по три. Высота сосуда 5,0 см, диаметр края 8,1 см (рис. 1, 1).

2. Конический кубок из богатого погребения № 5 с северной ориентировкой. Край слегка отогнут. Дно уплощено. Сосуд нарядно украшен зигзагами из широких стеклянных напаянных нитей. Вверху, под горизонтальным валиком прозрачного стекла, идет зигзаг синего цвета. Ниже нанесен зигзаг из нитей прозрачного стекла. Внизу, почти у дна, кубок украшен синим зигзагом. От середины высоты сосуда много фрагментов утрачено. Высота кубка около 16 см, диаметр края 9,2 см (рис. 1, 2).

3. Конический тонкостенный кубок из богатого разрушенного в древности погребения № 19 с северной ориентировкой. Край сосуда с отгибом. Дно коническое. Стекло полупрозрачное. Значительная часть фрагментов сосуда расслоилась и рассыпалась. Высота кубка 11,1 см, диаметр края около 7 см. (рис. 1, 3).

4. Цилиндрический кубок с закругленным дном из погребения № 10, ориентированного на запад. Под краем сосуда грубо шлифована горизонтальная линия. Ниже — три ряда неправильных овалов такой же грубой шлифовки. Высота сосуда 10,5 см, диаметр края 7,2 см (рис. 1, 4).

5. Конический толстостенный кубок из погребения № 60, ориентированного на запад. Под краем сосуда проходит желобок. Ниже все тулово покрывают три ряда овальных шлифованных плоскостей. Дно уплощенное. Стекло распалось на мелкие кусочки и форму сосуда удалось сохранить с помощью закрепляющих растворов. Высота кубка 12,8 см, диаметр края 10 см (рис. 2).

Среди осколков стекла, найденных на поселении, были орнаментированные четкими шлифованными округлыми плоскостями и один фрагмент был украшен напаянными синими стеклянными каплями. В основном на территории черняховской культуры встречались цилиндрические и конические кубки, орнаментированные шлифованными плоскостями, и гладкие конические кубки удлиненных пропорций⁶. Удлиненный конический кубок с цветными зигзагами и полусферический кубок с синими «глазками» из Журавского могильника для памятников культуры полей погребений являются уникальными.

Приведем наиболее убедительные и важные для датировки аналогии. Кубки, близкие по типу полусферическому сосуду (рис. 1, 1), широко распространены в городах Северного Причерноморья. Датируются они концом III и IV вв. н. э.⁷ Близкий по типу кубку из погребения № 5 сосуд из Бильче-Золотое Тернопольской области тоже украшен зигзагом из напаянных нитей. Сосуд этот, в отличие от журавского, более приземистый, толстостенный, зеленоватого стекла и украшен однорядным рельефным зигзагом⁸. Дату его автор публикации В. Деметрикевич определил позднеермским периодом, а А. Т. Смиленко (Брайчевская), на основании северной аналогии, — III в. н. э.⁹ В настоящее время установлено, что напаянный серпантинный орнамент получил распространение с III в. н. э. Центрами изготовления подобных сосудов были западноевропейские мастерские¹⁰.

⁶ В. В. Хвойка. Указ. соч., стр. 186; М. А. Тиханова. Из материалов Дубосарского отряда Молдавской экспедиции. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 96—97; Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днепровского междуречья в I тыс. н. э. МИА, № 89, 1960, стр. 355, табл. 249, 3.

⁷ Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея 1945—1959 гг. МИА, № 103, 1962, стр. 266.

⁸ W. Demetrickiewicz. Fund aus Ostgalizien Jahreshefte d. Österreichischen archäol. Inst., Bd. VII. Wien, 1904, S. 152.

⁹ А. Т. Смиленко. Про деякі датуючі речі в культурі полів поховань. Археологія, т. IV. Київ, 1952, стр. 62.

¹⁰ Н. П. Сорокина. Указ. соч., стр. 234.

Тонкостенный конический кубок, подобный журавскому (рис. 1, 3), был найден в богатом погребении № 33 с северной ориентировкой Малаештского могильника в Молдавии. Г. Б. Федоров сравнивает малаештский кубок с сосудами из могильников в Даниловой Балке и у Овчарни совхоза Приднестровского¹¹. Однако тонкостенные кубки из Малаештского и Журавского могильников отличаются от вышеупомянутых качеством, толщиной стенок и, главное, своими пропорциями. Тем более неправомерно сравнение с подобными сосудами толстостенного кубка со шлифованными плоскостями из Кисёлова в Причерноморье, которое сделал К. А. Раевский¹². Датировка журавского и малаештского кубков довольно точно устанавливается по аналогичному им кубку из катакомбы № 154 Керченского некрополя конца IV в. н. э.¹³

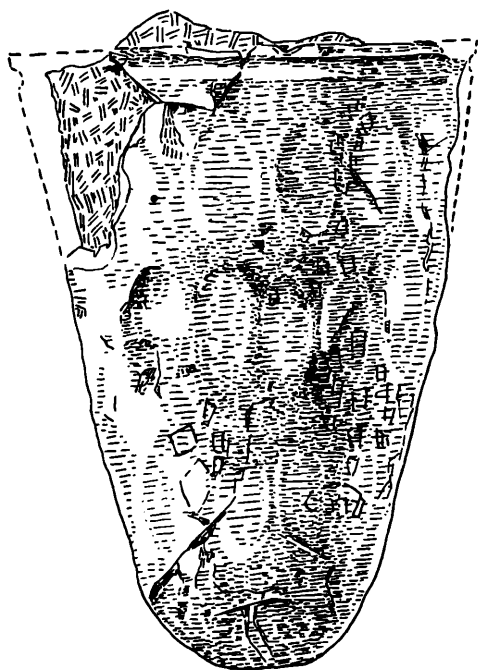

Рис. 2. Стекло́нный кубок из погребения № 60

Цилиндрические с закругленным дном кубки, близкие по форме журавскому, встречаются в Нижнем и Среднем Поднепровье, в частности в погребении № 225 Черняховского могильника¹⁴. Кубок имел почти те же размеры, что и журавский, и три ряда «мало отчетливых граней» (высота 10,5 см, диаметр края, 6,4 см)¹⁵. Другой стеклянный кубок из Черняхова со слегка расширяющимися кверху стенками, украшенный тремя рядами овальных граней, был найден в погребении № 160, датированном монетами конца II и III вв. н. э.¹⁶ Еще один близкий журавскому кубок происходит из могиль-

¹¹ Г. Б. Федоров. Малаештский могильник. МИА, № 82, 1960, стр. 262, 287, рис. 12.

¹² К. А. Раевский. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днестра — Днестра в I тысячелетии н. э. СА, XXIII, 1955, стр. 268—269.

¹³ Н. П. Сорокина. Стекло́нный сосуд из Нижнего Поднепровья. КСИА АН СССР, вып. 89, 1962, стр. 104.

¹⁴ В. В. Хвойка. Указ. соч., стр. 176.

¹⁵ В. П. Петров. Черняховский могильник. МИА, № 116, 1964.

¹⁶ Там же.

ника у Николаевки-Козацкого. Подбойное погребение Н¹, в котором он был найден, неверно было датировано М. Ебертом I в. н. э.¹⁷ Судя по типу фибулы с ромбической ножкой, захоронение его относится к III в. н. э. Обломок нижней части кубка в виде стакана со шлифованными плоскостями был найден в слоях Пантикапея III—IV вв. н. э.¹⁸ Древнейший кубок, покрытый шлифованными фасетками, был найден в Скандинавии в могиле, датируемой временем около 300 года н. э.¹⁹

По нашему мнению, кубок из Журавки (рис. 1, 4), как и сосуд из погребения № 225 Черняховского могильника, должен быть отнесен к позднему вариантам посуды подобной формы. Неправильной формы овалы, как бы продрарапанные куском песчаника, явно воспроизводят четкий орнамент ранних типов. К сожалению, погребение № 10 Журавского могильника, где был найден кубок, не содержало другого инвентаря и датировку сосуда уточнить не представилось возможности. Аналогии и датировки для последнего из описанных кубков (рис. 2) мы приводили при публикации близкого по типу сосуда из погребения № 5 могильника у Овчарни совхоза Приднепровского²⁰. Время этих сосудов в основном IV в. н. э., хотя не исключено и более позднее их существование. Рассмотренные кубки из Журавки относятся главным образом к III—IV вв. н. э. В самом деле о хронологической близости подобных сосудов, на наш взгляд, свидетельствует сочетание деталей в их оформлении. Мы уже отмечали, что для позднечерняховского периода характерна перемена направления торговых связей. На смену причерноморскому импорту появляются изделия из западноевропейских провинциально-римских мастерских²¹. После открытия мастерской по производству стеклянных изделий в Комарове в Западной Украине, может быть, следует говорить о более близких источниках импорта. Характерно, что в Журавке только один кубок с синими «глазками» имеет широкий круг аналогий в Северном Причерноморье²², остальные кубки из Журавки аналогичны кубкам из областей западнее и севернее зоны распространения памятников черняховской культуры. В то же время следует обратить внимание на ограниченное значение изделий из стекла для датировок культуры полей погребений. На территорию черняховской культуры стеклянная посуда в широких масштабах стала проникать только тогда, когда в Римской империи она превратилась в «ходовой рыночный товар». Это прослеживается, например, по увеличению находок стекла в слоях Пантикапея III в. н. э.²³ Даже в богатых погребениях черняховских вождей и жрецов не были ни разу встречены драгоценные стеклянные кубки, стоявшие дороже золота, по словам древних авторов, и известные нам по западноевропейским публикациям. С вторжением «варваров» в Римскую империю и нарушением там экономики и производства прекращается ввоз импортных стеклянных изделий в степную и лесостепную полосу Украины.

Отсутствие стекла и других импортных предметов отнюдь не является свидетельством прекращения жизни на черняховских поселениях, а означает только нарушение традиционных торговых связей. Пример тому та же Журавка, где находки стекла датируются в основном III—IV вв. н. э., но на поселении имеются неоспоримые доказательства жизни в более позд-

¹⁷ M. Ebert. Ausgrabungen bei den «Gorodok Nakolajewka» am Dnjepr, Gouv. Cherson. Praehistorische Zeitschrift, Bd. 5, Hf. 1—2. Leipzig, 1913, S. 113, Abb. 96.

¹⁸ Н. П. Сорокина. Стекло в Черняховском могильнике..., стр. 104.

¹⁹ G. Ekholm. Orientalische Gläser in Skandinavien. ESA, X, Helsinki, 1936, S. 66; М. А. Тиханова. Из материалов Дубоссарского отряда..., стр. 96.

²⁰ Э. А. Симонович. Стекло в Черняховском могильнике..., стр. 104; Э. А. Симонович. Стекло в Черняховском могильнике..., стр. 104; Э. А. Симонович. Стекло в Черняховском могильнике..., стр. 104.

²¹ Э. А. Симонович. Стекло в Черняховском могильнике..., стр. 28—29; он же. Об единстве и различиях памятников черняховской культуры. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 98—99.

²² Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок..., стр. 223.

²³ Там же.

нее время. К ним относятся бронзовая фибула типа найденной на поселении в урочище Молочарня²⁴, золотой наконечник пояса, украшенный зернью, близкий по типу вещам Перещепинского клада и находкам у с. Вознесенки²⁵. Проблема хронологических определений наиболее поздних черняховских памятников, вероятно, не может быть решена без разработки относительной хронологии вещей местного производства и последующего сопоставления их с находками на смежных территориях. Поводом для такого суждения является изучение оригинальных стеклянных кубков из Журавки, поступавших в Среднее Поднепровье в течение ограниченного времени и, следовательно, не определяющих всего периода существования данного памятника и памятников всей области распространения черняховской культуры.

²⁴ Д. Т. Березовец. Поселения уличей на р. Тясмине. МИА, № 108, 1963, стр. 152, рис. 4, 4.

²⁵ А. А. Бобринский. Перещепинский клад. МАР, № 34, табл. X, XVI; В. А. Гринченко. Памятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі. Археологія, т. III. Київ, 1950, стр. 53, табл. V, 2.

II. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. П. С М И Р Н О В

РАННИЕ НАХОДКИ НА БОЛГАРСКОМ ГОРОДИЩЕ «ХУЛАШ»

Одним из интереснейших памятников правобережья Волги является городище Хулаш, расположенное на правом берегу р. Кильны, в 2 км от с. Кошки-Новотимбаево, Тетюшского района, ТАССР. Название Хулаш происходит от чувашского слова «хула», что значит город. Первое обследование этого городища было проведено экспедицией Казанского филиала АН СССР под руководством Н. Ф. Калинина¹. Полученный материал дал представление об остатках богатого средневекового города или крупного феодального замка, окруженного рядом селищ.

Исследования позволили убедительно датировать памятник X—XII вв. н. э.²

В 1962 г. началось всестороннее исследование этого памятника³. Раскопки, заложенные в различных местах на территории самого городища и за пределами вала, дали богатый материал. Были исследованы укрепления, а на площадке городища — хозяйственные и жилые постройки. Выводы, полученные первыми исследователями, получили подтверждение. Поселение существовало в домонгольский период и погибло в результате военной катастрофы, по-видимому, еще до монгольского нашествия.

Есть основания предполагать, что городище возникло еще в IX в. и связано с приходом болгарских орд в Среднее Поволжье. Конец существования города датируется XII в., в частности находкой голубого поливного сосуда белой глины, найденного в сооружении, относящемся к самому концу существования этого городка.

Раскопки 1962—1963 гг. дали материал, свидетельствующий о существовании на этой территории поселения во II и I тыс. до н. э. К сожалению, древний культурный слой оказался нарушенным в болгарскую эпоху. Только в отдельных местах были обнаружены незначительные остатки культурного слоя, отличающегося от основного болгарского слоя городища более светлой окраской, насыщенного фрагментами срубной керамики. Эти обломки в большей своей части принадлежали или сосудам баночной формы (рис. 3) со сглаженной поверхностью и орнаментированной верхней частью или горшкам с выпуклыми бочками и полосой орнамента вверху. Края сосудов плоские, закругленные или заостренные. Орнамент довольно разнообразен. Встречается зубчатый, прорезной, овально-ямочный, круж-

¹ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Казань, 1954, стр. 85.

² Там же, стр. 89.

³ Работы Поволжской археологической экспедиции Института археологии АН СССР. Исследования проводились чувашским отрядом экспедиции под руководством В. Ф. Калозовского.

Рис. 3. Городище Хулаш. Обломок баночного сосуда

ковый, нанесенный полым инструментом. В ряде случаев края сосудов слегка отогнуты и также орнаментированы зубчатым или нарезным орнаментом. Наряду с посудой, как правило, приготовленной из грубого, довольно рыхлого теста с примесью крупнозернистого песка, встречается посуда с довольно гладкой поверхностью, сформированная из хорошо промешанного теста. Такое соединение грубой кухонной посуды с сосудами лучшей, более тщательной отделки характерно для срубной культуры. Первая из них встречается преимущественно на поселениях, вторая — в погребениях. Правда, исследователи отмечают, что в памятниках срубной культуры почти все формы погребальной посуды встречаются и на поселениях⁴.

Обломки срубной керамики в меньшем количестве находились в перетолженной части культурного слоя. В смешанном культурном слое, содержащем в основном болгарский материал, обнаружена еще одна категория керамики, отличающаяся и от болгарской и от срубной, представленная об-

⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 26.

ломками крупных сосудов баночной и горшкообразной формы, слепленных из хорошо промешанного теста, с примесью песка. Эта категория довольно значительна и дает представление об особом культурном слое. В их числе встречено несколько обломков горшков иногда с довольно выпуклыми стенками, с налепным валиком, проходящим довольно близко от края сосудов. Налепной валик, как правило, орнаментирован или нарезками или отпечатками пальцев. Эти сосуды аналогичны керамике самого конца бронзовой эпохи и начала скифской, таких памятников, как стоянка Обиточная, исследованная О. А. Кривцовой-Граковой⁵. Такого рода керамика характерна и для скифского времени V—IV вв. до н. э.⁶ и для памятников скифского времени бассейна Дона, где аналогичный валик — или проходил с внешней стороны венчика или по плечикам сосуда, будучи орнаментирован или нарезками или ногтевым узором⁷. Подобные сосуды известны с городищ Саратовской области (рис. 4, 2).

Интересны два фрагмента сосуда с волнообразными валиками под самым обрезом края сосуда, найденные в том же комплексе и принадлежащие по фактуре к той же категории керамики (рис. 4, 3). Наиболее близки им образцы с Бельского городища и Широкой Балки⁸. Это отогнутые края горшка, к заостренному краю которого примыкает валик в виде волнистой линии. Валики близких форм известны в эпоху раннего железа и в эпоху средневековья. По общему виду средневековые отличаются от налепов эпохи бронзы и раннего железа. Примером сосуда с таким валиком может служить обломок горшка, найденный на поселении Корчак V—VII вв. н. э.⁹ В Поволжье средневековая посуда не имеет керамики с такого рода валиками ни в области типичной болгарской посуды, ни поздней городищной, ни финно-угорской, синхронной болгарской. Точно так же ей не известны аналогии и среди ранней славянской, которая резко отличается по фактуре от хулашской. Славянская приготовлена из грубо промешанного теста с примесью крупного песка и с шероховатой поверхностью. Это в большинстве горшки вытянутых форм со слегка выпуклыми стенками¹⁰. Точно так же нет аналогий среди керамики кочевников конца I — начала II тысячелетия н. э. Среди этой посуды имеются кувшины яйцевидной формы, горшки яйцевидной и шаровидной формы с разнообразными венчиками. В их числе прямые, орнаментированные зашипами или нарезками, слабо отогнутые, закругленные по краю и слабо отогнутые с валиком с наружной стороны¹¹. К этой же категории принадлежат и горшки с желобком с внутренней стороны, сделанные для крышек. Все эти сосуды приготовлены из теста с примесью дровяной стружки, соломы и шамота, поверхность их нередко бывает сглажена¹². От обломков сосудов, найденных на Хулаше, кочевническая посуда отличается большей грубостью и характером валика. Отличаются от хулашских и сосуды с валиками с Таманского городища, где раскопки, проведенные Б. А. Рыбаковым, дали огромный материал, позволивший дать хорошо обоснованную классификацию. Там среди обломков кухонной посуды были найдены фрагменты лепных горшков с треугольными в разрезе валиками¹³. Валики на Таманской посуде резко отличаются от

⁵ Там же, стр. 152—153.

⁶ Там же, стр. 152.

⁷ П. Д. Либеров. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца. МИА, № 113, 1962, стр. 51, 52.

⁸ Б. М. Рабичкин. Поселение у Широкой балки. КСИИМК, вып. 40, 1951, стр. 121.

⁹ И. П. Русанова. Поселение у с. Корчака на р. Тетерева. МИА, № 108, 1963, стр. 47, 48.

¹⁰ С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи. МИА, № 75, 1959, стр. 226—227.

¹¹ Там же, стр. 230, рис. 19, 6—10; 19, 19.

¹² С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 230—240.

¹³ С. А. Плетнева. Средневековая керамика Таманского городища. Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, стр. 20.

хулашских по своему профилю, по отсутствию орнаментации. Гладкие валики известны на средневековой посуде Северного Кавказа, на некоторых поселениях салтовской культуры, а также в Средней Азии; как правило, в сечении они дают треугольник или полуовал¹⁴. Подобные гладкие валики характерны и для домонгольской керамики болгарской культуры.

В 1963 г. в центральной части городища было обнаружено несколько фрагментов крупных сосудов, которые, с одной стороны, напоминают посуду эпохи бронзы, с другой — раннего железного века. Эти несколько толстостенных фрагментов принадлежат крупному сосуду баночной формы, со слегка расширяющимися стенками. Он был сделан из сравнительно хорошо подготовленного теста с примесью крупнозернистого песка и имел хорошо сглаженную поверхность. Его толстое днище сохранило отпечатки крупных пирамидальной формы вдавлений, как бы оставленных грубой тканью. К сожалению, край не сохранился. По своему профилю сосуд напоминает керамику срубной культуры, чему не противоречит и фактура. Было бы достаточно оснований для датировки его этим временем. Однако днище сосуда несколько противоречит этому выводу. Оно обработано тычком, от чего остались вмятины, напоминающая отпечатки рогожки, что сближает этот сосуд с образцами городецкой посуды Саратовского Поволжья (рис. 4, 1). Отпечатки ткани на днищах сосудов встречены и на некоторых поселениях городецкой культуры Чувашского Поволжья. Днища такого типа были встречены и несколько южнее, в области Среднего Дона, в поселениях скифского времени. Этот признак заставляет отнести сосуд из Хулаша к несколько более позднему времени, к эпохе раннего железа. По своей фактуре хулашский сосуд отличается от горшков городецкой культуры, для которых характерно более грубое, плохо промешанное тесто, неровная шероховатая поверхность от примесей крупнозернистого песка.

Взаимное сопоставление указанных признаков заставляет этот сосуд датировать началом раннего железного века, временем начала формирования городецкой культуры. Эта последняя включала в свой состав старое население срубного времени, достаточно смешанное, состоявшее из сохранившегося балановского населения срубных и абашевских племен. На этот конгломерат наслоились пришлые финно-угорские племена, продвинувшиеся с северо-запада, как можно предполагать, основываясь на некоторых общих чертах между населением Горьковского края и чувашского Поволжья в эпоху конца бронзового века и раннего железа. Во всяком случае разбираемый сосуд смыкается, с одной стороны, со срубной, а с другой — с городецкой культурой.

Найденные на городище Хулаш обломки посуды с большой долей вероятности должны быть отнесены к раннему железному веку, причем часть их — к его начальной стадии. Об этом можно судить по фактуре сосудов, напоминающей посуду срубной культуры.

Здесь нередки и находки скифской бронзы и керамики скифского облика. Эти находки входят в довольно многочисленную группу материала, свидетельствующего не только о культурных связях, но, по-видимому, и о проникновении в область городецкой культуры некоторых групп населения лесостепи¹⁵.

Данные, которыми мы располагаем в результате двух лет раскопок, позволяют утверждать, что городище Хулаш является трехслойным памятником и возникло в эпоху бронзы, будучи заселено племенами срубной культуры. Это же население продолжало жить и позднее, в эпоху раннего железа, войдя, как один из компонентов, в состав городецкой культуры. Приблизительно в IX в. на этом месте возник небольшой болгарский город

¹⁴ С. А. Плетнев а. Керамика Саркела — Белой Вежи, стр. 218; Д. Т. Березов е в е д. Поселения улличей на р. Тяснине. МИА, № 108, 1963, стр. 198.

¹⁵ Н. В. Трубникова. Городецкие племена и связь их со скифами и сарматами. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 122; А. Х. Халиков. Железный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1962, стр. 47; А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья. М., 1961, стр. 94.

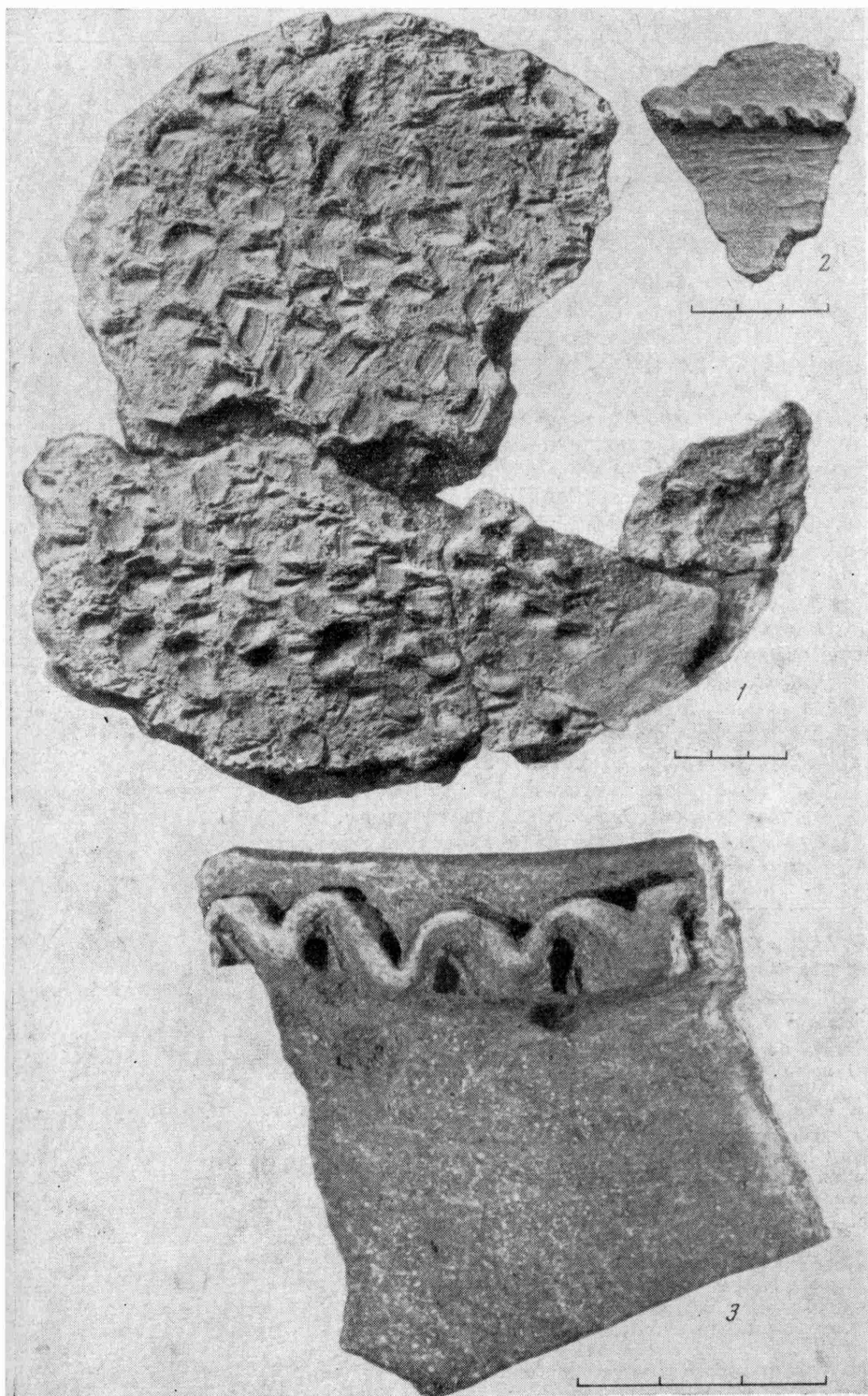

Рис. 4. Обломки сосудов из раннего слоя городища Жулаш

1 — обломок дна сосуда; 2 — обломок сосуда из Алексеевского городища; 3 — край сосуда с валиком

И. Т. ЧЕРНЯКОВ

НОВЫЕ НАХОДКИ ПАМЯТНИКОВ САБАТИНОВСКОГО ТИПА
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ¹

Археологические памятники эпохи поздней бронзы северозападного Причерноморья остаются до сих пор малоизученными, хотя уже сделана была попытка выделить их основные группы: памятники сабастиновского и белозерского этапов срубной культуры². До последнего времени эти памятники были известны на территории степного Северного Причерноморья — между Днестром (Красные Маяки) и Северным Приазовьем (Обиточная), между украинской лесостепью (Сабастиновка) и Крымом (Сазоновка и отчасти Киммерик)³.

В результате исследований последних лет памятники сабастиновского типа обнаружены на территории Нижнего Поднестровья⁴, на берегах степных рек и лиманов междуречья Дуная и Днестра⁵, в Нижнем Придунавье⁶.

В настоящем сообщении мы хотим ознакомить с материалами поселения сабастиновского типа «Колесное-1», открытого во время разведки 1961 г. в междуречье Дуная и Днестра (Татарбунарский район Одесской области)⁷. Поселение расположено на второй террасе пологого левого берега небольшой пересыхающей р. Хаджидер восточнее с. Колесное. На территории поселения расположены ферма и карьер для выборки глины («глинище»)⁸. В срезах глиняного карьера хорошо просматривается весь культурный

¹ Переработанный доклад, который был прочитан на секции энеолита и бронзы сессии отделения исторических наук АН СССР и Отделения общественных наук АН БССР 23 апреля 1963 г. в г. Минске.

² О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 117—132; Д. Я. Телегин. Питання відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я. Археологія, т. XII. Київ, 1961, стр. 3—15.

³ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., см. карту; Н. Н. Погребова. Пересадовское поселение на Ингуле. СА, 1960, № 4, стр. 88.

⁴ И. Б. Клейман, К. И. Ревенко. Археологічні спостереження на західному березі Дністровського лиману. МАПІ, вип. 11. Одеса, 1959, стр. 119; И. Т. Черняков. Археологические разведки берегов Днестровского лимана. ЗОАО, т. 1 (34). Одесса, 1960, стр. 215—216; А. И. Мелюкова. Работы в Поднестровье в 1958 г. КСИА. вып. 84, 1961, стр. 113—124; Г. А. Дзис-Райко. О некоторых итогах разведки левобережья низовьев Днестра и Днестровского лимана. КСОПИ, 1963, стр. 40—46.

⁵ И. Т. Черняков. Археологические разведки 1960 г. в приморской части междуречья Дуная и Днестра. КСОПИ, 1961, стр. 9—18; он же. Археологические разведки 1961 г. в юго-западных районах Одесской области. КСОПИ, 1963, стр. 47—60.

⁶ И. Т. Черняков. Некоторые археологические находки из Болградского района Одесской области. МАСП, вып. IV. Одесса, 1962, стр. 138—143; Е. К. Черныш, И. Т. Черняков. Археологические разведки 1962 г. в Нижнем Придунавье. КСИА, вып. 99, 1964.

⁷ И. Т. Черняков. Археологические разведки 1961 г. в юго-западных районах Одесской области, КС ОГАМ, 1963. Одесса, стр. 55.

⁸ Часть культурного слоя поселения разрушена при выборке глины, в результате чего площадь поселения определить очень трудно.

слой, в котором много костей, золы, керамики и камней. Культурный слой толщиной в 30—40 см сверху перекрыт слоем чистого чернозема толщиной в 20 см, снизу под ним залегает суглинок и глина.

В одном месте в срезе карьера нами была обследована кладка из камней, положенных плашмя в ряд (длина кладки — 1 м, высота около 20 см). В другом месте в срезе карьера была обнаружена и исследована разрушенная выборкой глины яма с широким дном и узкой горловиной.

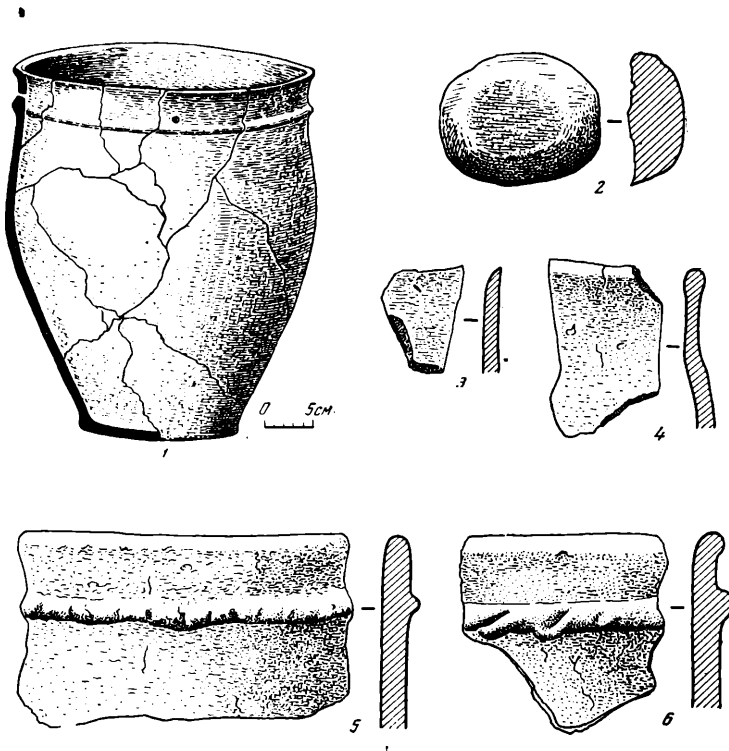

Рис. 5. Находки из поселения Колесное-1

1 — сосуд из хозяйственной ямы; 2 — каменный растиральник из хозяйственной ямы; 3—6 — обломки керамики

Глубина ямы (от древней поверхности) — 75—80 см, диаметр дна — 1,7 м, диаметр горловины — 90 см. Края ямы хорошо выделяются благодаря тому, что она вырыта в глине и заполнена золой, черноземом и в верхней части глиной. Дно ямы покрыто слоем чистой золы в 3—5 см, затем идет слой глины (20—25 см), в котором встречается небольшое количество костей животных. Слой глины имеет наибольшую толщину в центре ямы и резко суживается к краям, не достигая стенок ямы. На глине лежит слой золы в 7—15 см, в котором обнаружены расколотые и обожженные кости животных и в центре ямы большой сероглиняный сосуд (рис. 5, 1). Высота сосуда — 38 см, диаметр у венчика — 32 см, диаметр средней части — 33 см, диаметр дна — 17 см, толщина стенок — 0,8—1 см. Сосуд имеет невысокую шейку, слегка расширенные бока и несколько суженное дно. Венчик немного отогнут наружу, его верхняя плоскость скошена внутрь. Под венчиком на расстоянии 2 см сосуд украшен гладким наlepным валиком, ширина которого около 1 см. В одном месте прямо над венчиком сделан прокол. Глина сосуда грубая, со значительной примесью шамота, в изломе стенки черные, а ближе к поверхности желто-серого и красного цвета. Поверхность сосуда до обжига была залощена, на нижней части — следы

сильной закопченности. Рядом с этим сосудом были найдены крупные обломки второго сосуда. Венчик прямой, края закруглены, ниже венчика на расстоянии 3 см идет налепной валик, расчлененный косыми пальцевыми вдавлениями (рис. 5, 5, 6). Диаметр сосуда у венчика достигал 34 см. Обломки принадлежат большому сосуду с почти прямыми стенками. Глина сосуда грубая, с примесью шамота, поверхность шероховатая и закопченая, излом стенки — черный.

В этом же зольном слое найдены обломок каменного растирального (рис. 5, 2) и обожженные кости животных, принадлежавшие овце, лошади и крупному рогатому скоту⁹.

Верхняя часть ямы заполнена черноземом. В культурном слое над ямой было несколько камней.

Ямы различного хозяйственного назначения обнаружены при раскопках Сабатиновки¹⁰, Пересадовки¹¹, Тудорова¹² и других поселений поздней бронзы северозападного Причерноморья.

Керамика поселения Колесное-1 прежде всего связывается с керамикой поселений Сабатиновского типа. Так, большие сосуды близкой формы с налепным валиком, расчлененным пальцевыми вдавлениями или разнообразными насечками, характерны для всех сабатиновских поселений и в частности для Сабатиновки¹³, Волошского¹⁴, Пересадовки¹⁵, Анатолевки¹⁶ и др.

Сосуды с гладким валиком под венчиком также встречаются на поселениях сабатиновского этапа северозападного Причерноморья и в памятниках культуры Ноа в Румынии и лесостепной Молдавии¹⁷.

Интересные материалы получены в результате раскопок многослойного поселения у г. Болграда в Нижнем Придунавье, где открыты слои культуры гумельницы, поселения сабатиновского типа, слои эллинистически-римского времени, салтово-маяцкой культуры и славянского поселения (IX—XI вв.)¹⁸.

Для нас особый интерес представляет слой поселения поздней бронзы, в котором обнаружены остатки каменного домостроительства, зольник и большое количество керамики. Найдены обломки небольших баночных сосудов, обычных для памятников срубной культуры, обломки больших сосудов с налепным валиком, расчлененным вдавлениями пальца, насечками, обломки сосудов, поверхность которых заштрихована гребенкой¹⁹.

В результате последних исследований можно считать, что границу распространения памятников сабатиновского типа срубной культуры следует продвинуть далеко за Днестр до берегов Нижнего Дуная. Вероятно, в этом районе местные сабатиновские племена вошли в тесный контакт с племенами культуры Ноа, оказавшими значительное влияние на материальную культуру населения эпохи поздней бронзы северозападного Причерноморья. Таким образом, памятники сабатиновского типа были распростра-

⁹ По определению И. Я. Яцко.

¹⁰ А. В. Добровольский. Перше Сабатинівське поселення. АП УРСР, т. IV. Київ, 1952, стр. 84—85.

¹¹ Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 82.

¹² А. И. Мелюкова. Указ. соч., стр. 116—124.

¹³ О. В. Крицкова-Гракова. Указ. соч., стр. 125, рис. 28, 11, 27, 28.

¹⁴ О. В. Бодянский. Археологічні дослідження в межах порожистої частини Дніпра в 1947—1948 рр. АП УРСР, т. IV. Київ, 1952, стр. 174, табл. V, 2, 8.

¹⁵ Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 81, рис. 6, 8; рис. 7, 3.

¹⁶ Н. Н. Погребова. Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1958 г. КСИА, вып. 83, 1961, стр. 112.

¹⁷ А. И. Мелюкова. Исследование памятников предскифской и скифской эпохи в лесостепной Молдавии, МИА ю-в СССР и РНР. Кишинев, 1960, стр. 131—132, рис. 1, 5, 9.

¹⁸ Е. К. Черныш. Многослойное поселение у г. Болград, КС ОГАМ, 1962.

¹⁹ Материалы раскопок Болградского поселения еще не опубликованы и хранятся в Одесском археологическом музее.

нены на территории степной части Северного Причерноморья от берегов Дуная до Приазовья. Не без интереса можно вспомнить, что именно эта территория в эпоху поздней бронзы связывается многими археологами с киммерийцами²⁰.

Упоминания о киммерийцах в ассирийских, персидских и греческих источниках²¹, вероятно, относятся лишь к заключительному этапу «киммерийской» истории.

²⁰ В. Г о р о д ц о в. К вопросу о киммерийской культуре. Труды секции археологии РАНИОН, 11, 1928, стр. 48; Е. И. К р у п н о в. Киммерийцы на Северном Кавказе. МИА, № 68, 1958, стр. 179.

²¹ Л. А. Е л ь н и ц к и й. Киммерийцы и киммерийская культура. ВДИ, 1949, № 3, стр. 14.

О. В. ОВСЯННИКОВ, Г. В. ГРИГОРЬЕВА

ЖЕЛЕЗОПЛАВИЛЬНЫЙ ГОРН НА СТОЯНКЕ
ОЛЬСКИЙ МЫС

В результате двухлетних (1960—1961) исследований стоянки Ольский мыс, расположенной на восточном берегу оз. Лача, 17 км южнее г. Каргополя, была вскрыта площадь 535 кв. м. Достопримечательностью стоянки являются остатки примитивного железоплавильного горна, обнаруженные вместе с комплексом изделий из железа и керамики. Остатки горна представляют собой лунку, диаметром 25 см и глубиной 20 см. Углубление оказалось заполнено кусками криццы. Стенки и дно лунки были покрыты плотным слоем железа, сплавившегося с песком. Рядом с горном наблюдалось большое скопление шлаков (шлаки из горна рис. 6, 2). Аналогичные куски шлаков были обнаружены в ямках, расположенных вокруг горна. Около горна лежал железный нож. Железоплавильный горн связан, по-видимому, с поздней керамикой из стоянки, представляющей собой фрагменты сосудов с орнаментом из мелких надрезов, имитирующих отпечатки шнура. Эта керамика имеет некоторые общие черты с керамикой городищ волго-ветлужского бассейна. Наряду с этой керамикой, которую можно отнести к позднему этапу существования стоянки, имеется керамика более древнего облика (рис. 6, 1), с которой очевидно связываются немногочисленные кремневые и сланцевые орудия: наконечники копий и стрел, тесла, долота, ножи, скребки, проколки и отщепы. Изделия из железа вместе с остатками горна и поздней керамикой следует отнести к концу Каргопольской культуры, т. е. к первой половине I тыс. до н. э.

Богатство северных областей болотными рудами способствовало быстрому освоению выплавки железа. Интересно отметить, что этот процесс отражен и в памятниках Карельской культуры раннего железного века. Так, например, в поселениях 4-й группы на северном побережье Онежского озера (стоянка Оров-Губа) найдены металлические шлаки и остатки горна¹. Эти памятники датируются 1000—500 гг. до н. э. К этому же времени относится и поздний этап Каргопольской культуры, с которым следует связывать наш комплекс с остатками горна.

Об остатках производства металлургии на стоянках Каргопольской культуры известно очень мало. Укажем на стоянку в устье р. Кинемы, где найден небольшой шаровидный кусок болотной руды (железной)². Известен также небольшой железный нож, треугольный в сечении, с черешком для насадки, найденный на стоянке Кубенино В. И. Смирновым³.

Бронзовые изделия появились у каргопольцев, по предположению М. Е. Фосс, во второй половине II тыс. до н. э.⁴ Единственная бронзовая

¹ Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, № 20, 1951, стр. 128—136.

² М. Е. Фосс. Древнейшая история Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 103.

³ В. И. Смирнов. Отчет Архангельского областного музея о раскопках 1940 г. Архив музея, стр. 18.

⁴ М. Е. Фосс. Указ. соч., стр. 104—105.

вещь этого времени — кельт меларского типа⁵. На стоянках Кубенино и Верхнее Веретье были найдены глиняные формочки для отливки прута⁶.

При сопоставлении этих находок с находками на соседних территориях оказывается, что каргопольцы узнали бронзу не намного позже, чем их северо-западные соседи. Имеются в виду поселения 3-й группы на северном

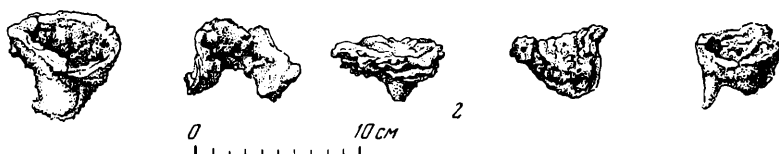
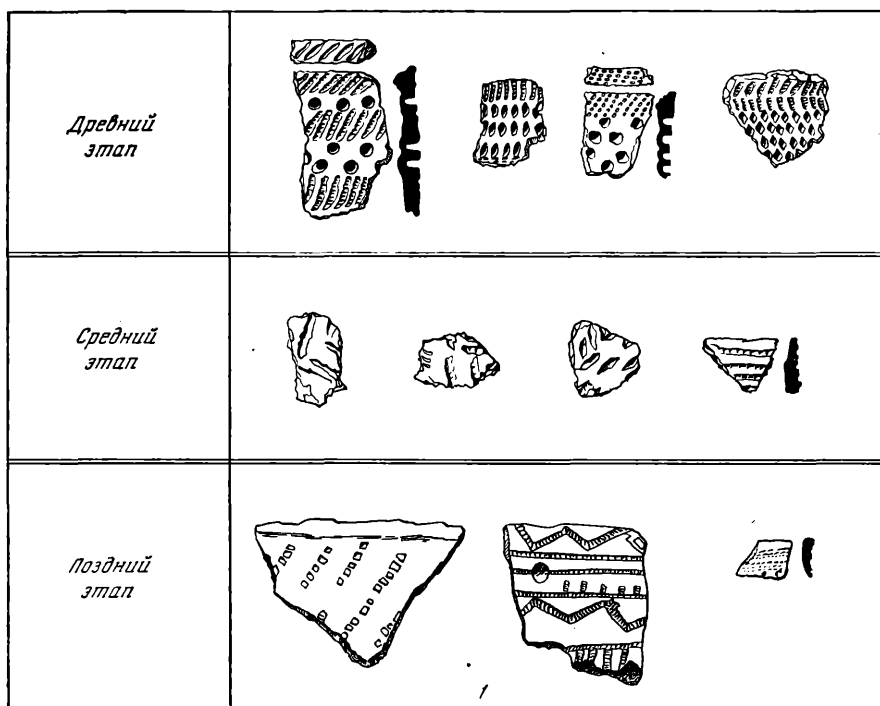

Рис. 6. Находки на стоянке Ольский мыс

1 — типы керамики из стоянки Ольский мыс; 2 — шлаки из горна

побережье Онежского озера⁷, стоянки Вой-Наволок № 9 и Оров-Наволок с находками бронзовых предметов. Приведенные факты свидетельствуют о том, что железо является не первым металлом, с которым познакомились каргопольцы. Им были известны бронзовые вещи, но данные, свидетельствующие о металлургии бронзы в Каргопольской культуре, неизвестны. В то же время у их северо-западных соседей, на западном берегу Логм-озера, на урочище Томица обнаружены остатки бронзолитейной мастерской⁸.

Таким образом, в результате изучения стоянки Ольский мыс был впервые обнаружен железоплавильный горн, который свидетельствует об освоении племенами Каргопольской культуры выплавки железа.

⁵ Там же, стр. 105, рис. 57, 1.

⁶ Там же, стр. 95, рис. 58.

⁷ Н. Н. Гурина. Указ. соч., стр. 101—128.

⁸ А. Я. Брюсов. История Древней Карелии. Труды ГИМ, вып. IX, 1940, стр. 124—141.

А. И. ПУЗИКОВА

ДВА КУРГАНА ИЗ МОГИЛЬНИКА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ у с. РУССКАЯ ТРОСТЯНКА

Летом 1963 г. Воронежская лесостепная экспедиция продолжала раскопки курганного могильника у с. Русская Тростянка Острогожского района Воронежской области¹. Раскопано семь насыпей, высотой от 0,3 до 1,5 м, расположенных компактной группой в северо-западной части могильника. Все семь курганов дали погребения скифского времени, публикуются комплексы двух курганов — № 13 и 14.

Курганные насыпи снимали бульдозером, шестью траншеями, шириной 2,5 м с оставлением центральной и вспомогательных бровок, которые впоследствии были снесены. Высота насыпи кургана № 13 (рис. 7) равнялась 1,5 м. На глубине 0,40—0,75 м от вершины кургана был обнаружен выкид желтой материковой глины диаметром до 10 м, расположенный кольцом вокруг пятна могильной ямы шириной 2,5—3,5 м, толщина слоя выкида — 0,35—0,55 м. Подобное расположение выкида неоднократно отмечалось в курганах у с. Мастюгино и является характерной чертой погребального обряда этих могильников². От деревянного перекрытия могилы сохранился тонкий слой древесного тлена в профиле кургана, доходящий до полос выкида.

Могильная яма была обнаружена на глубине 1,75 м от вершины кургана. Могила представляла собой почти прямоугольную камеру, вырытую в материковом суглинке, ориентированную длинными сторонами в направлении ЮЗ — СВ. Размеры ее 5,50 × 4,30 м — 4,60 × 2 м.

Стенки могильной ямы отвесные, на них прослеживались отпечатки деревянной облицовки. Контур ее четко виден при зачистке дна могильной ямы, толщина досок не превышала 5—6 см. Дно покрыто тонким слоем древесного тлена — след подстилки. Облицовка и перекрытие могилы держались при помощи вертикальных столбов диаметром 0,20—0,30 м, от которых остались ямки, заполненные черноземом и древесным тленом. В могиле обнаружено семь столбовых ямок, шесть — по углам и в середине стен, седьмая — в центре. Глубина — от 0,50 до 0,80 м. Пять ямок — квадратные в плане, две — круглые, последние находились в северном и восточном углах.

Погребение находилось у северо-западной стенки. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Череп раздавлен. Кости ног, кроме голени правой ноги, лежали *in situ*. Кости рук и грудной клетки — смещены. В головах и ногах погребенного были обнаружены две параллельные доски, шириной 0,10 м, на которых, вероятно, лежал деревянный помост, под погребением.

¹ До 1963 г. раскопано 11 насыпей. Один из комплексов (курган № 1) опубликован: А. И. Пузикова. Курганный могильник скифского времени у с. Русская Тростянка. СА, 1962, № 4.

² П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы. СА, 1961, № 3, стр. 157.

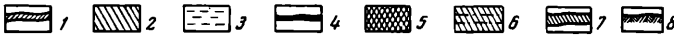
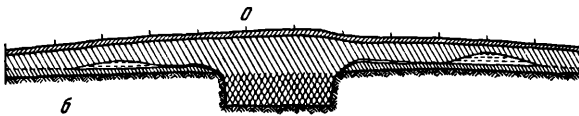
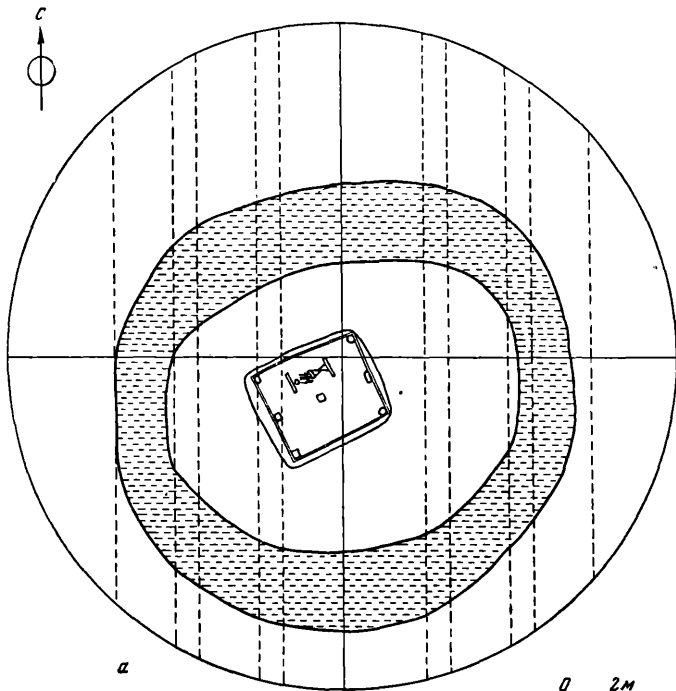

Рис. 7. План (а) и профиль (б) кургана № 13 по линии С—Ю у с. Русская Тростянка

Условные обозначения: 1 — пахотный слой; 2 — чернозем — насыпь кургана; 3 — выквд измогильной ямы; 4 — слой древесного тлена; 5 — плотный чернозем — заполнение могильной ямы; 6 — чернозем с суглинком — заполнение грабительского входа; 7 — погребенная почва; 8 — материк-суглинок

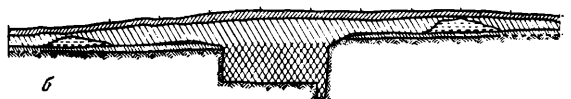
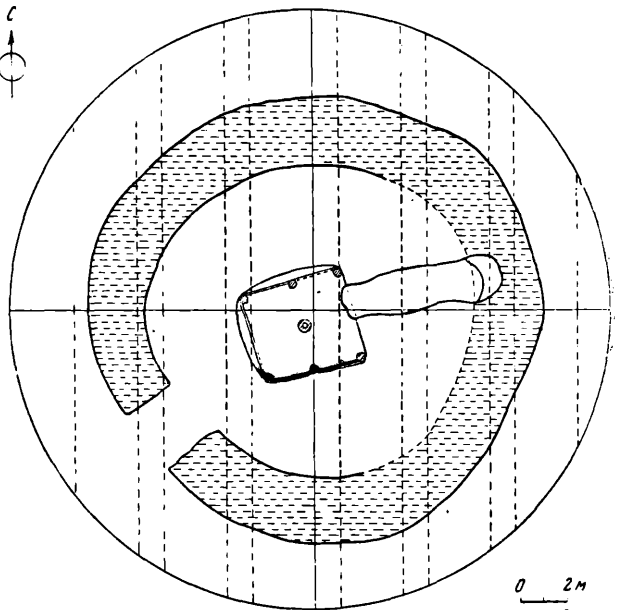

Рис. 8. План (а) и профиль (б) кургана № 14 по линии С—Ю у с. Русская Тростянка (условные обозначения см. рис. 7)

Весь инвентарь был обнаружен у юго-западной стенки могильной ямы и в южном углу.

У юго-западной стенки были найдены четыре бронзовые круглые бляшки с петлей на обратной стороне, железное кольцо со штырем и четыре бронзовых наконечника стрел, восточнее лежали кости лошади, окрашенные в зеленый цвет. Первоначально кости находились, видимо, в бронзовом котле, унесенном грабителями. В южном углу находились принадлежности конской сбруи: железные и бронзовые ворворки, бронзовая пряжка от подпруги, железное кольцо, прорезная бронзовая бляха, два железных конских налобника, двое железных удил. Один — с бронзовыми двухдырчатыми псалиями в зверином стиле, изображающими на одном конце головку лошади, на другом — сильно стилизованные копыта. Другие — с псалиями в виде железных ребристых стержней с круглыми шляпками и восьмеркообразными расширениями в середине. Рядом с псалиями лежали два железных наконечника дротиков. Подтоки от древков дротиков были обнаружены в восточной части могилы.

Курган № 14 (рис. 8) расположен к северо-востоку от кургана № 13. Наибольшая высота насыпи 1,40 м. Кольцо выкида было обнаружено на глубине 0,35—0,95 м от вершины кургана. Ширина ее равнялась 2,5—3 м, толщина слоя — 0,40—0,65 м. В отличие от предыдущего кургана, в кольце выкида кургана № 14 обнаружен разрыв шириной до 2,5 м — проход к могильной яме.

К северо-восточной стенке могильной ямы примыкала траншея, длиной свыше 6 м, ориентированная также в направлении ЮЗ—СВ, по которой грабители проникли в курган; вполне возможно, что она совпадала с древним дромосом³.

Могильная яма представляла собой камеру, трапециевидной формы в плане, размеры ее — 4,25 × 3,90—3,85 м. Как и в кургане № 13, найдено семь столбовых ямок и следы деревянной досчатой облицовки стен. Диаметр столбов 0,25—0,30 м, глубина от уровня дна — 0,60—0,70 м. Дно покрыто тонкой древесной подстилкой, во многих местах потревоженной грабителями. В могиле обнаружены обломки двух черепов, позвонки, ребра, кости рук и ног, которые были разбросаны по всей могиле. Может быть, о местоположении одного из погребенных говорят следы костного тлена от бедра и голени и бисерные бусы от одежды, обнаруженные в центре могильной ямы.

Судя по инвентарю, погребения были мужским и женским. К женскому погребению относятся бусы (бисер, глазчатая, халцедоновые и пастовые) и бронзовое зеркало с железной ручкой. Мужскому захоронению, несомненно, принадлежат остатки железного панциря, 34 железных и два бронзовых наконечника стрел, бронзовые двойные и тройные поясные бляшки, а также принадлежности конской сбруи: железные удила с железными псалиями, обломок серебряного псаля, девять бронзовых круглых бляшек разного диаметра с петлей на обратной стороне, четыре бронзовые ворворки, 14 железных ворворок, четыре железных кольца, два бронзовых кольца с напаянными выступами, бронзовая бляшка в зверином стиле, изображающая задние ноги животного; бронзовые наборные бляшки на ремнях и среди них бронзовая бляшка с изображением головы лошади.

У юго-западной стенки находились плохо сохранившиеся кости животных, железный нож с горбатой спинкой и костяной ручкой, раздавленный лепной кувшин, а в центральной столбовой ямке и вокруг нее — обломки

³ Входы-дромосы в данном могильнике пока не обнаружены, но они неоднократно встречены в могильнике у с. Мастюгино. Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, 43, стр. 56, 58; П. Д. Либеров. Отчет о результатах работы Воронежского отряда лесостепной скифской экспедиции ИА АН СССР в 1962 г. Архив ИА АН СССР, № 2489 а, табл. XXXII, XXXV, XXXVII.

стенок, ручки и ножка амфоры⁴. Все вещи были разбросаны грабителями и судить о положении инвентаря в могильной яме невозможно. Так, например: принадлежности конской сбруи находились в самых разных частях могилы. Удила с псалиями, железные наконечники стрел, бронзовая бляшка в зверином стиле были обнаружены под зеркалом; два бронзовых наконечника стрел и несколько бронзовых уздечных бляшек — в заполнении столбовой ямки восточного угла и т. д.

Итак, конструкция могильных ям описанных курганов одинакова: грунтовые ямы с деревянной облицовкой стен досками и перекрытием, опирающимся на столбы. Такое устройство могил было широко распространено в лесостепи, начиная уже с VII в. до н. э.⁵ В Воронежских курганных группах подобное устройство могильных ям является господствующим. Варианты их состоят в том, что облицовка стен могла быть из бревен или частокола, укрепленных в канавках вертикально⁶. Сохранившийся после ограбления курганов инвентарь позволяет говорить не только о богатстве погребений, но довольно точно определить их дату. Это железные наконечники дротиков (рис. 9, 1, 2), бронзовые наконечники стрел (4 шт.), обнаруженные в кургане № 13, трехгранные (рис. 10, 1—4). У двух из них (рис. 10, 1, 2) втулка слабо опущена и на гранях подчеркнута выемками. У двух других (рис. 3, 3, 4) втулка внутренняя, внизу граней — небольшие выемки. Эти типы наконечников хорошо известны по работе П. Д. Рау⁷. Один наконечник относится к типу 2E (табл. X, по Рау). Два наконечника повторяют типы 1E, 2A, 3B (табл. VIII, по Рау). Наконечники такого типа известны из уже раскопанных Мастюгинских курганов типа 1A (табл. XI, по Рау). Четвертый наконечник близок к типу 3R (табл. IX, по Рау). Все аналогичные наконечники стрел происходят из комплексов, датированных концом V — началом IV вв. до н. э. Два железных наконечника дротиков (рис. 9, 1, 2) с длинными стрижнями (35 см), плавно переходящими во втулки, и жаловидными перьями длиной 8,5—9 см (на пере одного из дротиков сохранились остатки дерева, вероятно, от футляра) относятся к группе более поздних дротиков, которые можно датировать IV—III вв. до н. э. Их широкое распространение А. И. Мелюкова связывает с возросшей потребностью в оружии ближнего боя⁸. В Воронежских группах курганов они встречаются особенно часто и в отличие от других районов бывают положены в могилы без копий⁹. Подтоки от этих дротиков (рис. 10, 22) имели рюмкообразную форму, изредка встречающуюся и в Днепровской лесостепи¹⁰, но особенно характерную опять же для Воронежских курганных могильников. Бронзовые круглые бляшки с петлей на обратной стороне (рис. 10, 15), употреблявшиеся для крепления ременных перекрестий, уздечек, встречаются почти при каждом конском погребении как в степи, так и в лесостепи¹¹. Диаметры таких бляшек бывают

⁴ Интересно отметить, что горло этой же амфоры было найдено в могильной яме кургана № 15, куда оно было выброшено грабителями.

⁵ В. Г. Петренко. Культура племен правобережного среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э. МИА, № 96, 1961, стр. 63; Г. Т. Ковпаненко. Памятки скифского часу в бассейне р. Ворсклы. «Археологія», VIII, 1961, стр. 70—71.

⁶ С. Н. Замятин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежом. СА, 1946, VIII, стр. 14, 18, 23, 37, 39 и т. д.; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, стр. 51, рис. 56, стр. 54, 57; П. Д. Либеров. Отчеты о работе Воронежского отряда лесостепной экспедиции за 1958—1962 гг. Архив ИА АН СССР, № 1726, 1871, 2118, 2258, 2489.

⁷ P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929.

⁸ А. И. Мелюкова. Вооружение войска и военное искусство скифов. САИ, вып. Д 1—4.

⁹ Там же.

¹⁰ А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, СПб., 1887—1904, т. III, табл. II, 7.

¹¹ Н. И. Веселовский. Исследование кургана Содоха. ОАК за 1913—1915 гг., стр. 126—129, 132—133; Б. Н. и В. И. Ханенко. ДП, вып. II. Киев, 1899—1900,

Рис. 9. Находки из курганов у с. Русская Тростянка

1, 2 — железные наконечники дровиков; 3 — бронзовые бляшки от уздечного набора; 4 — бронзовое зеркало с железной ручкой; 5 — кувшин лепной, залощенный; 6 — амфора гераклейская IV в. до н. э.
1—2 — из кургана № 13; 3—6 — из кургана № 14

различными. Также часто встречаются восьмеркообразные пряжки от подпруги¹² (рис. 10, 12), железные кольца и бронзовые и железные ворворки. Железное кольцо с напаянным выступом (рис. 10, 11) имеет аналогии в бронзовых изделиях: подобные кольца из бронзы были встречены в наборах конских уздечек лесостепи¹³.

Очень интересна бронзовая прорезная бляшка своеобразного рисунка с обломками петли на обратной стороне (рис. 10, 9). Семь подобных бляшек известны из кургана № 1 в урочище «Частые курганы»¹⁴ и одна из кургана № 8 у с. Русская Тростянка раскопок 1962 г. В других районах аналогий этим бляшкам не найдено¹⁵.

Два железных конских налобника (рис. 10, 19, 20) представляют собой щитки, переходящие в стержень, изогнутый в кольцо с шишечкой на конце. Такие налобники неоднократно находили в «Частых»¹⁶ и Мастюгинских курганах. В группе Русской Тростянки они встречаются почти при каждом уздечном наборе, разница их состоит в форме щитка; она может быть удлиненной, в виде листка ивы, в виде вытянутого шестиугольника или совсем круглой.

Наибольший интерес из находок кургана № 13 представляют пара удила. Первые удила (рис. 10, 13) — железные, с неподвижными кольцами на концах, строгость их увеличена четырьмя шипообразными отростками в месте соединения внутренних колец. Псалии этих удила S-видные, бронзовые, с восьмеркообразными расширениями в середине, изготовлены в зверином стиле. Один конец их трактуется в виде головы лошади, другой — в виде сильно стилизованного копыта. В качестве аналогий нашим удилам можно указать удила из курганов № 1 и 2 у с. Аксютинцы¹⁷, которые датируются греческой керамикой и бронзовыми наконечниками стрел V в. до н. э. Совершенно идентичен псалиям этих удила один псалий из курганов Роменского уезда, найденный вне комплекса¹⁸.

О довольно ранней дате этих удила говорит большое сходство изображений с костяными трехдырчатыми псалиями более раннего времени, например с костяными псалиями из курганов у с. Аксютинцы и Поповка Роменского уезда¹⁹, а также с псалиями из «Старшей могилы»²⁰.

Вторые удила (рис. 10, 21) имеют железные псалии в виде прямых стержней с ребрами, имитирующими обмотку, заканчивающиеся плоскими круглыми шляпками. Наружные концы снабжены дополнительными железными кольцами. Удила с псалиями, оканчивающимися шляпками, встречаются начиная с V в. до н. э. Самой близкой аналогией нашим удилам являются удила из Мастюгинского кургана № 29/21, комплекс которого датируется бронзовой гидрией и чернолаковой керамикой V в. до н. э.²¹

Таким образом, основываясь на аналогиях, весь комплекс кургана № 13 можно датировать V—IV вв. до н. э. Более точно можно датировать комп-

табл. XV, 237—240; табл. XVII, 317; табл. XVIII, 318; А. А. Бобринский. Указ. соч., т. III, XIX, 320 а—б, XXI, 402.

¹² Б. Н. и В. И. Ханенко. ДП, вып. II, табл. XVII, XVIII; Н. И. Веселовский. Исследование кургана Солоха. ОАК за 1913—1915, стр. 132—133.

¹³ Б. Н. и В. И. Ханенко. ДП, вып. II, табл. XIX, 320 а.

¹⁴ С. Н. Замятин. Скифский могильник «Частые курганы», под Воронежом. СА, VIII, 1946, стр. 19, рис. 6, 7.

¹⁵ Интересна интерпретация этих бляшек. А. И. Мартинович, автор раскопок «Частых курганов», считал их изображениями кистей. С. Н. Замятин, по аналогиям с ленскими писаницами, считал возможным трактовать их как изображения кочевой кибитки или чума.

¹⁶ С. Н. Замятин. Указ. соч., стр. 19, рис. 6, 1.

¹⁷ А. А. Бобринский. Указ. соч., т. II, табл. XXIII, 6, 9; табл. VIII, 2.

¹⁸ А. А. Бобринский. Указ. соч., т. III, табл. X, 11.

¹⁹ А. А. Бобринский. Указ. соч., т. III, табл. VII, 6; табл. VIII, 3, 4, 5.

²⁰ В. А. Ілліньска. Курган Старша могила — пам'ятка архаїчній скіфії. «Археологія», Х. Київ, 1957, стр. 205.

²¹ П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы. СА, 1961, № 3.

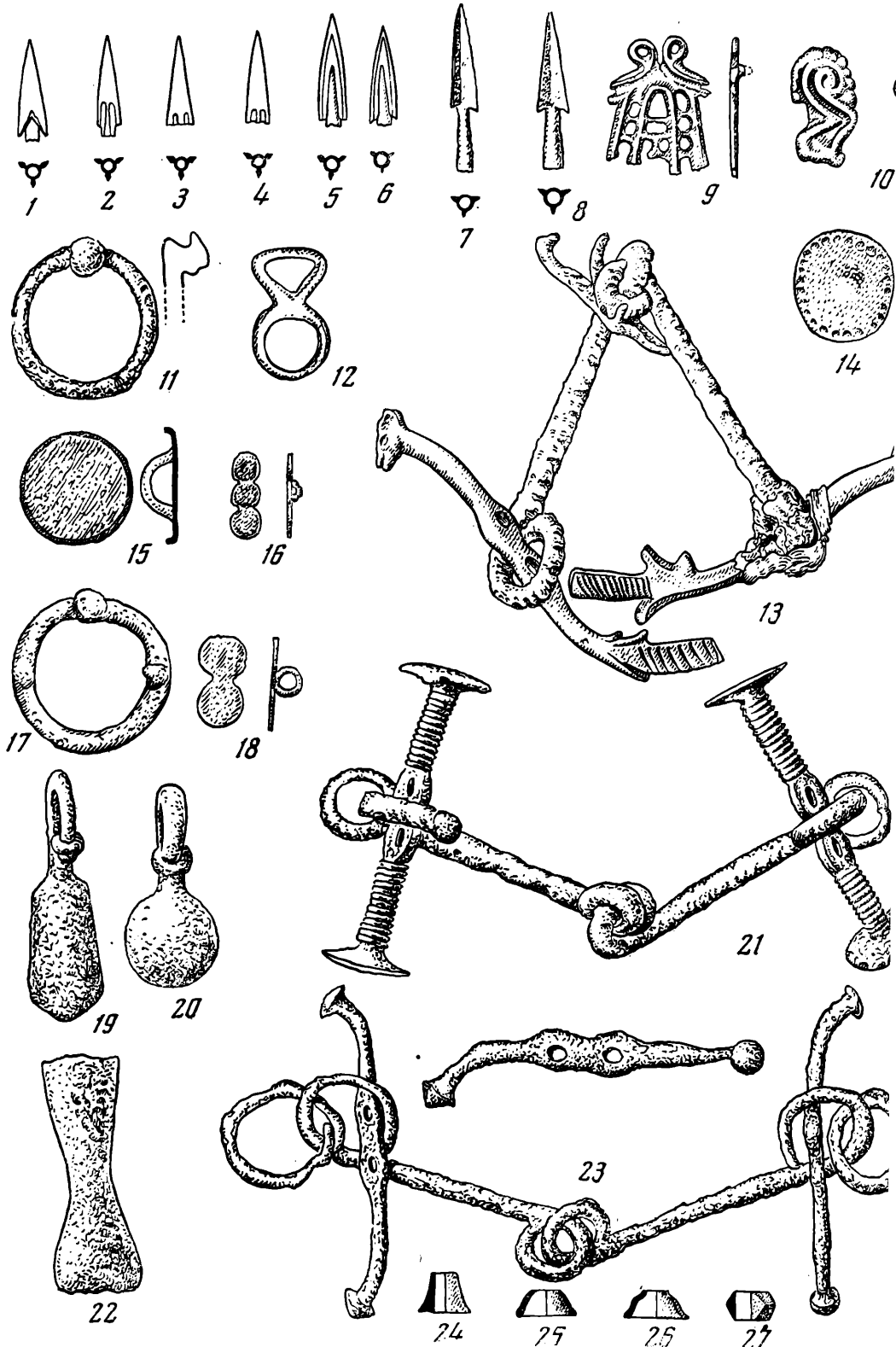

Рис. 10. Находки из курганов у с. Русская Тростянка

1—6— бронзовые наконечники стрел; 7—8— железные наконечники стрел; 9, 10— бронзовые уздечные бляшки; 11— железное кольцо с напаянным выступом; 12— бронзовая пряжка от уздечки; 13— железные удила с бронзовыми псалями в зверином стиле; 14— бронзовая круглая орнаментированная уздечная бляшка; 15— бронзовая круглая уздечная бляшка; 16— бронзовая тройная бляшка от пояса; 17— бронзовое кольцо с напаянными выступами; 18— бронзовая двойная бляшка от пояса; 19, 20— железные конские налобники; 21— железные удила с железными псалями; 22— железный вток наконечника копья; 23— железные удила с железными псалями; 24—27— бронзовые уздечные ворворки разных форм. 1—4, 9, 11—13, 15, 19—22— из кургана № 13; 5—8, 10, 14, 16—18, 23—27— из кургана № 14

леке кургана № 14, благодаря находке гераклейской амфоры IV в. до н. э.²² (рис. 9, 6). Не противоречит этой дате и весь остальной материал. Лепной одноручный кувшин (рис. 9, 5) с раздутым туловом и плоскосрезанным венчиком встречается на городищах и поселениях лесостепного левобережного Днепра IV—III вв. до н. э.²³ и, как уже отмечалось, фрагменты кувшинов являются одним из основных типов лепной посуды в памятниках Воронежской группы. Были они и в «Частых курганах»²⁴, но особенно часто встречаются в группе у с. Русская Тростянка (из 18 раскопанных курганов в пяти из них были обнаружены такие кувшины или их фрагменты). Варианты их состоят в большей или меньшей раздутости тулова, в форме, количестве и расположении ручек. Два бронзовых наконечника стрел (рис. 10, 5, 6), обнаруженных в кургане, относятся к очень часто встречающемуся типу наконечников, датируемому IV—III вв. до н. э.²⁵

Железные наконечники стрел (34 шт., рис. 10, 7, 8) однотипны: они трехлопастные, с пером, по длине равным втулке или немного длиннее ее. Характерны они для погребений Прикубанья и Дона, начиная с IV в. до н. э.²⁶

О наличии панциря в кургане свидетельствует находка панцирных железных пластинок обычного типа с тремя отверстиями для нашивки в верхней части.

Бронзовые бляшки в виде двух и трех кружков, соединенных вместе, (рис. 10, 16, 18), относились к поясу, видимо, мужского погребения, так как аналогичные бляшки были обнаружены Н. Е. Макаренко в кургане — № 2 Мастюгинской группы в богатом погребении воина²⁷. Бронзовое зеркало с железной ручкой (рис. 9, 4) было, вероятно, принадлежностью женского погребения. На конце ручки было овальное или круглое расширение, так что форма зеркала повторяет форму бронзовых зеркал с бронзовыми ручками, сделанных из одной пластины. Аналогичные зеркала являются распространенной формой зеркал лесостепного Приднепровья в V—III вв. до н. э.²⁸ Встречаются такие зеркала и в сарматских древностях. Авторы, занимавшиеся вопросом их происхождения и датировки, отмечают, что подобные зеркала известны в прохоровских погребениях IV—III вв. до н. э., т. е. в самом начале культуры, позже они исчезают²⁹. Наличие валика по краю диска, который наблюдается на нашем зеркале, также не противоречит дате IV—III вв. до н. э., так как такие валики появляются только в конце савроматской эпохи³⁰.

Бусы (рис. 11), также относящиеся к женскому погребению, были обнаружены в одном месте. Мелкий голубой бисер был, видимо, нашит на одежду, остальные (глазчатая, пастовые разноцветные и халцедоновые) входили в состав ожерелья.

Уздечный набор состоял из круглых бляшек разного диаметра с петлей на обратной стороне, некоторые из них были украшены выпуклыми

²² Определение амфоры произведено И. Б. Зеест.

²³ И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961, стр. 40, рис. 6, 6, 8.

²⁴ С. Н. Замятнин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежом. СА, VIII, 1946, стр. 36, рис. 25; В. А. Городцов. Раскопки «Частых курганов» под Воронежом в 1947 г. СА, IX, 1947, стр. 20, рис. 9.

²⁵ Р. Рау. Указ. соч., табл. IX—X—XI.

²⁶ А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, 35, 1910, стр. 114, рис. 19, 9; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, 43, 1911, стр. 54, рис. 59, 4.

²⁷ Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, 43, 1911, стр. 51, рис. 56; стр. 54; рис. 59, 5.

²⁸ А. А. Бобринский. Указ. соч., т. II, табл. XIV, 5; Б. Н. и В. И. Ханенко. ДП, вып. II, табл. XIII, 228—231.

²⁹ М. Г. Мошкова. Памятники Прохоровской культуры. САИ, вып. Д 1—10, 1963, табл. 27, 16.

³⁰ А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, № 4, стр. 60

полушариками по краю (рис. 10, 14); из бронзовых и железных ворворок различной формы (рис. 10, 24—27); двух бронзовых колец с напаянными выступами (рис. 10, 17); железных колец с выступами, имитирующими эти бронзовые (рис. 10, 11), железных удил, обычного для IV — III вв. типа, снабженных дополнительными кольцами и псалиями в виде русской «С», двухдырчатыми, с концами, загнутыми в разных плоскостях и заканчивающимися шишечками (рис. 10, 23).

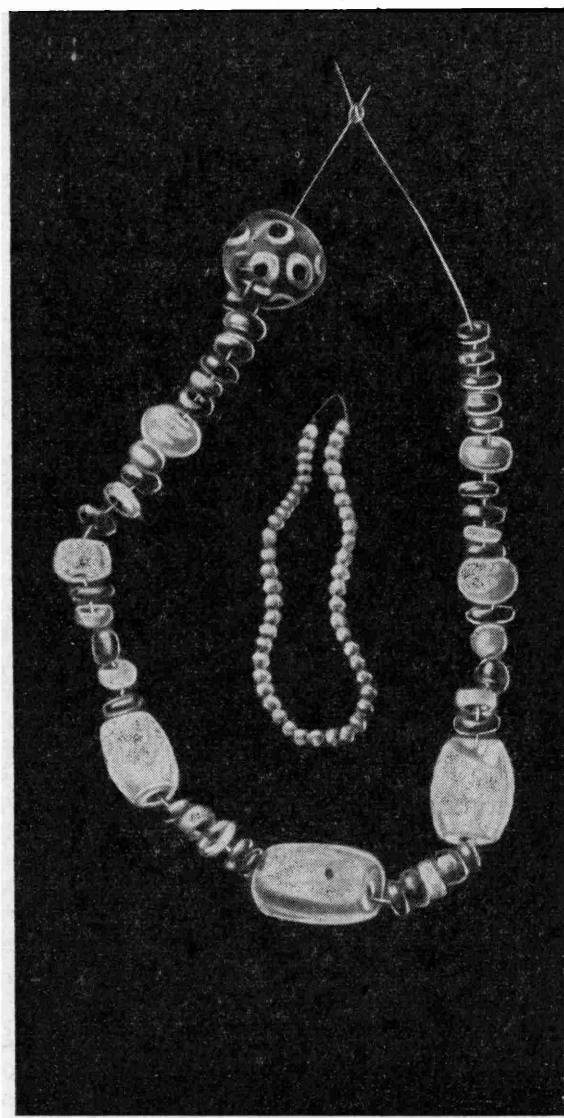

Рис. 11. Бусы бисерные, сердоликовые, пастовые и глазчатая из кургана 14

В состав украшений конской узды входили две бронзовые бляшки в зверином стиле, на которых следует остановиться подробнее.

Первая бляшка изображает заднюю часть какого-то животного (рис. 10, 10). Бедро оформлено в виде завитков, сверху полукругом идет ряд выпуклых полушариков; нижние части ног также оканчиваются завитками. На

обратной стороне бляшки горизонтально расположена петля. Изображения задней части животного в зверином стиле встречаются часто. Вначале они довольно реалистичны, но с течением времени схематизм их изображения возрастает.

Если в начале типологического ряда поставить бляшку из кургана № 3 в урочище Галушино, датируемого V в. до н. э.³¹, а в конце — очень схематизированную бляшку из кургана № 66 Бобринского могильника³², датируемую по аналогиям IV в. до н. э., то бляшка из нашего кургана должна быть расположена где-то в середине этого ряда, наряду с бляшками из кургана «Солоха»³³.

Другая бляшка представляет собой головку лошади (рис. 9, 3). Морда животного оформлена в виде огромного выпуклого глаза; нос и губы — в виде S-образного завитка; маленькие уши подчеркнуты кружком, на изогнутой шее — небольшой выступ и грива. Под головкой животного проходит планка с петлей. Бляшка была найдена среди наборных бронзовых бляшек, нанизанных на остатки ремней, и, возможно, служила налобником, так как налобника обычного типа в могиле обнаружено не было. Единственной аналогией нашей бляшке является бляшка из Мастюгинского кургана № 1 (раскопки Н. Е. Макаренко)³⁴, который не может быть датирован самостоятельно по обнаруженным в нем вещам. Но, судя по реалистичности изображения, обе бляшки можно отнести к V—IV вв. до н. э.

Курганный могильник у с. Русская Тростянка, основываясь на материале раскопок предыдущих лет, относили в основном к IV—III вв. до н. э. Раскопки 1963 г., дав новый для этой группы вид устройства погребальных камер (облицовка стен могилы горизонтальными досками без укрепления их в канавках) и богатый археологический материал более раннего времени, позволили расширить хронологические рамки существования могильника до V—IV вв. до н. э.

³¹ Б. Н. и В. И. Ханенко. ДП, вып. II, табл. XIX, 3206.

³² А. А. Бобринский. Указ. соч., т. III, стр. 130, рис. 68.

³³ Н. И. Веселовский. Расследование кургана Солоха. ОАК за 1913—1915 гг., стр. 127—130, рис. 206, 209, 211.

³⁴ Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, 43, 1911, стр. 50, рис. 55, 4.

А. В. КУЗА

ЗАРУБИНЕЦКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ОКОЛО ЖИТОМИРА

Во время разведок в зоне затопления Житомирской ГЭС летом 1963 г. на левом берегу р. Тетерев у с. Тетеревка Коростышевского района Житомирской обл. было обнаружено поселение зарубинецкой культуры¹. На большом мысу площадью около 10 000 кв. м, образованном крутой излучиной русла реки, на распаханном поле попадались отдельные черепки лепных сосудов с шероховатой или лощеной поверхностью. Поселение, по-видимому, занимало только часть территории мыса, на 2—3 м возвышавшегося над водой. С северной напольной стороны оно ограничено ложбиной, возможно, искусственного происхождения.

Для выяснения стратиграфии памятника и определения места раскопок были проложены две перекрещивающиеся траншеи шириною 2 м в направлении восток — запад и север — юг. Длина первой траншеи 92,5 м, длина второй — 100 м. Раскопки траншей показали, что культурный слой на большей части поселения по толщине равен 0,2 м, постоянно перепахивается и очень слабо насыщен находками. Под слоем дерна, на глубине 0,20 м находился плотный оранжевый песок, не содержащий находок.

Наибольшее количество керамики найдено в восточной части первой траншеи и в южной части второй траншеи, где мощность культурного слоя достигла 0,4 м, поэтому было решено вести раскопки в юго-восточной части поселения.

На площади, вскрытой раскопками, которая составляет 1150 кв. м, обнаружено шесть ям и собрано около 1000 обломков разнообразных сосудов; находки концентрировались главным образом вокруг ям. Эти ямы имеют различные размеры и форму — круглые, подпрямоугольные в плане. Наибольшая глубина ям — 0,6 м. Заполнены ямы песком, золой, мелкими угольками. Определенного порядка в расположении ям не прослеживалось. Возможно, это следы каких-то наземных построек, контуры которых были стерты разливами рек и длительной вспашкой. Собранный материал создает довольно полное представление о памятнике, так как раскопана основная часть поселения, и позволяет отнести поселение к памятникам зарубинецкой культуры. Вся керамика из культурного слоя лепная. Ее можно разделить на две большие группы: лощеные сосуды и сосуды с шероховатой, бугристой поверхностью. Первая группа составляет 20% от общего числа находок, а вторая — 80%. Это соотношение типично для ряда зарубинецких памятников². Обе группы посуды изготовлены из одного теста с примесью

¹ Работы проводились Древянским отрядом Приднепровской археологической экспедиции ИА АН СССР под руководством И. П. Русановой.

² В качестве примера можно привести соотношение лощеной и грубой лепной керамики на поселении Великие Дмитровичи: лощеная керамика — 17%, грубая лепная — 83% (Е. В. Махно. Раскопки зарубинецких поселений в Киевском приднепровье в 1950 г. МИА, № 70, 1959, стр. 100), а также на поселении около дер. Рубель, где сосуды с шероховатой и очень бугристой поверхностью составляли 73%, а на лощеную керамику приходилось около 27% (Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья. М., 1961, стр. 28).

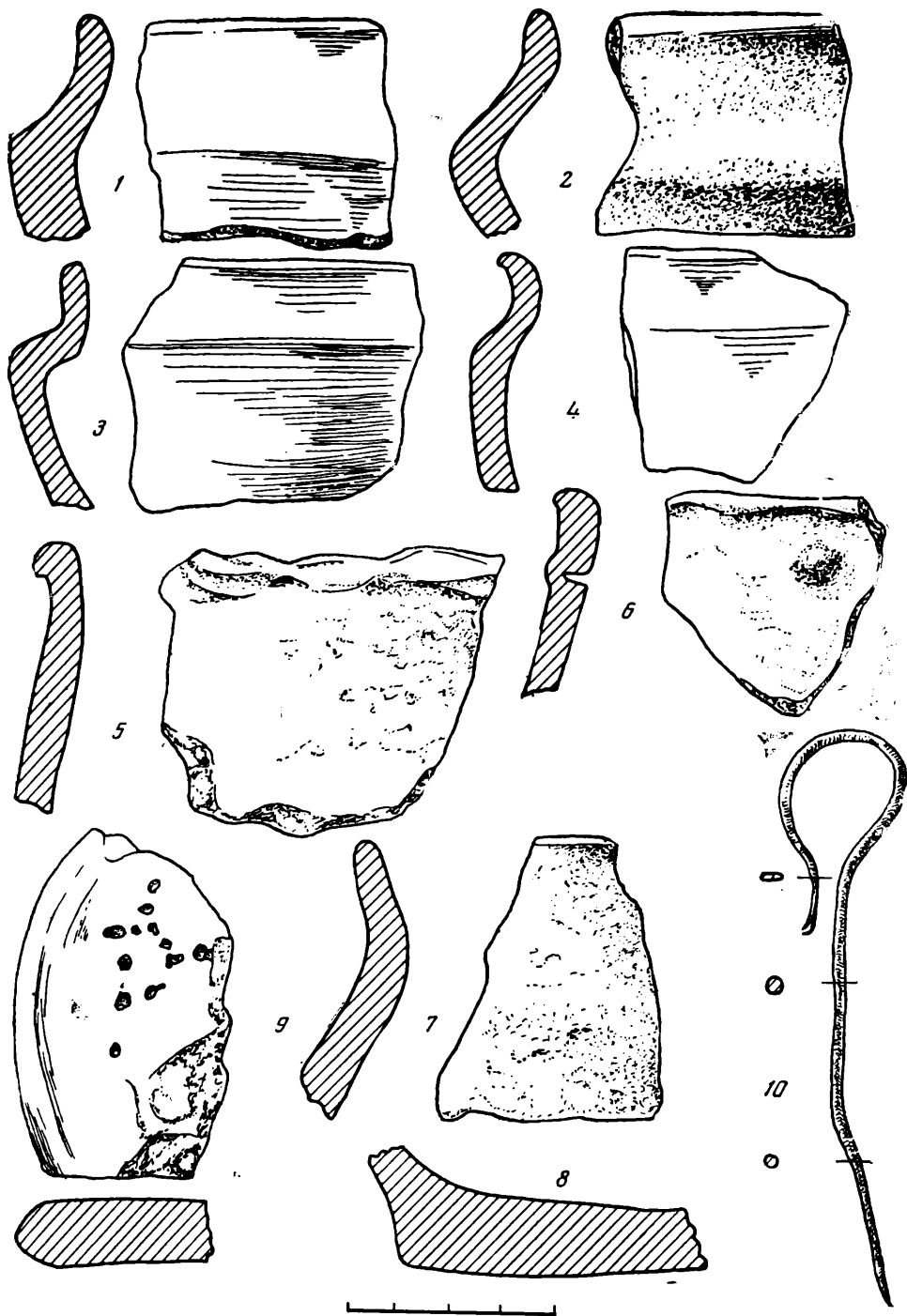

Рис. 12. Находки из культурного слоя поселения
 1-9 — керамика; 10 — бронзовая булавка

дресвы. Только лощеная керамика сделана значительно лучше: глина хорошо отмучена, примесь измельчена, обжиг хороший. Из-за фрагментарности материала формы сосудов восстанавливаются частично, однако по форме венчиков, днщ и орнаментике, по-видимому, они существенно не отличаются от хорошо известных зарубинецких типов керамики.

Лощеная посуда представлена мисками, иногда с четко выраженным трехгранным ребром (рис. 12, 1—4). Имеются также обломки кувшинообразных сосудов с отогнутым венчиком и округлым туловом. Лощение — черное (мало), серое и коричневое с красноватым оттенком. Орнамент отсутствует.

Среди грубых лепных сосудов выделяется небольшая группа керамики (около 4%) с заглаженной внешней поверхностью. Но в общей массе это посуда очень низкого качества. Зерна примеси крупные, обжиг плохой, черепки растрескались и расслоились. Толщина стенок доходит до 2,5 см. Преобладают горшки с отогнутым венчиком, профилированной или прямой шейкой, широким отверстием, раздутым туловом и плоским дном (рис. 12, 5—8). Некоторые из них украшены по венчику зашипами. У других есть так называемый жемчужный орнамент. Найден один обломок стенки сосуда с ребром и пальцевыми вдавлениями по нему. От маленькой лепной конусообразной площадки сохранилась высокая подставка. Обнаружено также пять фрагментов плоских, толстых, круглых глиняных крышек с заглаженной стороной. На двух виден орнамент из беспорядочно расположенных ямок (рис. 12, 9).

Помимо керамики, найдена небольшая (длина 11 см) круглая в сечении бронзовая булавка с петлевидной, частично обломанной головкой (рис. 12, 10). Кусок металлического шлака и обломок льячки указывают на существование металлургического производства на поселении.

Для многих зарубинецких памятников характерно близкое соседство могильника с поселением³. В наших раскопках на уровне материка была зачищена круглая в плане яма (диаметром около 1 м и глубиной 0,4 м), заполненная песком, золой и кальцинированными костями, из которых одна кость принадлежит свинье, остальные неопределимы. Может быть, это — остатки разрушенного захоронения, однако других захоронений не найдено.

Раскопки зарубинецкого поселения под Житомиром представляют несомненный интерес. Памятники этой культуры в указанном районе (если не считать находки на Райковецком городище одного лощеного зарубинецкого сосуда с ручкой) неизвестны вовсе⁴. Большинство из них тяготеет к Днепру, где они густо располагаются по обоим его берегам⁵. Исследуемое поселение просуществовало, по-видимому, очень непродолжительное время. Об этом говорят малая насыщенность культурного слоя находками и почти полное отсутствие костей животных. Его можно датировать временем зарубинецкой культуры. Место, выбранное для этого поселения, видимо, неоднократно привлекало к себе людей. Кроме зарубинецкой керамики, изредка попадались обломки сосудов бронзовой эпохи, времени раннего железа и обломки славянских горшков IX—X вв.

³ П. Н. Третьяков. Введение. Памятники зарубинецкой культуры. МИА, № 70, 1959, стр. 9.

⁴ Е. В. Махно и И. М. Самойловский. Зарубинецкие памятники в лесостепном Приднпровье. МИА, № 70, 1959, стр. 12 и карта.

⁵ Там же.

М. А. РОМАНОВСКАЯ

РАСКОПКИ В БРАНЕШТАХ в 1962 г.

Поселение Бранешты II было открыто П. П. Бырней и И. А. Рафаловичем в 1958 г.¹ Оно лежит на высоком плато в 2 км на север от с. Бранешты Оргеевского района МССР. Южный склон плато, довольно пологий, спускается в глубокую лощину. Лощина переходит в долину ручья Иванча там, где находится артезианская скважина. Поселение расположено не только на плато, но и на склоне лощины. В 500 м на северо-восток от него — поселение славянского времени Бранешты I, раскопки которого проводились в 1958 г.²

Вторично селище было обследовано отрядом Западносикифской экспедиции в 1961 г., а летом 1962 г. в южной его части был заложен раскоп площадью 84 кв. м.

Поверхность поселения в 1961 г. была распахана на глубину 40—45 см, что при мощности культурного слоя в 60—65 см привело к значительному разрушению памятника. Сборы 1961 г. показали, что именно в южной части поселения, на склоне лощины, встречается больше всего фрагментов ошлакированной керамики, наряду с посудой позднегетской, лукашевского типа и грубой с нарочито шероховатой или сглаженной поверхностью.

На вскрытой площади были обнаружены две ямы, печь для обжига керамики и остатки наземного жилища в виде скопления кусков глиняной обмазки с отпечатками прутьев.

Жилище занимало северо-восточную часть раскопа. Удалось проследить его северную, южную и отчасти западную границы (рис. 13). По форме оно было прямоугольным, ориентированным по странам света с небольшим отклонением к северо-западу. Ширина жилища 4 м, длина южной стенки 4,2 м.

В заполнении жилища основной находкой оказалась керамика. По количеству фрагментов преобладают сосуды с нарочито шероховатой поверхностью, имеющие в тесте примесь шамота. По форме — это горшки с короткой шейкой и слабо отогнутым венчиком, иногда, украшенным ямками.

Следующую группу составляет керамика, сделанная из такого же теста, что и керамика первой группы, но имеющая сглаженную поверхность. Судя по форме венчиков, можно сказать, что фрагменты принадлежали сосудам баночной формы, иногда расширяющимся кверху. Некоторые стенки орнаментированы ямками.

В третью группу вошли сосуды лукашевского типа. Четвертую составляют фрагменты амфор.

¹ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии. МИА, № 89, 1960, стр. 240.

² Г. О. Дзис-Райко. Раскопки славянского селища Бранешты I. Материали з археології Північного Причорномор'я, вып. III. Одеса, 1959, стр. 127; Г. Б. Федоров. Указ. соч., стр. 290.

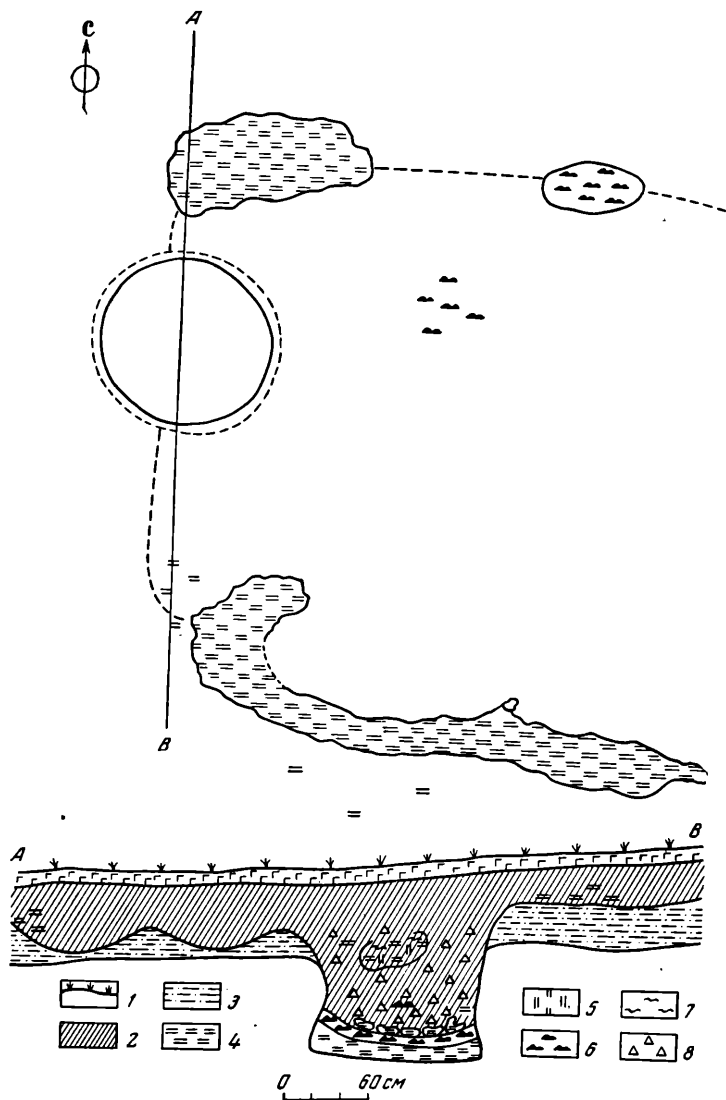

Рис. 13. Бранешты. План и разрез жилища № 1

Условные обозначения: 1 — дерновый слой; 2 — чернозем; 3 — суглинок; 4 — обожженная глина; 5 — шлак; 6 — уголь; 7 — зола; 8 — керамика

В северо-западном углу жилища на глубине 30 см от современной поверхности найдены фрагменты горшка с короткой шейкой и отогнутым наружу венчиком, украшенным ямками. Тулово в верхней части сглажено, что не скрывает грубой фактуры горшка. Ниже плечиков поверхность нарочито шероховатая оранжево-серого цвета. Часть фрагментов сильно пережжена.

Кроме керамики, в жилище найдены два пряслица, одно из которых сделано из стенки амфоры (его диаметр 4 см, диаметр отверстия 0,7 см, толщина 0,5 см); другое пряслице лепное, в сечении овальное (диаметр 3 см, толщина 1,5 см).

В конструкцию жилища входила печь для обжига керамики. Остатки ее наземной части были обнаружены еще на глубине 30—40 см. Они представляли собой скопление кусков обмазки с отпечатками прутьев и с ошлаки-

рованной поверхностью. Надо сказать, что в современном кустарном гончарном производстве Молдавии при устройстве наземной части обжигательной печи всегда используется плетневый каркас, обмазанный глиной³. Гораздо лучше сохранилась углубленная в землю часть печи. Она представляла собой яму, в плане овальную, вытянутую с запада на восток на 130 см, шириной 110 см и глубиной 80 см. Стенки ямы слегка расширились ко дну, почти круглому в плане (130 × 135). Грунт заполнения до глубины 50 см состоял из чернозема, смешанного с большим количеством керамики, золы, угля, кусков керамического шлака зеленовато-серого цвета и глиняной обмазки. Куски глиняной обмазки находились не только между фрагментами керамики, но и ближе к стенкам ямы, на которых, благодаря большой влажности почвы не сохранилось следов обожженности. На глубине 50 см от уровня материка и до самого дна ямы лежали фрагменты 10 деформированных и шлакированных сосудов. Венчик самого большого из них покоился на 10-сантиметровом слое угля, сплошь покрывавшего все дно ямы. Все остальные фрагменты сосудов были расположены выше него. На глубине 75 см в западной части ямы обнаружены остатки плоской прямоугольной глинобитной плиты с вертикальным бортиком высотой и толщиной в 5 см. На верхнем совершенно плоском крае бортика есть овальное яйцевидное углубление. Возможно, что плита эта являлась частью конструкции печи.

Дно печи горизонтальное, красного цвета, прокалено вглубь на 10 см.

По имеющимся остаткам возможно сделать некоторые предположения о конструкции печи. Печь представляла собой яму, вырытую в материке, на дно которой клали топливо. Сосуды устанавливали в определенном порядке, горшки и миски меньшего размера помещали в большой горшок.

По-видимому, во время обжига сосудов печь не сумели правильно закрыть и таким образом получить нужную температуру. В результате этого вместо восстановительного произошел окислительный обжиг, о чем свидетельствует желтовато-оранжевый цвет миски лукашевского типа, находившейся внутри печи⁴ (рис. 14, 2).

Температура поднялась настолько высоко, что сосуды оказались ошлакированными, деформированными и совершенно непригодными к употреблению. Уместно вспомнить приводившийся Б. Ф. Гайдуковичем отрывок из песни, входящей в состав гомеровских эпиграмм, где кроме других многочисленных врагов гончара фигурирует злой дух по имени Нетушим⁵. Так как вся продукция гончара оказалась испорченной, то она была оставлена в печи.

Из печи происходит следующая керамика:

1. Обломки сильно деформированной и ошлакированной миски с бортиком, который, возможно, был прямым. Поверхность серовато-красноватая. Тесто с примесью шамота. Диаметр венчика около 18 см, высота сохранившейся части 7 см. Такие миски распространены повсеместно, хронологический их диапазон очень широк (рис. 14, 1).

2. Миска с подграненным венчиком, слегка отогнутым наружу округлым туловом, немного сужающимся к плоскому дну. Поверхность миски желто-красная, лощеная. Тесто с примесью шамота, довольно мелкого. Диаметр миски 19,5 см, высота ее 13,5 см, диаметр дна 10,5 см (рис. 14, 2). Миски такой формы с лощеной поверхностью появляются в Молдавии не позже II в. до н. э. и бытуют, судя по керамическому комплексу жилища 4,

³ Подобная печь была обследована М. Я. Салманович в с. Чинешауцы в 1961 г. См. альбом к отчету этнографического отряда Прутско-Днестровской экспедиции за 1961 г. Отчет и альбом хранятся в архиве Института этнографии АН СССР.

⁴ Обычно миски лукашевского типа бывают черного, коричневатого-серого и серого цвета.

⁵ В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. М.—Л., 1934.

на поселении Лукашевка II, хорошо датированному родосскими клеймами⁶, до рубежа нашей эры.

3. Горшочек с венчиком, чуть отогнутым наружу, украшенный ямками, с короткой шейкой, с плечиками, плавно переходящими в тулово, вдоль которого идет ряд ямок, сделанных ногтем или палочкой, тулово сужается к плоскому дну (рис. 14, 3).

Поверхность сосуда серо-коричневая со следами заглаживания, но недостаточно гладкая. Тесто с примесью шамота. Горшочек деформирован. Его размеры: диаметр венчика 13 см, высота — 17,5 см, диаметр дна 7 см. Сосуды подобной формы и орнаментации известны на позднегетских поселениях Молдавии⁷. Но встречаются в гетском мире и в более раннее время⁸:

4. Горшок, по форме напоминающий № 3, но с более выделенной шейкой и резче отогнутым венчиком, по краю которого идут ямки. Поверхность лощеная, розовато-коричневая, с белым налетом. Тесто с шамотом, горшочек деформирован и ошлакирован. Диаметр венчика его 20 см, высота около 31 см, диаметр дна 13 см (рис. 14, 4).

5. Сосуд без плечиков, с горлом, расширяющимся книзу. Верхняя часть от нижней отделена наlepным валиком с зашипами. Венчик утолщенный, резко отогнутый. Поверхность до валика сглажена, ниже него нарочито шероховатая, обляпанная. Сосуд велик, ошлакирован и деформирован. Венчик его овален, в длину 28 см, в ширину 25 см. Высота сохранившейся части 42,5 см. По цвету поверхность неоднородна. Венчик почти весь серый, а нижняя шероховатая часть сосуда красновато-оранжевого цвета с отдельными серыми пятнами (рис. 14, 5). По форме этот сосуд смело можно отнести к третьему типу гетских сосудов по В. Пырвану⁹, более приземист, но в принципе похож на него сосуд, опубликованный М. Макреа и М. Русу из могильника на горе Мэгура¹⁰, и фрагмент венчика, окаймленного валиком, из Тиносул (на р. Прахова), где также найдены синопские амфорные ручки с клеймами 121—70 гг. до н. э.¹¹ В позднегетских памятниках Молдавии сосуды этого типа не встречены.

6. Грубый горшок с отгибающимся наружу венчиком и округлым туловом резко сужающимся книзу. По наружному краю венчика орнамент из ямок, вдоль бочка вертикальные ушки. Поверхность горшка сглажена только под венчиком, оранжевая с серыми пятнами, нарочито шероховата вплоть до самого дна. В тесте очень много шамота (рис. 14, 6).

Диаметр сосуда 33 см, высота — 39 см, диаметр дна 17 см. Седьмой и восьмой сосуды по форме аналогичны сосуду 6, отличаются от него лишь размерами. Сосуд 7 имеет диаметр венчика 26 см. Поверхность его розовато-желтого цвета, заглажена (рис. 14, 7). Сосуд 8 с диаметром венчика 38 см не имеет вертикальных ушек, но так же, как и сосуд 6, нарочито шероховат, почти до самого венчика.

Ближайшей аналогией сосудам этого типа являются горшки с короткой шейкой и отогнутым наружу венчиком с поселения Ульма. Вертикальное ушко есть на фрагменте горшка из жилища IV на поселении Лукашевка II.

9. Сосуд с утолщенным и деформированным венчиком, гладкий до середины плечиков, где проходит небольшой валик с ямками и двойными

⁶ См. М. А. Романовская. Селище Лукашевка II. СА, 1962, № 3, стр. 298.

⁷ Сосуды этого типа есть на поселениях Ульма и Лукашевка II, где они входят в группу горшков с короткой шейкой и слабоотогнутым венчиком.

⁸ Для поселения Ханска обычны горшки с короткой шейкой и слабоотогнутым венчиком небольшого диаметра 10—12—14 см., орнаментированные ногтевыми вдавлениями. Материал поселения хранится в ИА АН СССР. См. Ханска, р. III, кв. 3Е, № 5039, 5103, 5107.

⁹ V. Pârvan. *Getica. Protoistoria a Daciei*. Bucuresti, 1926, стр. 191, рис. 64.

¹⁰ M. Macrea und M. Rusu. *Der dakische Friedhof von Porolissum. Dacie, IV. Nouvelle serie*, 1960, 7.

¹¹ R. et E. Vulpe. *Les fouilles de Tinosul Dacia, I*, 1924, 22, 9.

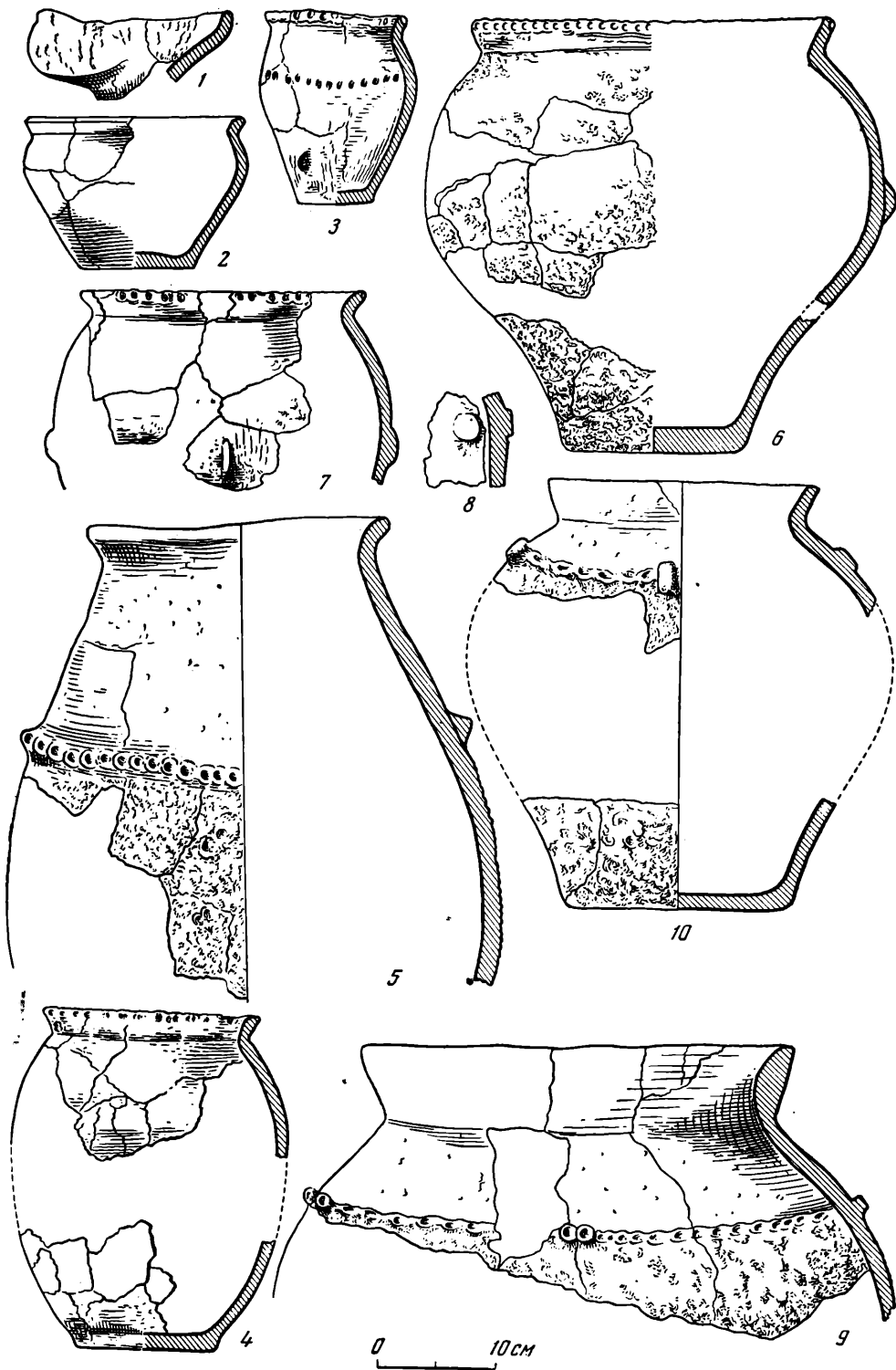

Рис. 14. Бранешты. Керамика из обжигательной печи

шишечками. Ниже валика поверхность нарочито шероховата, желто-серого цвета. Тесто с примесью шамота. Диаметр венчика 38—40 см (рис. 14, 9). По форме этот сосуд не выходит из группы горшков с короткой шейкой, отогнутым наружу венчиком и крутыми плечиками, но он имеет необычный орнамент в виде двойных шишечек по валику. Такая орнаментация характерна для керамики поморской культуры¹¹. На гетских сосудах встречаются двойные шишечки, но они, как правило, не связаны с валиком.

10. Сосуд с резко отогнутым, но не утолщенным венчиком. Серая поверхность сглажена до середины крутых плечиков. По плечикам идет валик с ямками и под прямоугольными упорами. Ниже валика и до самого дна поверхность желтовато-серая, нарочито шероховатая. Тесто с шамотом. Сосуд очень плохой сохранности. Диаметр его венчика 24 см, высота сосуда около 36 см, диаметр дна около 20 см (рис. 14, 10).

На территории Карпато-Днестровского района на поселениях I тыс. до н. э. до сих пор не были известны обжигательные печи. Привлекая этнографический материал из Средней Азии, мы можем найти способ производства керамики, близкий бранештскому. Описывая женское керамическое производство, Е. М. Пещерева замечает: «Предварительно женщины сделали в земле небольшое углубление овальной формы и набросали в него измельченных навозных лепешек «лал». Сначала ставили большие сосуды, в которые дном кверху вставляли сосуды поменьше»¹². В этом описании, к сожалению, не указаны размеры углубления, все же остальное: и расположение сосудов, и обычай ставить сосуды прямо на топливо, напоминает процесс обжига в Бранештах.

Кроме комплекса наземного жилища и обжигательной печи, были вскрыты еще две хозяйственные ямы. Яма № 1 в юго-западной части раскопа диаметром 68 см, круглая в плане, глубиной 10 см. В заполнении ямы был чернозем. Яма 3 находилась в северной части раскопа, в плане также округла, ее диаметр 120 см, а глубина 80 см. Стенки почти отвесны, дно сферическое. В яме был найден фрагмент чернолощеной миски с краем, загнутым внутрь, и обломок стенки желтолощеного сосуда грубой глины.

Судя по керамике, в большинстве своем имеющей параллели в посуде позднегетских памятников, поселение Бранешты можно отнести к этой же группе, датирующейся II—I вв. до н. э., что подтверждают данные палеомагнетического анализа керамики с этих поселений¹³.

¹² Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, стр. 41.

¹³ Анализ произведен Т. Б. Нечаевой в лаборатории ИА АН СССР.

В. Б. НИКИТИНА

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЕ ПАМЯТНИКИ ПОМОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Несмотря на то, что памятники поморской культуры в западных районах Белоруссии и Украины известны уже давно, они до сих пор не изучались археологами. Более или менее значительные раскопки произведены лишь на одном из могильников у с. Головно в верховьях Припяти (Ю. В. Кухаренко, 1958). Из-за плохой изученности памятников этой, по общепринятому у нас мнению, древнейшей славянской культуры, мы не только не могли правильно определить их хронологическое место и границы территориального распространения, но и судить о самом характере памятников, о причинах, в результате которых они появились так далеко к востоку от основной территории распространения поморской культуры. В результате исследований последних лет все эти вопросы могут уже быть поставлены, хотя и в предварительном порядке, а кое в чем и решены. Обратимся к фактам.

Как известно, долгое время считалось, что памятники поморской культуры на нашей территории были распространены лишь узкой полосой, идущей вдоль Буга вверх до притока Днестра Збруча¹. В 1959 г. М. А. Тиханова обнаружила поморский могильник далеко к востоку от Буга, у с. Лепесовки в верховьях Горыни². В 1963 г. Ю. В. Кухаренко обследовал подобный могильник в г. Пинске — также далеко к востоку от Буга. Годом раньше мною совместно с Ю. В. Кухаренко произведены небольшие раскопки еще на одном «восточном» могильнике поморской культуры — у г. Дрогичина к западу от Пинска. Как и на двух предыдущих могильниках, здесь обнаружены погребения с остатками трупосожжений. Причем из пяти погребений, вскрытых нами на могильнике, три представлены так называемыми ямными, одно — урновое и одно подклешевое. В ямных погребениях обломки пережженных костей покойника ссыпаны непосредственно на дно погребальной ямы. В одном случае они были перемешаны с остатками погребального костра — золою и древесными угольками. Никаких вещей, кроме немногих обломков глиняных сосудов, в этих погребениях не обнаружено. В урновом погребении обломки костей находились в глиняном горшке, прикрытом сверху двумя мисками, опрокинутыми вверх дном. В подобном же горшке, прикрытом сверху миской, находились обломки пережженных костей и в подклешевом погребении. Однако, в отличие от обычного урнового захоронения, горшок-урна вместе с миской, лежавшей на нем, был прикрыт сверху как бы колоколом большим глиняным сосудом-клешем, опрокинутым вверх дном.

Все сосуды из раскопанных погребений лепные, с лощеной или же тщательно сглаженной поверхностью светло-коричневого цвета (рис. 15, 1—2, 4). Среди обломков сосуда из ямных погребений, кроме лощеных,

¹ T. Sulim irski. Die Kisten und die Glöckengräberkultur in Südostpolen. Swiatowit, t. XV. Warszawa, 1933, str. 175.

² М. А. Тиханова. Разведка в районе верхнего течения р. Горыни. КСИА, вып. 87, 1962, стр. 47.

имеются и обломки сосудов с шершавой и очень бугристой, так называемой храповатой поверхностью.

В том же 1962 г. нами произведены небольшие раскопки еще на одном могильнике поморской культуры у дер. Тростяница к северу от Бреста, в районе, так сказать, традиционного размещения этих памятников вдоль р. Буга. На могильнике было вскрыто два погребения и большое количество ям, заполненных золою, пережженными камнями, железными шлаками и обломками глиняных сосудов тех же типов, что и сосуды из погребений. Оба погребения, вскрытые на могильнике, содержали остатки трупосожжений. Одно из них ямное, захоронение в другом произведено в своеобразном ящике, стенки которого сложены из небольших камней-валунов. В ямном погребении, кроме обломков большого глиняного сосуда типа клеши с храповатой поверхностью (рис. 15, 12), найдены железные кольцо и фибула раннелатенской схемы (рис. 15, 9—10). Обломки пережженных костей покойника во втором погребении были ссыпаны в глиняный горшок-урну, прикрытую сверху специальной крышкой (рис. 15, 3). Рядом с урной стояли еще четыре сосуда — два кувшина, миска и большой сосуд в виде вазы (рис. 15, 5—8). Все сосуды из этого погребения лепные, чернолощенные.

Среди обломков глиняных сосудов, найденных в ямах, преобладали сосуды с нелощеной поверхностью. Многие из них орнаментированы пальцевыми вдавлениями по краю венчика или по плечикам, расчесами по тулову и т. д. Приемы орнаментации напоминают орнаментальные мотивы на сосудах из зарубинецких могильников Полесья. Имеются сосуды, близкие зарубинецким и по форме (рис. 15, 11).

Оба могильника по инвентарю одновременны и датируются III—I вв. до н. э. Основанием для датировки являются не только многочисленные аналогии из соседних с запада поморских могильников Повисленья, но и фибула, найденная в одном из погребений на могильнике у дер. Тростяница (рис. 15, 9). Фибула эта несомненно кельтская по происхождению. У кельтов такие фибулы появились впервые примерно в конце III в., а бытовали главным образом во II в. до н. э.³ На нашей территории известна лишь одна такая фибула, которая тоже была найдена в погребении на могильнике поморской культуры (Дубляны)⁴.

До последнего времени памятники поморской культуры на нашей территории были представлены лишь могильниками или отдельными находками, происходящими, вероятно всего, из разрушенных погребений. Поселения этой культуры не были известны вовсе⁵. Отсутствие поселений, по видимому, и явилось одной из причин распространившегося мнения о том, что могильники появились на нашей территории не в результате переселения каких-то групп населения из Повисленья, а являются лишь «следом балтийско-приднестровского торгового пути»⁶. Поселения поморской культуры почти не изучены и известны в очень небольшом количестве по сравнению с могильниками даже на основной территории распространения поморской культуры, в Повисленье. Вот почему интересно открытие двух таких поселений в 1963 г. в районе г. Высокое Брестской области. Оба поселения неукрепленные. Одно из них находится на правом берегу р. Пульвы у дер. Хмели, другое — недалеко от него, на противоположном берегу той же реки около дер. Кусичи. На последнем нами были произведены небольшие раскопки. Мощность культурного слоя невелика. На вскрытом

³ J. Filip. Keltové ve střední Evropě. Praha, 1956, str. 428, tab. LVIII, obr. 16; Ян Филип. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961, стр. 88, рис. 21.

⁴ T. Sulimirski. Notatki archeologiczne z Malopolski wschodniej. Wiadomości archeologiczne, t. XIV. Warszawa, 1936, str. 193—195, tab. XLIV.

⁵ Судя по подъемному материалу, можно было лишь предполагать о наличии таких поселений на Буге недалеко от г. Любомля (обследования Ю. В. Кухаренко, 1958 г.) и в районе г. Новоград-Волынского (обследования И. И. Ляпушкина, 1958 г.).

⁶ Я. Пастернак. Археология України. Торонто, 1961, стр. 439.

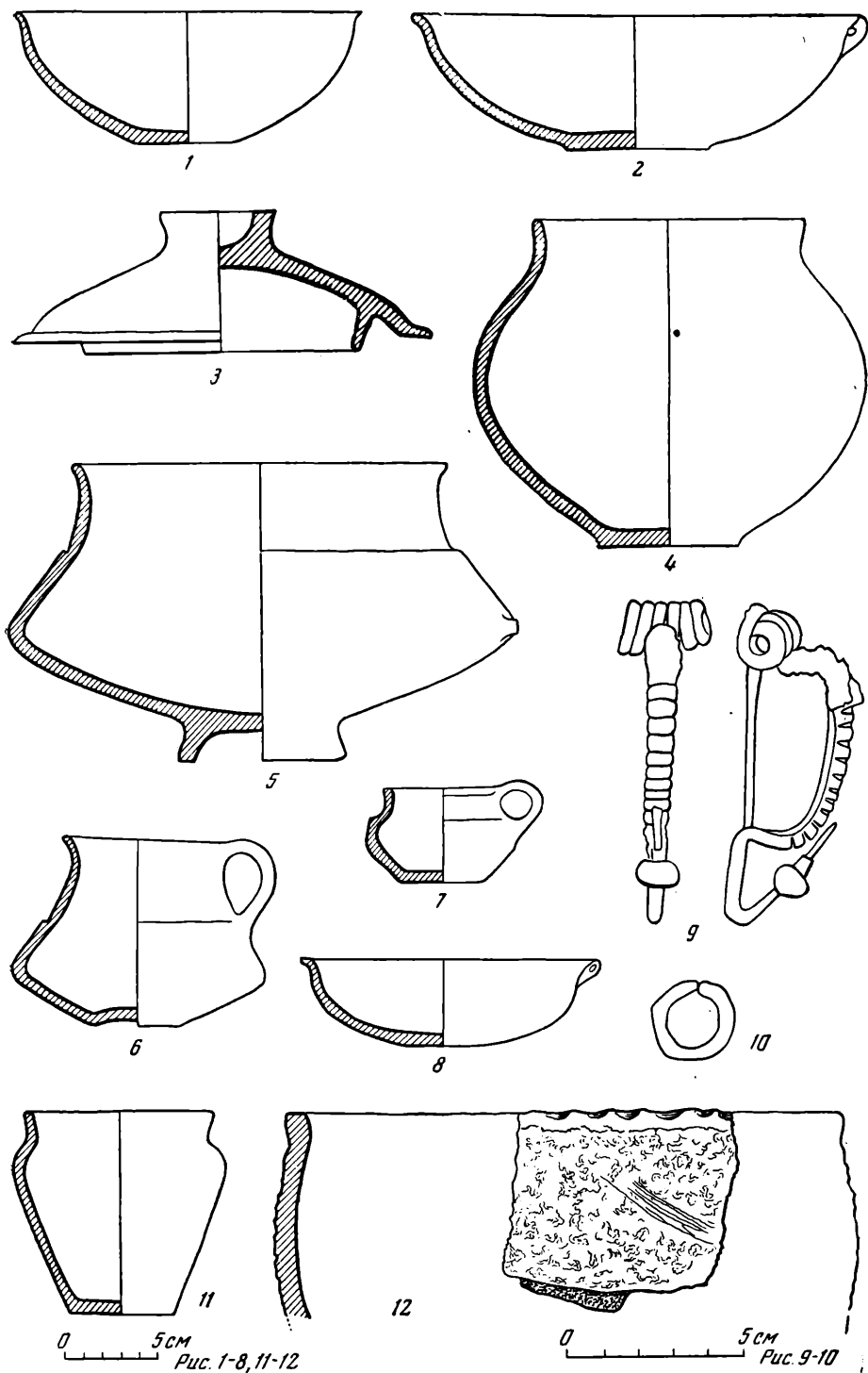

Рис. 15. Вещи из могильников поморской культуры у г. Дрогожина (1, 2, 4) и дер. Тростяница (3, 5—12)

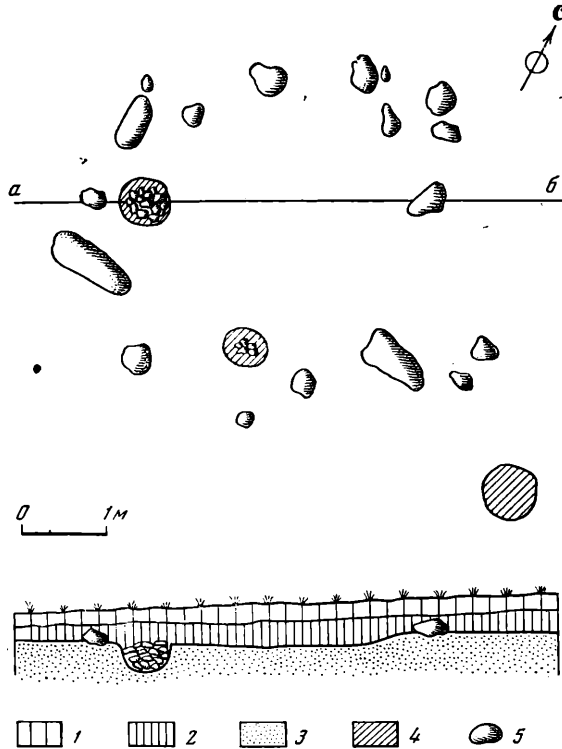

Рис. 16. Кусичи. План и разрез жилища

Условные обозначения: 1 — черный сильно гумусированный песок; 2 — серый песок; 3 — желтый материковый песок; 4 — зола; 5 — камень

нами участке она не превышает 0,4 м. Слой песчаный, сильно гумусированный, перепахан в верхней части. В слое, а также на вспаханной поверхности поселения изредка встречались обломки глиняных сосудов. Большинство из них лепные, характерных для поморской культуры типов, остальные — гончарные, средневековые. Последние встречались только в верхнем перепаханном горизонте культурного слоя.

На вскрытом нами небольшом участке поселения были обнаружены остатки жилища неправильно-прямоугольной в плане формы (рис. 16). Жилище вытянуто с юго-запада на северо-восток. Длина его 4,5 м, ширина — около 4 м. От стен жилища сохранились лишь камни-валуны, залегавшие в толще культурного слоя на глубине 0,4—0,5 м. В большинстве случаев они находились непосредственно на материке. Камни располагались не вплотную, а на некотором расстоянии друг от друга (от 0,30 до 1,25 м). По-видимому, этими камнями были обложены стенки жилища снаружи. Не исключено также, что камни служили своеобразным фундаментом для стен жилища, как это кое-где практикуется и в настоящее время⁷. Пол жилища песчаный, слегка покатый к центру. На полу у юго-западной стенки находился очаг, сложенный из камней, а в южном углу такой же очаг, но несколько меньше по размерам. Оба очага были устроены в неглубоких круглых ямках, диаметром около 0,5 м. Ямки заполнены золою и мелкими пережженными камнями. Среди золы и камней первого очага обнаружено два обломка глиняных лепных сосудов поморского типа. Подобные обломки сосудов были обнаружены на полу жилища и в ненарушенной части куль-

⁷ К. Moszyński. *Kultura ludowa słowian I*. Kraków, 1929, str. 507.

турного слоя над полом жилища. Вход в жилище, судя по расположению камней, был в противоположной от очагов северо-восточной стенке, у самого восточного угла постройки. Около входа снаружи жилища находилась круглая яма, заполненная золою.

Судя по керамике, поселение относится к тому же времени, что и могильники поморской культуры, исследованные нами, т. е. к III—I вв. до н. э.

Сравнение полученных при раскопках материалов с материалами из памятников основного района распространения поморской культуры в Повисленье указывает на принадлежность исследованных памятников и повисленьских к одной культуре. Восточная граница распространения этой культуры проходит не вдоль Буга, как это полагали раньше, а находится значительно восточнее и идет от Пинска в верховьях Горыни. Памятники поморской культуры в полесских районах к востоку от Буга появляются в III в. до н. э. и существуют вплоть до I в. до н. э., когда на смену им приходят памятники зарубинецкой культуры. По особенностям погребального обряда и характеру керамических находок между памятниками той и другой культуры, а следовательно, и между племенами поморской и зарубинецкой культур, имеется генетическое родство. Доказательства, приведенные в свое время в пользу этого Ю. В. Кухаренко⁸, в настоящее время можно дополнить новыми фактами. Появление памятников поморской культуры к востоку от Буга можно объяснить лишь передвижением на эту территорию какой-то части населения из более западных районов. Причем это переселение происходило, по-видимому, широким фронтом от Подлесья на севере до Люблинщины на юге. Об этом свидетельствует сам характер наших памятников. На севере, в районах, примыкающих к Подлесью, они имеют, если так можно сказать, чисто поморский характер, на южных же памятниках весьма заметны элементы лужицкой культуры. И в том, и в другом случае очевидно сказались черты, характерные для культуры переселенцев в исходных районах их обитания.

⁸ Ю. В. Кухаренко. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. СА, 1960, № 1, стр. 289—300.

М. А. ТИХАНОВА

ДНЕСТРОВСКО-ВОЛЫНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1960—1961 гг.

Работы Днестровско-Волынской экспедиции 1960—1961 гг., как и в предыдущие годы, были посвящены изучению памятников первой половины I тыс. н. э. так называемой культуры полей погребений и были сосредоточены на территории южной и юго-восточной Волыни.

Основной задачей экспедиции было продолжение раскопок на поселении у с. Лепесовка Белогорского района Хмельницкой области УССР, где в предыдущие годы (1957—1959) уже была вскрыта значительная площадь (3700 кв. м).

В 1960 г. в Лепесовке работы велись только на II раскопе, заложенном еще в 1957 г. на площади в 250 кв. м и расширенном в 1958—1959 гг. до 2600 кв. м, а в 1961 г. также и на I раскопе, где работы были прерваны в 1958 г. и в 1959—1960 гг. не возобновлялись.

В целях уточнения северной и западной границ поселения в западной его части в 1960 г. были заложены две траншеи двухметровой ширины. I-я траншея — поперечная в направлении Ю—С примкнула к северо-западному углу раскопа II; длина ее 62 м. 2-я продольная траншея, в направлении В—З, протянулась от юго-западного угла раскопа (в 4 м к З от него) до ручья, окаймляющего поселение с З; общая длина ее 142 м.

Траншея I показала слабую насыщенность культурными остатками по сравнению с отдельными участками поселения и полное отсутствие следов обмазки. На расстоянии 30 м к С от раскопа II культурный слой выклинивается вовсе. Совершенно иная картина вырисовалась в траншее II. Участок этот оказался исключительно насыщенным культурными остатками: на глубине 65—70 см от современной дневной поверхности в ряде мест залегает обмазка как в восточном конце траншеи, так и в центральной и западной ее частях. Здесь на глубине 50—60 см чрезвычайно обильна керамика и многочисленны индивидуальные находки. Наиболее насыщен участок на расстоянии 20—40 м от берега ручья. В итоге отчетливо выяснилась северная граница поселения — она совпадает в основном с северной границей раскопа II. В западном направлении поселение продолжалось по ту сторону ручья, на территории современного села, на огородах которого обследование 1959 г. показало очень большую насыщенность культурного слоя керамикой¹. Очевидно, поселение первой половины I тыс. н. э. было вытянуто длинной, но относительно узкой полосой (не более 70—80 м в ширину) вдоль берега реки.

На раскопе II, площадь которого в 1960—1961 гг. была расширена еще на 1836 кв. м, в основном в восточном направлении, и в целом достигла 4436 кв. м (рис. 17), в результате раскопок обоих лет выяснились интересные подробности о характере культурных напластований на территории, занятой поселением первой половины I тыс. н. э. На более близких к бе-

¹ М. А. Тиханова. Разведка в районе верхнего течения р. Горыни. КСИА, вып. 87, 1962, стр. 51.

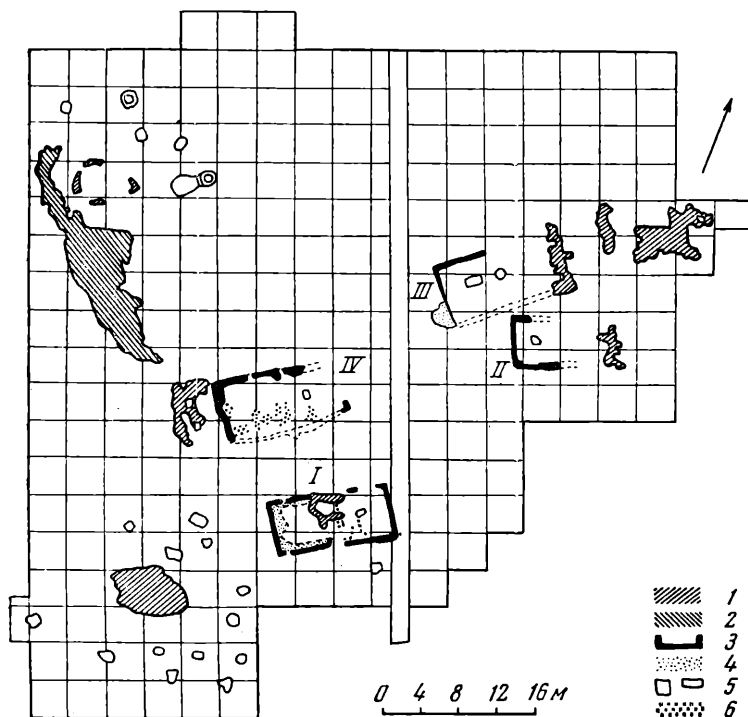

Рис. 17. Раскоп II. Схема расположения сооружений III—IV вв. н. э. на поселении Лепесовка

Условные обозначения: 1 — необожженная глина; 2 — обожженная обмазка; 3 — стены; 4 — горелая земля; 5 — очаги; 6 — горелое дерево

регу участках поселение этой поры не подслаивается никаким инородным культурным слоем. Таковы результаты вскрытия до материка одного из западных участков раскопа и поперечной траншеи по линии 43—44 от берегового обрыва до северного обреза раскопа (рис. 17). Лишь местами оно перекрывается, точнее нарушается врезающимися в него сооружениями славянского поселения X—XI вв. Между тем на северо-западной окраине поселения в квадрате вскрылось наземное поздне трипольское жилище с врытыми в землю большими сосудами с монохромной росписью, скоплением грузил, зернотеркой и битой керамикой. Расположено оно в непосредственной близости к участку с гончарными печами поселения культуры полей погребений. На соседнем с ним участке (к В от трипольского жилища) наблюдаются довольно многочисленные находки керамики эпохи бронзы и раннего железа, прослеживавшиеся в единичных фрагментах на всей исследуемой территории.

Что касается части поселения первой половины I тыс. н. э. в пределах раскопа II, то в результате раскопок 1960—1961 гг. здесь были полностью исследованы обнаруженные и частично вскрытые еще в 1959 г. три большие наземные жилища (комплексы II, III, IV). В плане они прямоугольные, вытянутые с З на В, с некоторыми отклонениями. Сохранились жилища не целиком — восточные части всех трех были разрушены (полностью или частично) строительством X—XI вв. Расположены они в два ряда вдоль берега реки, составляя как бы две пары жилищ: западную — комплекс IV и двухчастное жилище, исследованное в 1959 г. (комплекс I), с жилой восточной частью (с очагом, ткацким станком² и хозяйственной

² Сохранились не только 82 грузила пирамидальной формы, но и обугленные деревянные части станка.

утварью³) и хлевом в западной части — типичный Stallhaus, и восточную пару — комплексы III и II (рис. 17). Расстояние между этими парами около 12 м, между каждым из двух жилищ не более 4 м.

Наибольший интерес представляет комплекс IV, крайний с З во втором ряду, сохранившийся лучше двух других. Первоначальные его размеры 15,8 × 6,8 м. Ориентирован он по длинной оси с ЗЮЗ на ВСВ, т. е. точно так же, как и отстоящий от него на 12 м к В восточный комплекс (№ 11) во втором ряду. Рассматриваемое жилище, как и вышеупомянутое с хлевом, по существу также двухчастное. Меньшая восточная его часть, слегка вышенная, с великолепно утрамбованным полом, очагом с закраиной (частично разрушен) и скоплением грузил у северной стены, — служила жилым помещением. Грузила (34 экз.) больших размеров конусовидной формы принадлежали, без сомнения, вертикальному ткацкому станку, деревянные части которого сгорели. Они лежали в два ряда, вытянутые в одну линию длиной 2 м, шириной около 35 см. К Ю от грузил лежал раздавленный одноручный лепной сосудик (рис. 19, 5). Остальная большая часть жилища, несколько углубленная по сравнению с восточной, имела производственное назначение. Она являлась, видимо, кузницей. Здесь обнаружены четыре железоплавильни — небольшие железоделательные горны диаметром около 50 см каждый, расположенные на близком расстоянии один от другого, сохранившиеся в своих нижних углубленных частях. Сооружение это погибло, как и все другие, в сильнейшем пожаре. Об этом говорят и углисто-сажистый слой, в котором лежали грузила, и почти сплошное залегание обугленного дерева в западной и центральной частях его, и обвалившаяся земляная (глиняная) крыша, и ошлакованная до остекления обмазка.

Восточная «пара» жилищ (комплексы III и I) сохранилась значительно хуже — уцелели только западные их части. Аналогичные вышеописанным по плану, ориентации и размерам, они в деталях существенно от них отличны. Здесь жилыми являлись западные части жилищ. Так, в комплексе III, в плане также представлявшем вытянутый прямоугольник, первоначальные размеры⁴ которого равны 15,2 × 7,8 м, жилая часть находилась в западной его половине. Именно здесь сохранился значительный кусок утрамбованного пола и два глинобитных очага, расположенные по длинной оси жилища, один на расстоянии 2,15 м, другой — 5,4 м от западной стенки, у которой стояло два раздавленных сосуда (рис. 18, 1, 2). Жилым помещением служила и западная часть комплекса II несколько меньших размеров (первоначально 11,5 × 6 м), в которой также сохранился очаг (диаметр 1,5 м, на расстоянии 1,08 м от западной стены), по форме и конструкции (с закраиной с западной стороны) аналогичный очагу комплекса IV. Но она сочетала в себе и производственный момент. В юго-западном углу этого жилища был обнаружен сохранившийся также только в нижней своей части железоделательный горн. Никаких остатков хозяйственной утвари здесь не уцелело.

Какова конструкция этих жилищ, остается не вполне ясным, следов столбов или канавок, в которые мог быть опущен деревянный каркас сооружений, не обнаружено, несмотря на самые тщательные поиски. В то же время довольно многочисленные куски обмазки (особенно в комплексе III) с отпечатками деревянных округлых жердей до 1,5—2 см в диаметре с заостренными концами говорят о том, что эти последние были воткнуты в землю, а следовательно и о деревянно-глинобитной конструкции. Подтверждается это и многочисленными находками (во всех комплексах) кустов обмаз-

³ Пять лепных сосудов, разбитые жернова и еще 19 грузил.

⁴ О первоначальных размерах как III, так и II комплексов можно судить на основании частично уцелевших развалов обмазки, прослеженных при раскрытии культурного слоя.

Рис. 18. Керамика с поселения Лепесовка
1, 2 — сосуды из комплекса III; 3, 4 — сосуды из комплекса на раскопе I

ки с отпечатками плоских плах и кругляков диаметром до 15 см. В комплексе I великолепно сохранилась и внутренняя обмазка стен с отчетливыми следами заглаживания ее пальцами в вертикальном и слегка наклонном (сверху вниз) направлении.

Не меньший интерес представляют вскрытые на северо-западном участке раскопа II, т. е. на северной окраине поселения, две великолепной сохранности гончарные печи III—IV вв., обнаруженные в 1960 г. и исследовавшиеся в 1961 г. Конструктивно, по плану и размерам они аналогичны печи, вскрытой еще в 1905 г. первым исследователем Лепесовки Я. А. Яродким на южной оконечности поселения на береговом обрыве р. Горыни⁵. Печи двухъярусной конструкции, округлые в плане, с нижней отопительной камерой и верхней — обжигательной, под-решетка которой⁶ покоилась на центральном жуждательном столбе. Верхняя обжигательная камера конусовидной формы с устьем вверху сохранилась в обеих печах целиком — случай, крайне редкий не только для нашей территории. С юго-запада к печи № 2 примыкает глубокая припечная яма овальной формы⁷, в которую, видимо, спускались по деревянной лестнице — никаких следов ступенек не обнаружено. Нижние части печей, т. е. отопительная камера и припечная яма, вырезаны в материковой глине, верхние — сложены из глины и обложены землей⁸. Печь № 1 пожар на поселении застиг в момент ее починки, о чем отчетливо говорит ряд деталей. Никакой посуды в ней поэтому не было. В печи № 2 и в припечной яме, особенно на примыкающем к ней с Ю участке, обнаружено огромное количество сделанной на гончарном круге керамики, столовой и кухонной (первой значительно больше), а также обломков больших сосудов для хранения запасов, два из которых реставрированы (рис. 19, 8)⁹. На примыкающем с З к печам участке обнаружено несколько открытых очагов, а также округлой формы сооружение, равно как и залегания необожженной желтой глины, а в одном месте и зеленоватой (глея), видимо, связанные с гончарным производством. На всем участке найдено очень много крупных фрагментов керамики, в основном лощеной¹⁰.

На раскопе I, где раскрывался прибрежный участок¹¹, вскрыто несколько комплексов, сильно, однако, разрушенных постройками славянского времени и естественным разрушением берега реки. Наибольший интерес представляет юго-западный комплекс у самого берегового обрыва. Погибший также в пожаре, он сохранился лишь в очень незначительной своей части. Вся южная и юго-западная его части обвалились в реку, уцелел только обрывок восточной, точнее северо-восточной его части. Здесь были обнаружены скопление грузил (18 экз.) пирамидальной формы от ткацкого станка¹² и великолепные образцы лепной посуды: две чернолощенные миски с иксвидными ручками, причем одна из них украшена врезным орнаментальным поясом из изображений явно ритуального характера, двуручный также чернолощенный сосуд и кухонный горшок с хроповатой поверх-

⁵ Печь была принята Я. А. Яродким за ульевидное погребальное сооружение. См. Я. А. Яродкий. Некоторые памятники древности близ с. Лепесовки. ИАК, вып. 29, СПб., 1909, стр. 56—64, рис. 2; ср. М. А. Тиханова. Культура западно-украинских областей в первые века н. э. МИА, № 6, 1941, стр. 262—264.

⁶ В печи № 1 с 25 продухами, диаметром 8—9—11—12 см. каждый; в печи № 2—16 продухов, диаметром 9—12 см.

⁷ Припечная яма печи № 1 еще не вскрывалась.

⁸ Ср. то же в Иголоми (Польша). Leszek Gajewski. Badania nad organizacją produkcji pracowni garncarskich z okresu Rzymskiego w Igołomi. Archeologia Polski, t. III z. I. Warszawa, 1959, str. 101—154.

⁹ Не останавливаемся на описании гончарных печей подробнее, поскольку их раскрытие в 1961 г. еще не было завершено.

¹⁰ Ср. ниже.

¹¹ Работами на раскопе I, как и в 1958 г., руководил ст. лаборант К. В. Павлова.

¹² Грузила сильно разрушены, удалось восстановить только два из 18.

Рис. 19. Керамика с поселения Лепесовка

5 — сосуд из комплекса IV; 6, 7 — сосуды из комплекса на раскопе 1; 8 — сосуд для хранения запасов;
9 — обломок чернолощеного сосуда — водолея

ностью (рис. 18, 3, 4; 19, 6, 7). Керамика прекрасно датирует комплекс III в.

Заложенная на раскопе I продольная траншея (по линии 149—192) однометровой ширины, углубленная до материка, обнаружила залегание на материке трипольских культурных остатков (керамика, кремневые орудия¹³), равно как и (впервые в Лепесовке) углубленного сооружения, синхронного наземным сооружением первой половины I тыс. н. э.

Добытый раскопками 1960—1961 гг. материал, особенно керамика, богат и разнообразен.

По-прежнему сочетается керамика, сделанная на круге и лепная. Первая представлена серо-, черно- и желтоглиняной, столовой, в основном лощеной, богато орнаментированной и кухонной (последней значительно меньше) посудой, а также, как уже отмечалось, большими сосудами для хранения запасов. Встречается, хотя, как и раньше, в очень небольшом количестве, и импортная керамика — почти исключительно обломки толстостенных и тонкостенных светлоглиняных амфор IV в. и синхронных им красноглиняных¹⁴. Среди гончарной керамики отметим находку в 1961 г. на раскопе I кольца, аналогичного кольцам на трехручной вазе из очага-жертвенника на том же раскопе в 1957 г.¹⁵, а также сосуды, аналогичные тогда же найденным сосудам для хранения запасов «с обручами». Подобный сосуд был обнаружен Я. А. Яроцким в гончарной печи¹⁶. Среди лепной керамики, наряду с уже упомянутыми сосудами из комплексов, особое внимание привлекает находка, к сожалению, не в комплексе, а в бровке, на раскопе II, близ комплекса II, обломка чернолощеного сосуда-вододея со сливом в виде головки барана с глазами из вставок белой стекловидной массы (рис. 19, 9).

Среди других изделий из глины отметим прежде всего пряслица (24 экз. в 1960 г., 42 — в 1961 г.), в основном биконические, а также чечевицевидные и колесикообразные, плоские, сделанные из стенок сосудов. Многочисленны, как уже отмечалось, грузила (50 экз. в 1960 г., 30 — в 1961 г.), пирамидальные и конусовидные, а также три глиняных бруска.

Изделия из стекла представлены, как и раньше, единичными находками: четыре маленьких обломочка сосудов — из зеленоватого прозрачного стекла, довольно толстостенных (толщина стенок 3,8 мм) и тонкостенного прозрачного бесцветного (толщина стенок 1,5 мм). Тут же великолепной конической формы пряслице из синего прозрачного стекла диаметром 27 мм, 5 бусин, в том числе синяя округлая плоская, синяя дыневидная, двенадцатигранная из зеленоватого-синего стекла и две цилиндрические — зеленая с позолотой и розово-фиолетовая, пронизка с прокладкой золотым листком и росписью белыми полосками, наконец, янтарная буса. Встречаются и стеклянные капли.

Среди металлических изделий следует назвать прежде всего железные орудия: оковку от лопаты, топорик, тесло, обломки серпов и косы; из предметов вооружения — четыре наконечника копий, дротик, шпору; из бытовых предметов — ножи (17 в 1960 г., 10 — в 1961 г.), три пряжки от обуви, петлю от шкатулки и, наконец, восемь охотничьих (?) стрелок.

Изделий из бронзы значительно меньше: пять целых фибул и два обломка, из них две с обернутой ножкой, две с высоким держателем иглы и один северного типа с гребешком, две иглы и обломок оковки от шкатулки.

Специального внимания заслуживают находки (в Лепесовке впервые) четырех серебряных римских монет (две в 1960 г., две в 1961 г.). Это денарии имп. Нерона (чеканки 64—66 гг.), Марка Аврелия (чеканки декабрь

¹³ Как и на раскопе II, прослежены остатки и наземного сооружения позднетрипольского времени (в кв. 181—184 М—Р).

¹⁴ Ср. И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, типы 104, 105.

¹⁵ М. А. Тиханова. Днестровско-Волыньский отряд Галицко-Волыньской экспедиции. КСИИМК, вып. 79, стр. 94, рис. 40, 2.

¹⁶ Я. А. Яроцкий. Указ. соч., рис. 3.

163 г. — декабрь 164 г.), Антонина Пия с дырочкой для подвешивания, Фаустины Младшей (чеканки 161 г.), с почти стершейся легендой.

Менее обильны, чем в предыдущие годы, находки изделий из кости, особенно гребней. В 1960 г. был найден всего один обломок, в 1961 г. — ни одного. Зато много проколов (18), пять стилей, пять лоцил (из ребер животных), «коньки». Как и прежде, много изделий из камня: два грузила, 29 оселков, около 20 обломков жерновов, три зернотерки.

Обильны пищевые отбросы — кости животных. Подсчеты их указывают на то, что животноводство было исключительно развито. Из 7024 костей при 491 особи¹⁷ кости домашних животных составляют 98,69%, диких — 1,07%: охота и рыболовство не играли почти никакой роли. Из домашних животных на первом месте крупный рогатый скот, на втором — свиньи. Наряду с животноводством налицо и птицеводство (курица, гусь), хотя и в небольших масштабах. Встречаются кости собаки (фрагментированные черепа в 1960 г., почти целый костяк в 1961 г., близ комплекса III), видимо, сторожевых псов.

Помимо работ в Лепесовке, экспедицией проводилась разведка. В 1960 г. за недостатком времени и средств ее проводили только в окрестностях Лепесовки. В 17 км от села к ССЗ в Великодедеряльском районе Тернопольской области у с. Загайцы в ур. Мелехи было открыто большое поселение (до 1,5 км в длину и 125 м в ширину), синхронное Лепесовскому, с отчетливыми остатками наземных сооружений, большим количеством керамики, в том числе и ошлакованной, что говорит о сильном пожаре, жерновами и др.

В 1961 г. было произведено исследование остатков разрушенного погребения поморской культуры, случайно обнаруженного в 1959 г. местными колхозниками при прокладке канавы в колхозном саду. Исследование уточнило погребальный обряд и выявило сопровождавшую захоронение весьма выразительную керамику.

В том же 1961 г. была продолжена разведка-обследование р. Горыни от г. Белогорья вниз по течению реки до г. Острога. На отрезке до г. Изяслава большинство памятников первой половины I тыс. н. э. чисто черняховские и типа поселений у с. Лепесовки, т. е. сочетающие гончарную и лепную керамику. Но встречаются и поздне трипольские поселения и единичные находки эпохи бронзы — в районе с. Михнева сосуд из погребения культуры мегалитов. Тут же, в 3 км к З от села в ур. Белая Гора, находится сильно разрушенное славянское городище. Севернее, ниже по течению р. Горыни, вплоть до г. Острога, — сплошные пески, поросшие лесом, главным образом сосновым. Черняховские памятники здесь отсутствуют вовсе, почти не встречается и памятников пшеворского типа; в основном здесь памятники эпохи бронзы и раннего железа, а также славянские городища начала II тыс. н. э., при отсутствии славянских поселений более ранней поры — второй половины I тыс. н. э.

Дополнительно к намеченному плану 1961 г. разведочным отрядом под руководством Д. А. Мачинского было проведено обследование р. Смотрича от истоков до г. Каменец-Подольска, давшее весьма интересные результаты. Поселения здесь в основном трипольские, эпохи бронзы и раннего железа, а также славянские городища. Памятников первой половины I тыс. н. э. очень немного, причем они сосредоточены главным образом в междуречье истоков рек Смотрича и Ю. Буга.

Работавший в составе экспедиции отряд И. С. Винокура продолжал в 1960 и 1961 гг. раскопки разведочного характера на синхронном с Лепесовским поселении у с. Иванковцы Любарского района Житомирской об-

¹⁷ Все определения костных остатков из раскопок в Лепесовке делаются кандидатом биологических наук В. И. Бибиковой.

ласти, где в 1959 г. им были вскрыты остатки наземного двухкамерного комплекса, в одной из половин которого было обнаружено мельничное сооружение. В 1960 г. было закончено его исследование, которое позволило реконструировать как самое сооружение, так и связанный с ним процесс производства. Произведена была также контрольная шурфовка поселения для уточнения его границ и расположения отдельных объектов. В 1961 г. работы на поселении велись в трех местах, путем закладки небольших раскопов, на одном из которых выявлены остатки еще одной наземной постройки. Отрядом с участием местных краеведов Г. Г. Богуна и С. А. Липко было также проведено обследование верховьев р. Случи (по рекам Гасыре, Белке и Тынанянке), выявившее до 10 новых поселений с керамическим комплексом типа Лепесовка-Иванковцы. На некоторых из них находки керамики первой половины I тыс. н. э. сочетаются с поздне трипольскими и эпохи раннего железа. Обращает внимание малое число древнерусских поселений (только в двух-трех пунктах) и полное отсутствие раннеславянских.

В. В. КРОПОТКИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В КИРОВОГРАДСКОЙ
ОБЛАСТИ в 1961 г.

Археологические исследования Кременчугского отряда Приднепровской экспедиции в 1961 г. были сосредоточены в восточной части Кировоградской области, в зоне затопления Днепродзержинской ГЭС по правому берегу Днепра и посвящены исследованию памятников черняховской культуры III—IV вв. н. э.¹

В дискуссии по черняховской проблеме, проводившейся на страницах журнала «Советская археология», отмечалась слабая источниковедческая разработка материалов по черняховской культуре.

Как известно, поселения и могильники этой культуры обнаружены на громадной территории в степной и лесостепной полосе юго-восточной Европы от Нижнего Дуная и Тиссы на западе до верховий Северского Донца и Псла на востоке, от черноморских лиманов на юге до верховий Днестра и Буга на севере.

По мнению некоторых археологов, например Е. В. Махно, Э. А. Симоновича и М. Ю. Брайчевского, черняховская культура является славянской археологической культурой на всей территории своего распространения². Напротив, по мнению М. И. Артамонова, М. А. Тихановой, Ю. В. Кухаренко, Э. А. Рикмана и других археологов, локальные варианты, на которые распадается черняховская культура, можно связать с разными этническими группами, обитавшими в лесостепной полосе в Восточной Европе в III—IV вв. н. э.³

До сих пор идут споры о времени возникновения черняховской культуры и причинах ее гибели, о генетических связях с предшествующими и последующими археологическими культурами, об уровне социально-экономического развития племен Поднестровья и Поднепровья в первые века I тыс. н. э.

Таким образом, проблема происхождения славян не может быть правильно разрешена без тщательного археологического изучения пшеворской и черняховской культур, а также археологических памятников предшествующего и последующего времени. Поэтому, комплексное изучение черняховской культуры — задача первостепенной исторической важности.

Основным объектом исследования Кременчугского отряда в 1961 г. явилось поселение черняховского типа, расположенное на западной окраине с. Успенки Кремгэсовского района Кировоградской области. Поселение находится на краю надпойменной террасы Днепра близ хут. Ремезивка.

¹ Кременчугский отряд в 1961 г. работал в следующем составе: нач. отряда В. В. Кропоткин, мл. научный сотрудник Г. Ф. Никитина, лаборанты Н. А. Ашарина, И. Ф. Кибальник, Н. Д. Мошевитина, С. Г. Сенкина.

² М. Ю. Брайчевский. Основные вопросы археологического изучения антов. Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР. Киев, 1953, стр. 60—81.

³ «Очерки истории СССР. III—IX вв. н. э.». М., 1958, стр. 63—64.

Площадь поселения распахана; в центральной части его, недалеко от склона к пойме, возвышается одинокий расплывшийся курган.

Во время разведки на пашне было обнаружено несколько скоплений глиняной обмазки из наземных сооружений, расположенных по краю террасы, недалеко от воды. На поверхности собраны многочисленные обломки типичной черняховской керамики, крупные фрагменты светлоглиняных амфор римского времени, а в восточной части поселения на огородах найден железный втульчатый наконечник копья длиной 29,5 см (рис. 20, 1).

На поселении было заложено несколько разведочных раскопов, которые позволили установить характер культурного слоя и собрать необходимые материалы для общей характеристики поселения.

Мощность культурного слоя на различных участках не превышает 0,3—0,4 м. Культурный слой сравнительно слабо насыщен обломками лепной и гончарной посуды, кусками обмазки и костями. Наибольшее количество находок приходится на верхний, пахотный слой.

На раскопах I—IV не удалось обнаружить никаких следов жилых построек. На раскопе I было найдено пять погребений бронзового века. Судя по скорченному положению костяков и двум лепным сосудам баночной формы, погребения относятся к срубному времени. По-видимому, раскоп был заложен на месте распаханного кургана. В культурном слое раскопа II были найдены обломки ручек светлоглиняных узкогорлых амфор первой половины III в. н. э. Одну массивную ручку светлоглиняной амфоры, по-видимому, можно датировать более поздним временем — второй половиной III—IV вв. н. э.

На IV раскопе, площадью 60 м², заложенном в южной части поселения, в материковом слое на глубине 1,1 м открыта небольшая хозяйственная яма диаметром 1,2 м и глубиной 0,85 м. В заполнении ямы найдены обломки венчика и стенок большого сосуда для хранения припасов, кости животных и кусок обмазки. Сосуд для хранения продуктов имеет темную поверхность, стенки толстые, венчик округлый, диаметр горла 20,3 см (рис. 21, 8). В культурном слое найдены обломки лощеной столовой и простой гончарной посуды, обломок чернолощеного кубка со штампованным орнаментом (рис. 22, 10), куски керамического шлака, глиняное грузило с отверстием, фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор, куски обмазки, мелкие камни и кости животных.

Раскопы V и VI были заложены на месте скоплений глиняной обмазки, к западу от кургана, недалеко от края надпойменной террасы.

Раскоп V делился на три отсека, между которыми были оставлены контрольные бровки.

На первом отсеке под развалом обмазки на глубине 0,25 м обнаружен развал глинобитной печи наземного жилища. В золистом слое рядом с подом печи найдены обломки светлоглиняной узкогорлой амфоры, биконическое пряслице и фрагменты гончарных лощеных и простых сосудов черняховского типа (рис. 22, 4).

В материковом слое открыта неглубокая овальная яма и несколько округлых ямок от столбов со следами дерева в заполнении. Овальная яма была заполнена темным культурным слоем, ее длина — 4,2 м, ширина — 3,4 м, глубина в материке — 0,85 м. В яме обнаружены обломки керамики и обмазки, крупные кости животных и много камней. Общие размеры наземного жилища проследить не удалось. В культурном слое обломков лепной и гончарной керамики были найдены небольшой каменный оселок и голубая стеклянная бусина в виде розетки.

Раскоп VI, площадью 102 м², разбит к западу от раскопа V. В западной части раскопа обнаружено большое углубленное в материк наземное жилище с глинобитной печью. Размеры жилища не прослежены; яма имеет овальную форму, вытянутую длинной осью с севера на юг. Размеры ямы: длина — 7,4 м, ширина — 5 м, глубина в материковом слое 1,4 м (рис. 1, 4).

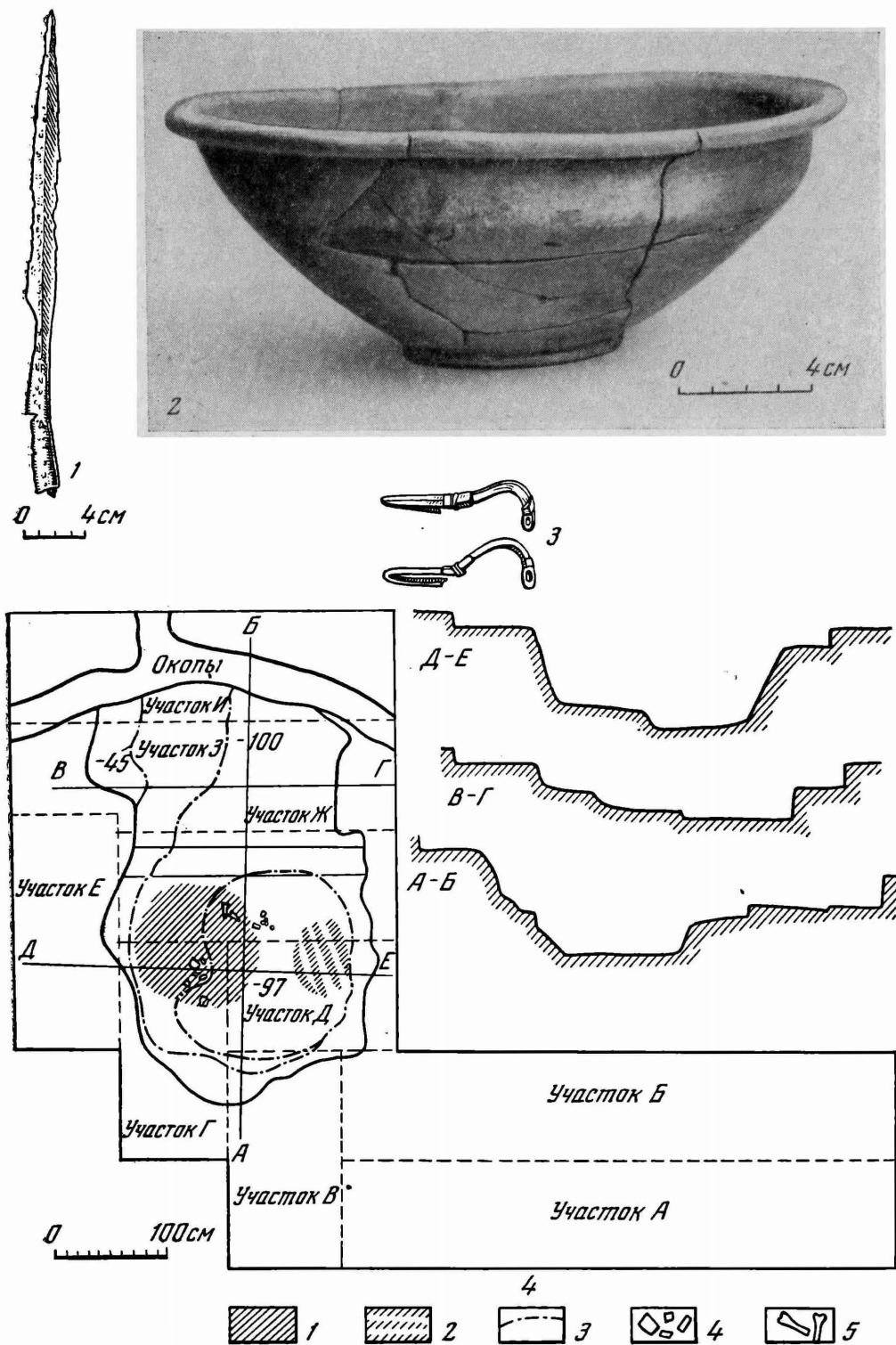

Рис. 20. Находки и план жилища на поселении черняховского типа у с. Успенки
 1 — наконечник копья, случайная находка на поселении; 2 — сероглиняная миска (раскоп VI); 3 — бронзовая фибула (раскоп VI); 4 — план и разрезы раскопа VI.
 Условные обозначения: 1 — прослойка сиреневого цвета на дне ямы; 2 — развал пода печи; 3 — уровни появления материкового слоя в жилище; 4 — камни; 5 — кости

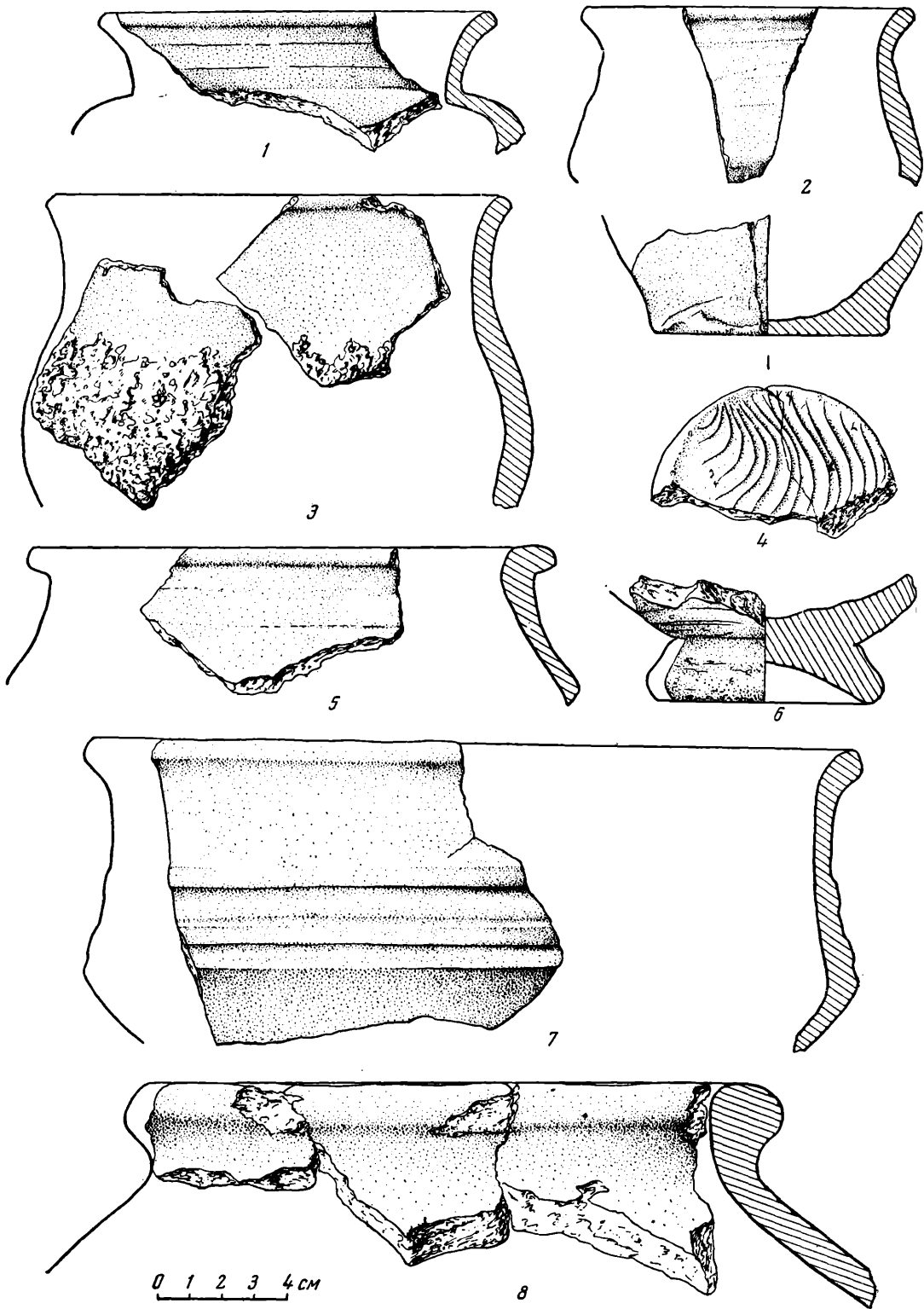

Рис. 21. Керамика Успенского поселения III—IV вв. н. э.

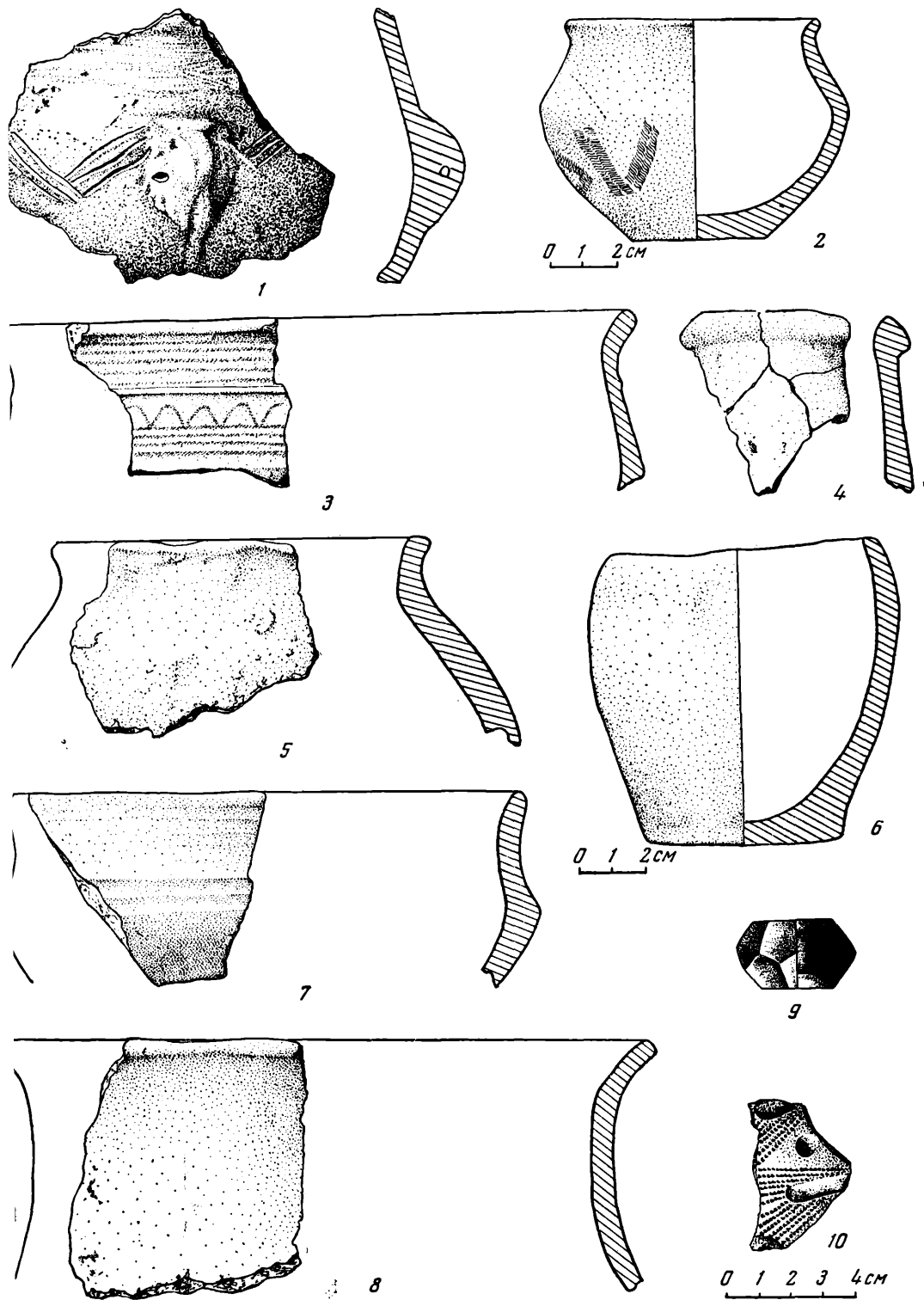

Рис. 22. Керамика (1—8, 10) и глиняное пряслице (9) Успенского поселения III—IV вв. н. э.

В юго-восточной части, углубленной части жилища, на глубине 0,37 м от современной поверхности, обнаружен развал глинобитной печи. Под печи состоит из крупных кусков обмазки, сильно прокаленных в огне. Размеры пода: длина — 1 м, ширина — 0,97 м, толщина — 0,07 м. Рядом с развалом печи найдена бронзовая двучленная, прогнутая, подвязная фибула с узкой ножкой (рис. 20, 3). Пружина и игла не сохранились. Длина фибулы 4,5 см.

В яме под печью найден небольшой лепной горшок баночной формы с толстыми стенками, плоским дном и неровным краем, который немного загнут внутрь сосуда. Поверхность темно-серая, грубая, ноздреватая по дну. Тесто с примесью песка и слюды. Размеры: высота — 9,5 см, диаметр дна — 6,8 см, диаметр по краю — 9,5 см (рис. 22, 6).

Второй лепной остросереберный горшочек с темным лощением и отогнутым наружу горлом найден также под развалом печи. Высота сосуда — 6,5 см, диаметр дна — 4,3 см, диаметр горла — 7,8 см. На тулове — орнамент в виде треугольников и зигзагов, нанесенных зубчатым штампом. Поверхность сосуда хорошо заглажена, обжиг неровный, лощение темно-серое и коричневое (рис. 22, 2).

В заполнении ямы найдены также обломок глиняного пряслица (рис. 22, 9), костяное острие, фрагмент стеклянного сосуда с валиком, обломок железного серпа и большая кость с орнаментированной поверхностью. Под печью найдена стенка лепного сосуда с легким перегибом, с лощеными полосами по черной поверхности, с ломаными прочерченными линиями и округлой налепной ручкой с отверстием. Тесто с примесью песка и слюды. В нижней части сосуд, по-видимому, имел специально ошершавленную поверхность (рис. 22, 1).

На площади раскопа найдено несколько обломков подобных горшков с грубой шероховатой поверхностью в нижней части сосуда (рис. 21, 3). Отметим также небольшой лепной горшочек с толстыми стенками и плоским дном баночной формы, обнаруженный на этом же раскопе. Высота сосуда 7 см, диаметр дна 4,8 см. Лощеные и простые сосуды, изготовленные на гончарном круге, найдены только в обломках. Удалось реставрировать только одну глубокую миску (рис. 20, 2).

Статистическая обработка керамики Успенского поселения дала следующие результаты⁴:

Небольшой процент среди керамики поселения у с. Успенки составляют фрагменты сосудов со специально ошершавленной поверхностью в нижней части тулова и заглаженным верхом, который иногда покрывался орнаментом или лощением. Хорошо известно, что керамика с «ошершавленной» поверхностью широко распространена на памятниках пшеворской культуры,

Соотношение различных типов керамики Успенского поселения

Раскопы	Гончарная посуда		Лепная посуда		Амфоры		Всего	
	число обломков	процент	число обломков	процент	число обломков	процент	число обломков	процент
I	47	95,9	2	4,1	—	—	49	100
II	29	85,3	4	11,7	1	2,9	34	100
III	21	84,0	2	8,0	2	8,0	25	100
IV	234	92,9	8	3,2	10	4,0	252	100
V	148	77,5	10	5,2	33	17,3	191	100
VI	1137	84,5	127	9,6	85	5,9	1349	100
Итого . .	1616	85,2	153	8,0	131	6,8	1900	100

⁴ Статистическая обработка керамики проведена В. И. Матвеевой.

на нижней Висле, в Поморье и на Вольгн⁵. В Поднепровье такая керамика появляется не ранее III в. н. э., появление ее предположительно можно связать с продвижением германских племен из бассейна Вислы к берегам Черного моря.

Мы не имеем еще достаточных материалов для характеристики хозяйства обитателей Успенского поселения. О роли скотоводства и охоты можно судить по костным остаткам⁶.

Стадо состояло из крупного и мелкого рогатого скота, свиней и лошадей, причем отмечается преобладание рогатого скота. Обнаружены кости собаки. Кости диких животных (благородный олень, косуля, кабан, лисица, барсук) встречаются в единичных экземплярах, что свидетельствует о незначительной роли охоты в жизни местного населения.

Как подъемный материал, собранный на поселении, так и вещи, обнаруженные при археологических раскопках, позволяют нам более или менее точно установить время существования поселения. Обилие обломков светлоглиняных узкогорлых амфор с профилированными ручками двух разных временных типов III—IV вв. н. э., находка бронзовой фибулы III в. (рис. 1, 3) дают твердые основания датировать поселение также III—IV вв. н. э.

Т. Н. Книпович отнесла светлоглиняные узкогорлые амфоры так называемого танаисского типа с коротким туловом и низким горлом к концу II—III вв. н. э.⁷ И. Б. Зеест расширила время бытования этих амфор до II—III вв. н. э.⁸

Широкие археологические раскопки Танаиса, проведенные в последние годы, позволяют несколько уточнить эти датировки. Светлоглиняные узкогорлые амфоры с коротким горлом и раздутым туловом следует относить к первой половине III в. н. э., поскольку несколько торговых помещений, раскопанных в Танаисе в 1954—1963 гг., твердо датированы серединой III в. н. э., временем готского разгрома города⁹. Обломки светлоглиняных амфор более позднего типа второй половины III—IV вв. н. э. встречаются на Успенском поселении в меньшем количестве, чем обломки амфор раннего типа. Статистическая обработка находок амфор с черняховских поселений Поднепровья и Поднестровья позволяет утверждать, что это соотношение не случайно, а прослеживается на всех черняховских поселениях.

Очевидно, готский разгром причерноморских городов в середине III в. привел к нарушению традиционных торговых связей варварских племен с античными центрами Северного Понта (Тира, Ольвия, Танаис), и вывоз вина, посуды, украшений сильно сократился. Об этом же свидетельствует резкое уменьшение притока римских монет на варварские земли в Поднестровье и Поднепровье.

Новые археологические исследования памятников черняховского типа на Днестре в южной части Полтавской, в Кировоградской, Днепропетровской и Запорожской областях позволяют говорить о своеобразии памятников этого района.

Дальнейшие исследования поселений и могильников черняховской культуры на Нижнем и Среднем Днестре, уточнение вопросов датировки и локальных вариантов этой культуры — одна из актуальных задач советских археологов.

⁵ М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 191; Ю. В. Кухаренко. Волынская группа полей погребений. СА, 1958, № 4, стр. 225; М. А. Тиханова. Раскопки на поселении III—IV вв. у с. Лепесовка в 1957—1959 гг. СА, 1963, № 2, стр. 185; J. Kmieciński. Zagadnienie tzw. kultury gosko-gepidzkiej na Pomorzu wschodnim w okresie wizesnorzymskim. Lodz, 1962, str. 133, табл. XI—XII, карта 4.

⁶ Кости животных определены и обработаны В. И. Цалкиным.

⁷ Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 74, рис. 28.

⁸ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 117—118, табл. XXVII, 91—93.

⁹ Д. Б. Шелов. К истории Танаиса. ВДИ, 1959, № 1, стр. 125.

И. С. ВИНОКУР, М. И. ОСТРОВСКИЙ

РАСКОПКИ РАКОВЕЦКОГО МОГИЛЬНИКА В 1962 г.¹

В 1961 г. в с. Раковец-Чесниевский Збаражского района Тернопольской области при земляных работах были обнаружены интересные находки. Колпая яму, А. Дымнич на глубине 1,5 м наткнулся на остатки двух скелетов. При них были обнаружены три глиняных сосуда, бронзовые фибула, пряжка и костяной гребень².

В 1962 г. объединенной археологической экспедицией Черновицкого государственного университета и Кременецкого краеведческого музея были начаты работы по исследованию могильника. Могильник расположен на возвышении левого берега р. Раковички (бассейн р. Горыни), в урочище «За городами». Остатки его находятся в центре современного села, рядом с кладбищем и церковью. В 1962 г. было вскрыто свыше 200 кв. м, обнаружено 14 погребений.

Погребение № 1 открыто на глубине 1,25 м, костяк лежал вытянуто на спине, ориентировка северная. У левой ноги найден небольшой гончарный горшок; такой же сосуд находился у правой руки, у левого плеча — бронзовая арбалетовидная фибула, а в области живота — бронзовая пряжка.

Погребение № 2 обнаружено в 4,5 м на З от погребения № 1, на глубине 1,3 м. Костяк, ориентированный головой на СЗ, лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела. У левого и правого плеча выявлено по одной бронзовой арбалетовидной фибуле; у головы лежал костяной гребень с высокой трапециевидной спинкой. У левой руки стоял серый гончарный горшок.

Погребение № 3 обнаружено на глубине 1,2 м. Могильная яма овальной формы едва прослеживалась в грунте. Сохранность скелета очень плохая. Были выявлены обломки черепа и кости конечностей. Ориентирован головой на С. В области живота обнаружены две гончарные миски, перекрывающие одна другую; в нижней находились кости животных. Тут же найдена бронзовая пряжка с полуовальным основанием и вдвое сложенной пластинчатой овальной обоймицей с тремя заклепками (для скрепления с ремнем).

Погребение № 4 обнаружено на глубине 1,38 м. Оно частично перекрывалось ямой захоронения № 3. Погребение № 4 — в подпрямоугольной яме, головой на С. Сохранность костей очень плохая. С правой стороны скелета вдоль туловища находились сосуды. У ног лежал гончарный сероглиняный кувшин, рядом с ним — две лепные черные миски. Далее на боку лежал гончарный узкогорлый красноглиняный кувшин. Еще севернее стояла трехручная гончарная миска с широким горизонтальным венчиком. При расчистке в ней была обнаружена лежавшая вверх дном гончарная миска на кольцевой подставке, а под миской — лепной орнаментированный кубок. У правой руки стояли еще две миски, а у головы слева — маленький лепной кубок.

¹ Доклад на секции эпохи железа Пленума Института археологии АН СССР в г. Минске 22 апреля 1963 г.

² Фибула, пряжка и гребень были переданы в Кременецкий краеведческий музей.

Тут же находился костяной гребень с округлой спинкой и железный ножик. В области живота найдена бронзовая пряжка прямоугольной формы. Слева у ног лежал на боку лепной горшок.

Погребение № 5 было выявлено на глубине 0,75 м. В неглубокой овальной яме — детское захоронение, длина скелета 0,49 м. Руки вытянуты вдоль тела, ноги несколько подогнуты. При расчистке удалось проследить остатки угля, которым было посыпано погребение.

Погребение № 6 обнаружено на глубине 1,2 м, в 0,6 м от погребения № 5. Это был скелет женщины, ориентированный головой на С. За головой стоял сероглиняный гончарный горшок черняховского типа, а рядом с ним лежали обломки раздавленной лепной трехручной миски пшеворского облика. Поверхность черная, хорошо лощеная. Сосуд украшен орнаментом из комбинации врезанных линий и небольшого валика с насечкой.

Погребение № 7. Пятно могильной ямы округлой формы 1,2 × 1,1 м обнаружено на глубине 1,1 м. Расчистка показала, что яма была заполнена кусками древесного угля (сосна) и обломками кальцинированных человеческих костей. В верхней части ямы попадались фрагменты керамики. Лепная и гончарная миски находились на дне ямы в западной ее половине, они были опрокинуты вверх дном; рядом лежал обломок стенки еще одной гончарной миски. Сосуды были заполнены кальцинированными человеческими костями. В урнах были обнаружены бусы из стекла, кости и алебаstra (?). По инвентарю можно предположить, что захоронение № 7 является трупосожжением женщины.

Погребение № 8 в овальной яме размером 1,8 × 0,8 м выявлено на глубине 1,2 м. Костяк мужчины лежал вытянуто на спине. У правого плеча найдены кости животных и железный нож.

Погребение № 6 — трупосожжение в урне. Опрокинутый вверх дном гончарный сероглиняный горшок, наполненный кальцинированными человеческими костями, был обнаружен на глубине 0,35—0,40 м.

Погребение № 10 — захоронение грудного ребенка. Обнаружено на глубине 0,75 м. Ориентировано головой на С. Череп раздавлен. Кости конечностей и других частей скелета сохранились плохо. Как и в другом детском захоронении (погребение № 5), никаких сопровождающих вещей не выявлено.

Погребение № 11 — захоронение ребенка приблизительно двух-трех летнего возраста было выявлено на глубине 0,9 м. Яма неправильной формы прослеживалась плохо. Ориентировано головой на С. При костяке обнаружено пять миниатюрных гончарных сосудов (два горшка, две миски и кувшин). У черепа лежал костяной гребень, а около левого плеча — бронзовая арбалетовидная фибула.

Погребение № 12 — трупосожжение в яме — обнаружено на глубине 0,65—0,70 м. В яме неправильной формы, заполненной древесным углем и кальцинированными костями, лежал опрокинутый лепной горшок с шершавой поверхностью и обломок черной лощеной гончарной миски.

Погребение № 13 — детское захоронение — обнаружено на глубине 0,98 м. Следы ямы не прослежены. Скелет очень плохой сохранности, головой на С. У правого плеча лежала бронзовая арбалетовидная фибула.

Погребение № 14 — женское трупоположение в яме — было обнаружено на глубине 1,2 м. Яма неправильной формы. Костяк лежит вытянуто на спине головой на С, левая рука вытянута, правая полусогнута в локте. Ноги несколько согнуты в коленях (рис. 23, 2). Справа у головы стояла гончарная миска; две миски у правой руки. Слева у колен стоял чернолощенный кувшин. У ступней ног — раздавленная трехручная миска, а в ней перекрытый раздавленной миской кубок гончарной работы. Слева у локтя левой руки лежала бронзовая арбалетовидная фибула. В области пояса — бронзовая пряжка такой же формы, как и в погребении № 3; у левой руки — костяной гребень с округлой спинкой на бронзовых заклепках. Между

Рис. 23. Раковецкий могильник

1 — погребение № 11; 2 — погребение № 7 (группосожжение)

ногами (ниже таза) находилась бронзовая игла с ушком. В ногах, рядом с раздавленной миской, лежали кости животных, железная оковка и бронзовая спираль от ножен небольшого ножа.

Из выявленных в 1962 г. 14 погребений Раковецкого могильника женскими, несомненно, были захоронения № 6, 11, 14; по вещевому материалу, сопровождавшему погребения, женскими были, по-видимому, и погребения № 2, 4, 7. Мужским было захоронение № 8. По вещевому инвентарю можно считать мужскими и погребения № 1, 3. Два погребения детских — № 5, 13.

Все вскрытые в 1962 г. трупосожжения (погребения № 7, 9, 12) урновые. Урны, как правило, стояли днищами вверх в ямах, заполненных остатками трупосожжения и костра. Трупосожжение производилось, очевидно, на стороне.

Надо отметить и такую интересную деталь. При исследовании захоронений — и трупоположений и трупосожжений — примерно на уровне древнего горизонта всегда встречались обломки битой посуды — гончарной и лепной. Иногда удавалось проследить и прослойки обожженной земли, крапления золы и древесного угля. Полагаем, что это остатки ритуальных тризн, связанных с погребальным обрядом.

Наибольшую группу вещевому инвентаря, выявленного при раскопках, составляет глиняная посуда. Она представлена гончарными и лепными изделиями. Формы гончарной посуды типичны для черняховской культуры. Это миски, изготовленные преимущественно из хорошо отмученной глины, с лощением. Но есть и образцы мисок, в тесте которых имеется примесь крупного песка, кварца и т. п. Днища мисок на плитчатой или кольцевой подставках (рис. 24, 3, 11). Горшки гончарной работы из Раковецкого могильника представлены несколькими образцами, типичными для черняховской культуры. То же самое касается и кувшинов с одной ручкой и дном на кольцевой подставке, иногда с валиком при переходе тулова к горлу. Это сосуды серого и черного цвета с лощением. Трехручные гончарные миски серого цвета с лощением представлены двумя экземплярами. Под самым венчиком — полоса пролощенных перекрестных линий. Приведенные гончарные керамические изделия Раковецкого могильника находят широкие аналогии в материалах других могильников черняховской культуры.

Лепная посуда представлена в Раковце приземистыми мисками средних размеров с отогнутыми венчиками. Поверхность мисок серая или коричневая, лощеная и шероховатая. К этой же группе относятся горшки биконической формы. Венчики горизонтальные, срезанные. Лепная посуда изготовлена из грубого теста с примесями песка. Нижнюю часть горшка в сыром виде обмазывали размешанной глиной с примесями крупнозернистого песка.

Особого внимания заслуживает лепной кубок из погребения № 4. Он сформован от руки из хорошо отмученной глины. Кубок плоскодонный с округлым туловом, венчик слегка отогнут наружу. Поверхность кубка имеет прекрасное черное лощение и орнамент из двух полос — нижней и верхней, — разделенных валиком с насечкой и двумя пролощенными линиями. И в нижней и в верхней полосе изображено по четыре солярных знака. Между солярными знаками нанесены дугообразные прямые линии с разным количеством их в каждом ряду. Кубок заслуживает специального исследования; пока же укажем, что знаки, нанесенные на его поверхность, следует, очевидно, относить к кругу изображений магического характера, подобно знакам на сосудах черняховской культуры из Ромашек, Лепесовки, Малаешт³.

Из металлических изделий заслуживают внимания бронзовые фибулы и пряжки. Фибулы арбалетовидные, двухчастной конструкции с подвязан-

³ Б. А. Рыбаков. Календарь IV в. из земли полян. СА, 1962, № 4, стр. 66—90.

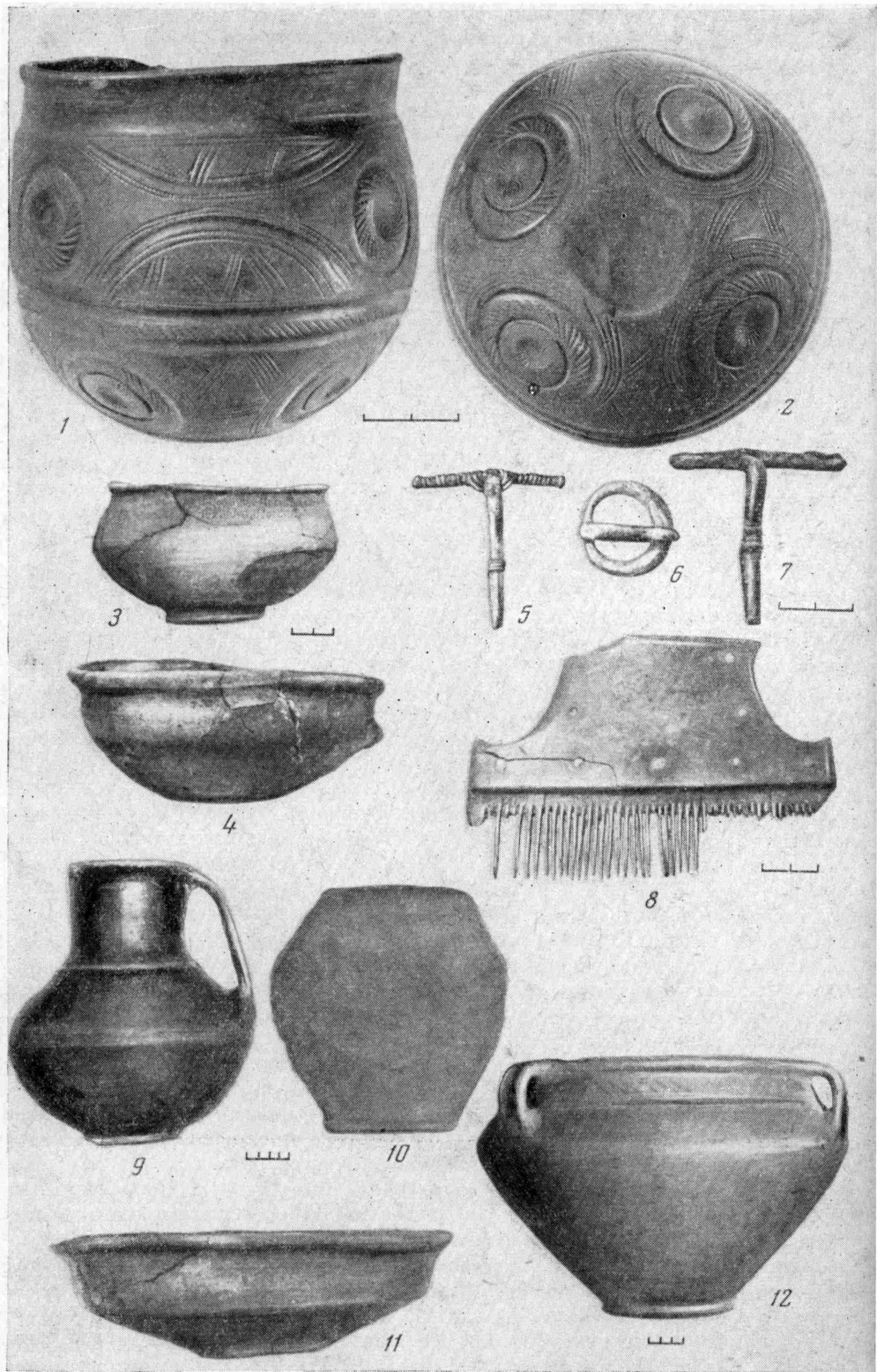

Рис. 24. Вещи из погребений

1—4, 9—12 — сосуды; 5—7 — бронзовые фибулы; 6 — бронзовая пряжка; 8 — костяной гребень

ным приемником. Они хорошо известны в III—IV вв. н. э. на территории Центральной и Юго-Восточной Европы⁴. Бронзовые пряжки Раковецкого могильника находят аналогии в материалах могильника у с. Деревянное на Волини⁵. В Раковце, так же как и в Деревянном, представлены пряжки двухчастной конструкции с полуovalным основанием и вдвое сложенной пластинчатой обоймицей с тремя заклепками, одночастные округлые пряжки и большая прямоугольная — литая.

Костяные гребни все трехчастные, спинки их округлые и трапециевидные на бронзовых заклепках. Гребни такого типа широко известны в памятниках не ранее III в. н. э.

Весь инвентарь Раковецкого могильника характерен для волинской группы культуры полей погребений. Это прослеживается прежде всего по керамике. В одних и тех же захоронениях (и в труположениях и в трупосожжениях) гончарная типично черняховская посуда сопровождается лепной керамикой. Последняя по форме и технике изготовления близка, а иногда и прямо тождественна керамике пшеворской культуры. Техника обработки и форма некоторых лепных сосудов (погребение № 12) близки зарубинецкой культуре. Лепная посуда из погребений № 4, 7, 12 и других свидетельствует и о некотором своеобразии керамики, характерной для волинской группы полей погребений, существовавшей на стыке двух больших культурно-исторических массивов — черняховского и пшеворского. Материалы из раскопок Раковецкого могильника 1962 г. пополняют сведения о керамике волинской группы полей погребений, известных ранее по данным раскопок на могильнике в Деревянном⁶ и на селищах в Пряжеве, Слободище, Иванковцы и др.⁷

Материалы Раковецкого могильника дают основание для предварительной датировки памятника. Типы арбалетовидных бронзовых фибул хорошо известны для III—IV вв. н. э.

⁴ I. Kovrig. Die Haupttypen der kaiserzeitlichen Fibeln in Pannonien, Dissertationes Pannonicae, Ser. II, № 4, 1937, стр. 128—129.

⁵ Z. Leski. Prace archeologiczne na Wolyniu. ZOW, r. II, 1936, zeszyt 4—5, стр. 60—62.

⁶ Z. Leski. Указ. соч.

⁷ И. С. Винокур. Старожитності Східної Волині першої половини I тисячоліття н. е. Праці комплексної експедиції Чернівецького університету, т. VIII, серія археологічна, вип. 1, 1960, стр. 24—61.

В. В. СЕДОВ

ГОРОДИЩЕ ЦЕРКОВИЩЕ

Среди многих десятков смоленских городищ раннего железного века описываемый памятник стоит особняком. Глиняная посуда нижнего слоя городища Церковища принадлежит к штрихованной керамике, граница распространения которой находится вне пределов Смоленского Поднепровья — в Верхнем Понеманье и в центральных районах Белоруссии.

Городище находится в 15 км южнее г. Смоленска и занимает верхнюю часть небольшого останца среди широкой заболоченной низины, при впадении р. Лещинки в р. Наготь (левый приток Днепра). Овальное в плане городище размерами около 45 × 30 м имело довольно крутые склоны (до 14,5 м отвесной высоты со стороны реки и 4—5 м с противоположной). Впервые городище было обследовано в начале 20-х годов XX в. смоленскими археологами А. Н. Лявданским, Г. В. Парфеновым и В. Р. Тарасенко и названо по близлежащей дер. Церковище, ныне не сохранившейся¹. В обнажениях культурного слоя были собраны обломки древнерусской гончарной керамики и лепной посуды, как отмечают исследователи, тождественной керамике ранних городищ Смоленщины.

В связи с изучением в Смоленской земле древнерусских поселений сельского типа, на городище Церковище были произведены большие исследования, в результате которых установлено членение культурного слоя памятника на два одновременных напластования. Верхний слой толщиной 0,6—1 м (серый аморфный с угольками и кусками глиняной обмазки) отложился в древнерусское время (XI—XIII в.). Определено, что в этот период поселение называлось Воищиной и упоминается в Первой Новгородской летописи².

Настоящая статья посвящена поселению раннего железного века, в период существования которого отложились нижние горизонты культурного слоя³. Нижний слой имел черно-серую или бурю окраску и содержал много золы и угольной пыли. Его толщина 20—60 см. Прослежен этот слой далеко не по всей площади городища. При планировке и во время строительных работ древнерусского периода во многих местах нижний слой был полностью снят, в других — сильно потревожен или перекопан столбовыми и хозяйственными ямами, число которых на городище превышает 500. В отдельных пунктах между древнерусским и нижним слоями отчетливо прослеживалась стерильная песчаная прослойка — свидетельство отсутствия жизни здесь в промежуточный период.

¹ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научные известия Смоленского гос. ун-та, т. 3, вып. 3, 1926, стр. 211, 212.

² В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земл. М., 1960, стр. 51—91. План городища помещен на рис. 23.

³ Распространение древнерусского названия поселения на памятник раннего железа не оправдано. Для древнего поселения лучше сохранить название, данное городищу его первыми исследователями. Нижний слой городища изучался в 1955—1958 гг. (одновременно с древнерусскими напластованиями) и в 1962 г.

Серьезные нарушения нижнего слоя не позволяют восстановить картину застройки раннего поселения. Остались неизвестными тип и устройство жилых и хозяйственных построек. Несколько лучше сохранился нижний слой по юго-западному краю городищенской площадки, под валом древнерусского времени. Благодаря этому установлено, что поселение раннего железного века не имело искусственных укреплений. Заболоченность вокруг останца, на котором располагалось поселение, была надежной естественной защитой для его обитателей.

Значительную часть керамического материала городища составляют обломки сосудов со штрихованной поверхностью. Штриховка на поверхности церковищенских сосудов в основном однотипна со штриховкой глиняной посуды городищ и поселений литовско-белорусского По-неманья и западной части Верхнего Поднепровья. Однако формы церковищенских сосудов отличны от литовско-белорусской штрихованной керамики. Остроребер-

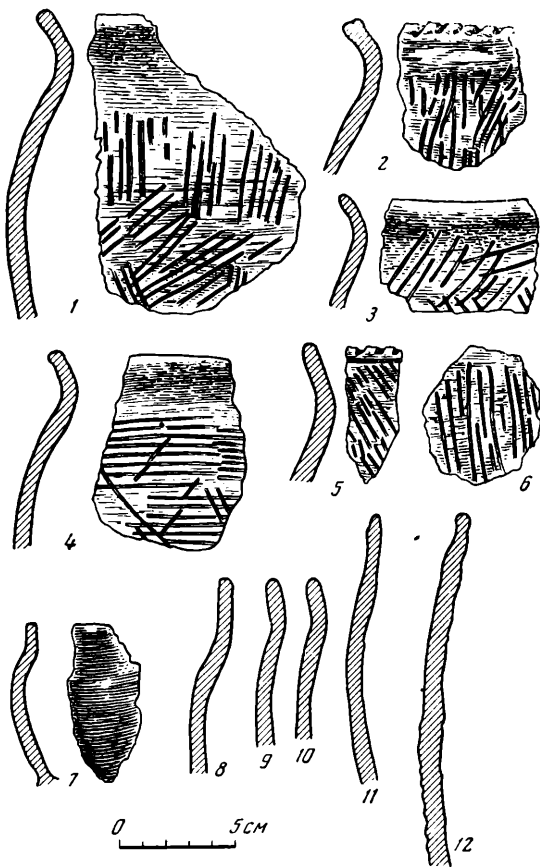

Рис. 25. Керамика городища Церковище
1—6 — обломки штрихованных сосудов; 7 — венчик чернолощеного сосуда; 8—12 — венчики сосудов с мелкобугристой и заглаженной поверхностью

ных горшков, весьма характерных для поселений культуры штрихованной керамики, здесь нет вовсе. Церковищенские сосуды со штрихованной поверхностью — невысокие плоскодонные горшки, слабо профилированные, обычно с немного оттянутым наружу венчиком (рис. 25, 1—6). По форме это — типичная керамика верхнеднепровской культуры, описанная в последнее время П. Н. Третьяковым и Е. А. Шмидтом⁴. Поверхность церковищенских сосудов красновато-коричневая или желто-красная, тесто со значительной примесью плохоперемешанных крупных зерен дресвы. Около 5% венчиков орнаментировано по верхнему срезу насечкой или защипами. Встречены единичные фрагменты сосудов, имевших такую же орнаментальную насечку по плечикам. Среди описанной группы керамики находятся сосуды, покрытые штриховкой, и не штрихованная посуда.

Сочетание штриховки со слабопрофилированной формой сосудов свойственно керамике переходной зоны между ареалом культуры штрихованной керамики и областью расселения племен верхнеднепровской культуры⁵.

⁴ Е. А. Шмидт. Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра во второй половине I тысячелетия до н. э. В сб. «Материалы по изучению Смоленской области», вып. IV, 1961, стр. 344—367; П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1962, стр. 51, 80—84, 156.

⁵ В. В. Седов. Поселения культуры штрихованной керамики. Księga Pamiątkowej ku czci prof. Włodzimierza Holubowicza. Wrocław, 1964.

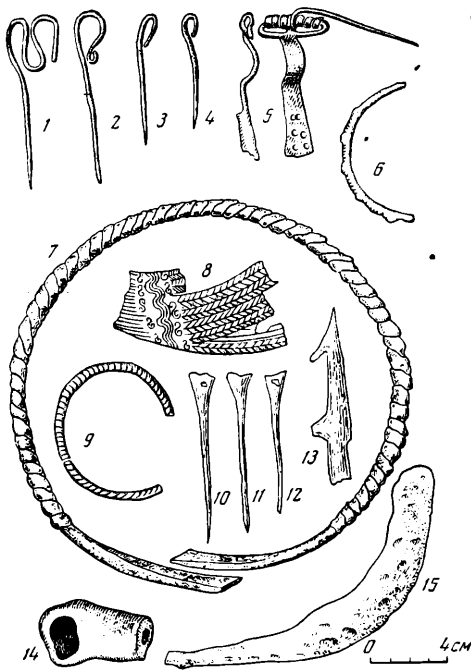

Рис. 26. Находки из слоя городища Церковища

1—3, 5, 6 — бронза; 4, 7, 15 — железо;
8 — серебро; 10—13 — кость; 14 — глина

Штриховка на таких сосудах отсутствует. Поверхность их темно-серая, примеси — дресва и песок. Сосуды очень слабо профилированы, венчик прямой или слабо оттянут наружу (рис. 1, 8—12). Такая керамика характерна для смоленских городищ VI—III вв. до н. э.⁷ Ее соотношение со штрихованной посудой на городище Церковище из-за потревоженности культурного слоя неясно.

Керамики, характерной для среднего слоя Тушемля, на городище Церковище нет. Встречены лишь единичные мелкие фрагменты горшков с черной выложенной поверхностью (рис. 25, 7), напоминающие позднезарубинецкую керамику Подесенья.

Наиболее интересной группой вещевых находок городища Церковища являются украшения. К числу древнейших принадлежат две двухпетельчатые булавки из бронзовой граненой проволоки (рис. 26, 1). Аналогичная находка сделана В. А. Падиным в Подесенье на Южном Долбантовском городище юхновской культуры⁸. В памятниках скифских лесостепных культур двухпетельчатые булавки датируются VI—V вв. до н. э.⁹, в могильниках Средней Европы обычно относятся к гальштату — Д (550—400 гг. до н. э.)¹⁰. Третья церковищенская булавка имеет верхнюю часть, изогнутую

Однако городище Церковище находится далеко от такой зоны в гуще поселений верхнеднепровской культуры. Появление штрихованной керамики на поселении центральной части Смоленщины может быть объяснено лишь проникновением сюда носителей культуры штрихованной керамики. Незначительную диффузию населения этой культуры можно предполагать на основе находок единичных фрагментов штрихованной керамики на ряде смоленских городищ (Баталово, Демидовка, Мокрядино, Неквасино, Тушемля, Холм). Городище Церковище — целостный памятник, оставленный группой населения, проникшей на Смоленщину из более западных областей. Вероятно, это было не единственное поселение. В 1956 г. близ пос. Яново на р. Березинке раскапывалось селище со штрихованной керамикой, аналогичной церковищенской⁶.

Значительно меньшую часть керамического материала из городища Церковища составляют обломки сравнительно тонкостенных (0,4—0,6 см) сосудов с мелкобугристой и заглаженной поверхностями. Штри-

⁶ В. В. Седов. Отчет о полевых работах Смоленского отряда Среднерусской экспедиции ИИМК АН СССР за 1956 г. Архив ИА, № Ф-1, 1283.

⁷ П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 51, 155, 156.

⁸ Хранится в Трубчевском музее.

⁹ Е. Ф. Покровська. Розкопки курганів V ст. до н. е. поблизу м. Шполи. Археологія, XI, 1957, стр. 151, рис. 2, 13, 14; Г. Т. Ковпаненко. Пам'ятки скифського часу в басейні р. Ворскли. «Археологія», XIII, 1961, стр. 75, рис. 4, 24.

¹⁰ K. Musianowicz. Halsztacko-lateńskie cmentarzysko w Kacicach pow. Poltusk. WA, t. XVII, z. 1, 1950, tabl. VI.

в виде пастушеского посоха (рис. 26, 2), и принадлежит к числу наиболее распространенных в памятниках древних балтийских племен¹¹. Время бытования посоховидных булавок в Верхнем Поднепровье определяется последними веками до н. э. и первой половиной I тыс. н. э. Четвертая и пятая булавки из Церковища имеют концы, загнутые в виде крючка (рис. 26, 3, 4).

Верхнюю дату городища Церковища определяет глазчатая фибула прусской серии (рис. 26, 5). Наибольшее число этих фибул найдено в Восточной Пруссии¹². По мнению Х. А. Моора, они изготавливались где-то в одном или нескольких близрасположенных центрах и оттуда распространялись в другие районы юго-восточной Прибалтики. Датируются фибулы прусской серии II в. н. э.¹³ На территории Восточной Европы, кроме прибалтийских областей, они единичны и встречены в двух могильниках зарубинецкой культуры (Гриневичи, Зарубинцы)¹⁴ и на позднеюхновском поселении у дер. Синьково в Брянском Подесенье.

Бронзовые браслеты городища Церковища принадлежат к четырем типам. Один из них, овальный в сечении, украшен округлыми шишечками, образующими несколько групп. В каждой группе по 12 полушарных выпуклостей, расположенных по четыре в три ряда. Такая орнаментация типична для кельтских браслетов Средней Европы¹⁵. Аналогичные раннелатенские браслеты встречены в ряде памятников Верхнего Поднепровья и Верхнего Поочья¹⁶. Второй церковищенский браслет массивный, литой, с рубчатой насечкой по поверхности (рис. 26, 9). Аналогичные браслеты найдены на смоленских городищах Тушемля и Новые Батеки¹⁷ и на поселениях милоградской¹⁸ и верхнеокских¹⁹ культур. В Средней Европе они датируются ранним латеном. Третий браслет из Церковища украшен рубчиками, которые чередовались с полушарными выпуклинами (рис. 26, 6). В Средней Европе такие браслеты бытовали в позднем тальштате и в раннем латене (550—250 гг. до н. э.)²⁰, а в Верхнем Поднепровье до рубежа н. э.²¹ Последний церковищенский браслет принадлежит к типу массивных литых с гладкой поверхностью.

Железная гривна из городища Церковища (рис. 26, 7) изготовлена из четырехугольного в сечении крученого прута. Концы гривны уплощены в виде лопаточек со слабо выступающим ребром на внешней поверхности.

¹¹ R. Šnoger. Dzelzs laikmeta latviešu rotas adatas. «Latviešu aizvestures materiāli», t. I. Rīga, 1930, стр. 90, 91; Lietuviu liaudies menas, стр. 347, рис. 204; М. Х. Шмидельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, стр. 199, рис. 10 и 11; П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 88, 166.

¹² O. Almgren. Studien über Nordeuropäische Fibelformen Leipzig, 1923, стр. 13.

¹³ H. Moog. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr., t. II, Tartu, 1938, стр. 63, 65, карта V.

¹⁴ А. К. Амброз. Фибулы Зарубинецкой культуры. МИА, № 70, 1959, стр. 185, рис. 10.

¹⁵ J. Filip. Keltiska civilizace a její dediví. Praha, 1960, t. XXIX; В. Венадик, Е. Вишек, С. Амброс. Keltische Gräberfelder des Südwestslowakei. Bratislava, 1957, t. XXIII; I. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa—Wrocław, 1955, стр. 180.

¹⁶ Н. И. Булычев. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1903, стр. 72, табл. XIV, 16; О. Н. Мельниковская. Клад латенского времени из юго-восточной Белоруссии. Материалы по археологии БССР, т. I. Минск, 1957, стр. 149—154, табл. I; О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 36, 37; П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 47, 163, 165.

¹⁷ П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 47 и 165.

¹⁸ О. Н. Мельниковская. Указ. соч., стр. 36, рис. 10, 10.

¹⁹ Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, 1959, стр. 25, рис. 12, 1.

²⁰ I. Kostrzewski. Указ. соч., стр. 154, 180.

²¹ Ю. В. Кухаренко. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. СА, 1959, № 1, стр. 36, 37; П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 165.

Ближайшие аналогии этому украшению находятся в коллекциях из позднелужицких поселений.

Весьма оригинально литое из серебра орнаментированное украшение, обломок которого найден на Церковище (рис. 26, 8). Рельефный орнамент его скомбинирован из волнистых линий, эсвидных завитков и имитации веревочки. Все эти орнаментальные элементы имеются на браслетах, подвесках и булавах восточнобалтских культур раннего железного века.

Изделия из железа немногочисленны. Из двух серпов, найденных на городище, один (рис. 26, 15) принадлежит к орудиям развитой формы и находит аналогии среди предметов верхних слоев смоленских городищ²². Значительно примитивен второй серп слабоизогнутой формы. Такой же серп происходит из среднего слоя Тушемли²³. Кроме того, на городище Церковище найдены обломки трех ножей.

Все три костяные наконечника гарпунов однозубые и имеют утолщение — муфточку, ограничивающую стержень от черенка (рис. 26, 13). Такие наконечники укреплялись на древке при помощи костяных втулок. Подобные гарпуны получили широкое распространение в лесной полосе Восточной Европы, начиная с середины I тыс. до н. э. Костяные острия с лопаточковидной головкой (рис. 26, 10—12) принадлежат к числу распространенных изделий раннего железа от Прибалтики до Среднего Поволжья. Одни из них были булавками, другие — иглами, употребляемыми при плетении рыболовных сетей²⁴. Кроме того, на городище Церковище найдены костяной наконечник стрелы и большой клык кабана с тремя сверлинами. Кабаньи клыки-амулеты уже известны среди балтских древностей²⁵.

Глиняная льячка (рис. 26, 14) свидетельствует о местном меднолитейном производстве на городище. Два глиняных пряслица принадлежат к типу, распространенному в лесной полосе Восточной Европы²⁶. Наконец, на городище найдено четыре грузика дьякова типа. Как показали последние раскопки, это — обычная находка для смоленских городищ раннего железа.

Дата нижнего слоя городища Церковища — от середины I тыс. до н. э. по II—III вв. н. э.

²² П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 70 и рис. 27, стр. 168 и рис. 14.

²³ Там же, стр. 57, рис. 22.

²⁴ Там же, стр. 87.

²⁵ Lietuviu liaudies menas. Senovės lietuviu papuošalai, I, Vilnius, 1958, рис. 50, 51; I. Craudonis, V. Urtāns. Senatnes pedas, Riga, 1961, рис. 55; I. Craudonis. Kaula priekšmetu veidi Latvija I gadu tukstoti priekš musu eras. Известия АН Латвийской ССР, 1961, № 3, рис. IV, 4; В. П. Левенок. Городища юхновской культуры. КСИА, вып. 7. Киев, 1957, стр. 50, рис. 1, 12.

²⁶ П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 57, рис. 21.

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В 1961—1962 гг.
В КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1961—1962 гг. Верхнеокская археологическая экспедиция провела небольшие охранные раскопки в Калужской области¹, в бассейне верхнего течения р. Оки.

Для раскопок были выбраны городища и курганы, находящиеся под угрозой разрушения. Поэтому и хронологический диапазон между этими памятниками очень велик — от эпохи раннего железного века до XII—XIV вв. н. э. Начнем с результатов раскопок городищ раннего железного века.

На правом высоком берегу Оки, против древнего села Перемышль находится дер. Вороново. Северо-западнее и чуть ниже этой деревни, на небольшом треугольном останце, густо заросшем орешником, расположено городище (рис. 27, 1), которое было открыто экспедицией ГАИМК в 1934 г.² Площадка городища сильно испорчена во время Отечественной войны 1941—1945 гг. Зачистка юго-восточного склона городища обнаружила довольно мощный культурный слой, состоящий из двух разновременных напластований: нижний горизонт слоя содержал лепную керамику и предметы из кости и глины, аналогичные инвентарю соседнего Гремячевского городища³ (последние века I тыс. до н. э. и начало н. э.), верхний — лепную керамику «роменского типа» (VIII—X вв. н. э.).

Небольшие раскопки на городище были проведены в 1961 г. Площадка городища, вытянутая с СЗ на ЮВ, имеет длину 50 м, ширину 40—44 м. Со стороны плато (в юго-восточной части) городище укреплено тремя валами, глубокими рвами (средний вал почти совсем разрушен). Восточный склон городища граничит с глубоким оврагом, по дну которого протекает ручей, западный склон более пологий. Поверхность городища имеет резкий склон в северо-западном направлении (к мысу). Разница уровней между северо-западной и юго-восточной частью площадки составляет около 4 м. Над уровнем р. Оки мыс городища возвышается всего на 3 м, а вал, расположенный на его площадке, — на 8 м. Во время весенних разливов Оки площадка городища заливается⁴.

В небольшом раскопе (90 кв. м), заложенном в северо-западной части площадки городища, культурный слой состоял из рыхлого чернозема мощностью от 0,2 до 2 м⁵ и четко делился на два горизонта: верхний — черный слой толщиной от 0,20 до 1,20 м; нижний — влажный коричневатый с большим содержанием костного перегноя. Почти весь вещевой материал

¹ Работы проводились Институтом археологии АН СССР совместно с Калужским обл. Краеведческим музеем.

² Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 40

³ Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899.

⁴ Расстояние городища от р. Оки — 500 м.

⁵ Такая разница в толщине слоя объясняется тем, что северная часть раскопа приходится на самый край площадки городища, куда, несомненно, культурный слой в течение столетий сползал.

и керамика относятся к одному времени и носят очень архаический характер.

Несмотря на то, что общее количество находок очень невелико, деление их по материалу показательно: из 32 предметов более 50% (17 экз.) сделано из кости, семь — из глины, четыре — из железа и четыре из бронзы.

Для определения нижней хронологической границы древнейшего поселения на городище служит обломок псаля, изготовленного из тонкой костяной пластины. Один конец псаля сделан в виде стилизованного копыта животного, другой — обломан. Поверхность псаля покрыта дырчатым орнаментом и тонко прочерченными линиями (рис. 28, 2). Нам не удалось

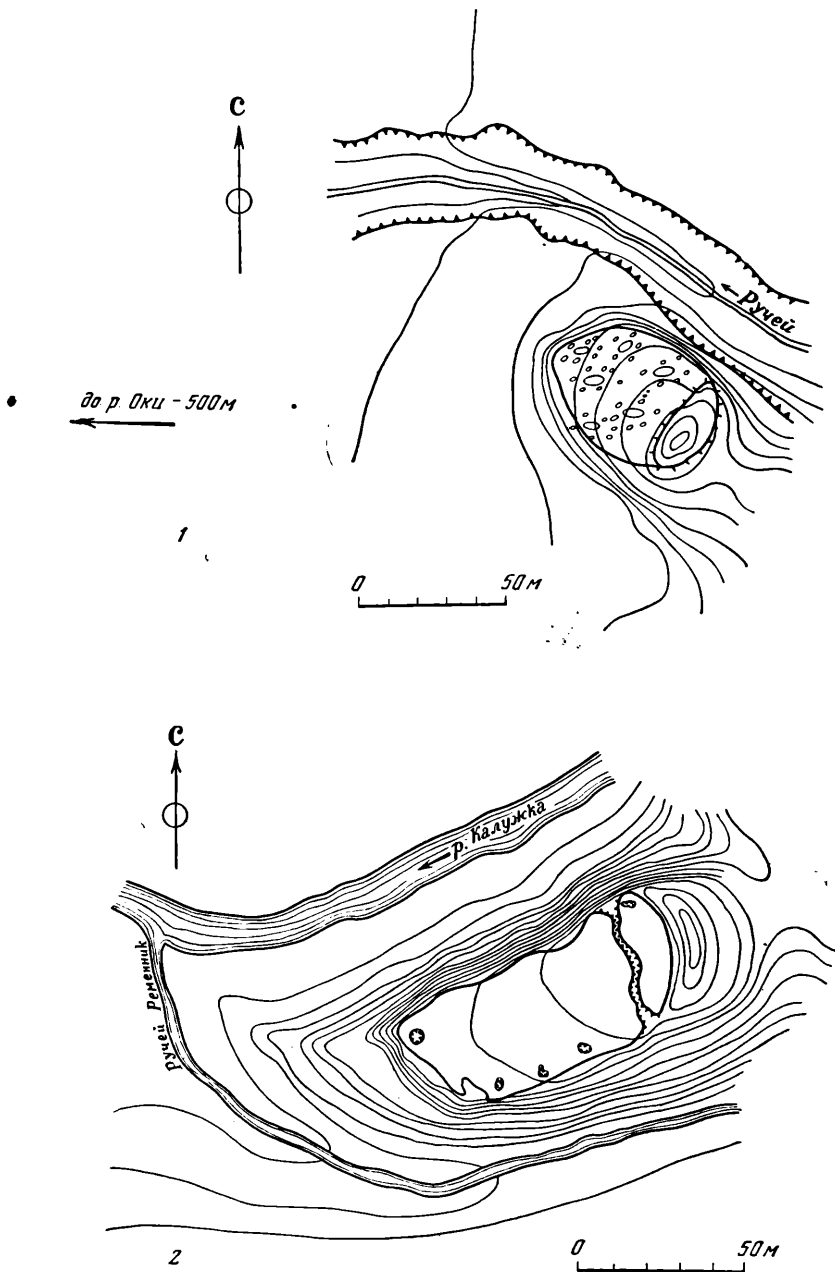

Рис. 27. Планы городищ у дер. Вороново (1) и у дер. Ждамирово (2)

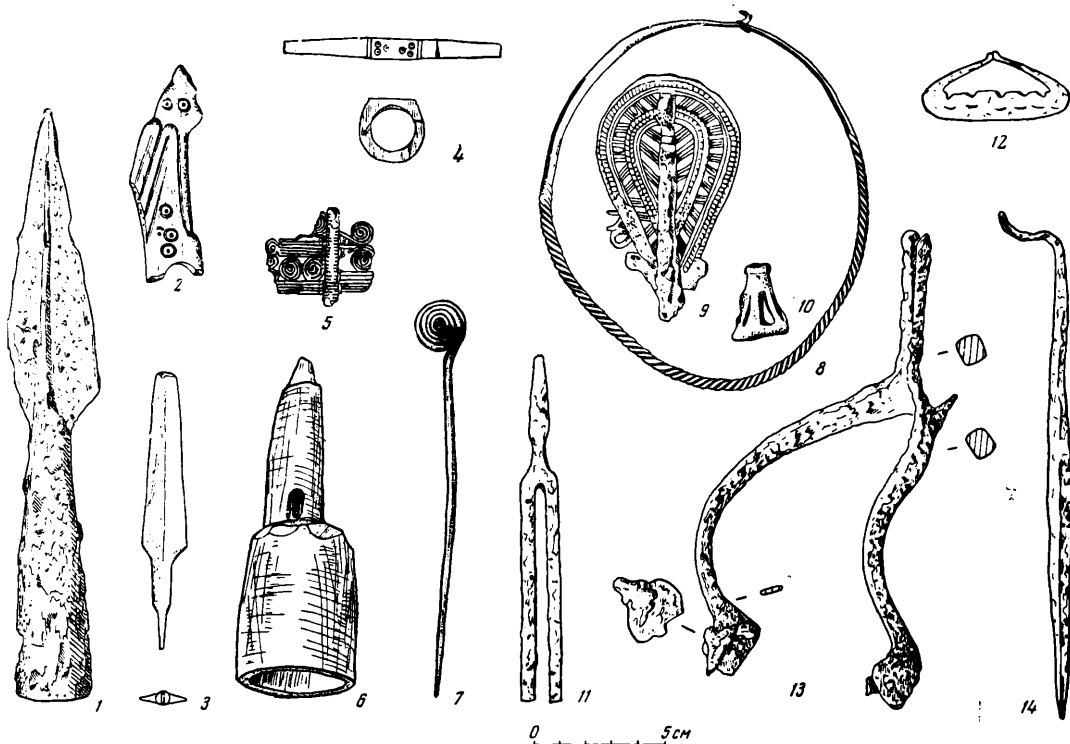

Рис. 28. Предметы, найденные на городищах Вороново, Ромоданово и Ждамирово

1 — наконечник копья; 2 — обломок псаляя; 3 — наконечник стрелы; 4 — перстень; 5 — застежка; 6 — навершие жезла; 7 — булавка; 8 — шейная гривна; 9 — навершие булавки; 10 — колокольчик; 11, 14 — ключи; 12 — кресало; 13 — шпора

1, 2, 3, 8—10 — гор. Вороново; 5—7 — гор. Ромоданово; 4, 11—14 — гор. Ждамирово; 2—4, 6 — кость; 1, 11—14 — железо; 5, 7, 8—10 — бронза

найти точную аналогию, но очень близки ему по форме костяные псаляи скифских курганов Поднепровья и Посулья VI в. до н. э. Все эти псаляии изготовлены из тонкой костяной пластины и имеют длину от 12 до 19 см. На одном конце — стилизованное копыто, на другом — морда животного. В средней части псаляия находятся, как правило, три круглых отверстия, диаметром 5—7 мм для скрепления с удилами. Поверхность многих псаляиев покрыта циркульным орнаментом. Судя по обломку, псаляий Вороновского городища ближе всего напоминает псаляии из курганов № 3 и 4 Посулья, длина целого псаляия, очевидно, составляла около 15—17 см⁶.

Другими костяными предметами, также довольно архаичными, являются две грибоконечные рукоятки ножей, напоминающие рукоятки Гремячевского городища. Костяная рукоять конической формы с небольшим сквозным отверстием на узком конце, служившим, очевидно, для подвешивания ножа к поясу. Кроме них, найдено четыре костяных наконечника стрел: два черешковые ромбические (рис. 28, 3), один втульчатый тупоконечный и один шестигранный с обломанным черешком, поверхность которого орнаментирована тремя ромбиками, прочерченными двойными линиями. Остальные костяные изделия (иглы, ножи) интереса не представляют.

⁶ А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ Смелы, т. III. СПб. 1901, табл. VII, № 4, 7; Б. Н. и В. И. Ханенко. ДП, вып. III, Киев, 1900, табл. XI—IX, № 529; В. А. Ильинская. Скифская узда. «Археология», т. XIII. Киев, 1961, стр. 46, рис. 7; М. И. Вязьмитина. Ранние памятники скифского звериного стиля. СА, 1963, № 2, стр. 166, рис. 7.

Предметы из глины составляют грузики дисковидной и битрапециоидной формы, мелкие сосуды и обломок литейной формы с двумя рядами маленьких круглых отверстий.

Из железных изделий интересен втульчатый ромбический наконечник копья (длина 19 см, длина пера — 10,5 см) столь же архаичный, как и костяной псалый (рис. 2, 1). Подобные наконечники копий тоже известны в скифских курганах Посулья и Поднепровья VI в. до н. э.⁷ Кроме копья, в раскопке найден и большой рыболовный крючок (длина 9 см), маленький нож и круглая пряжка с завернутыми концами (язычок не сохранился). Для датировки памятника важно бронзовое ажурное листовидное навершие булавки (рис. 28, 9). Такие навершия являются довольно частой находкой на городищах раннего железного века бассейна Верхней Оки⁸, однако данный экземпляр свою ближайшую аналогию находит в хорошо датированном комплексе Александровского городища на Сейме IV—III вв. до н. э.⁹ Эта находка может служить верхней хронологической границей нижнего культурного слоя Вороновского городища.

Остальные бронзовые предметы относятся к среднему культурному слою городища¹⁰. Среди них конический колокольчик с треугольными прорезами (рис. 28, 10), аналогичный колокольчикам из комплексов поселений бассейна Верхней Оки и р. Москвы¹¹ III—V вв. н. э., маленькие круглопроволочные шейные гривны (диаметр 11 см), средняя часть одной из них перекручена жгутом, а гладкие тонкие концы слегка загнуты (рис. 28, 8).

Керамика нижнего культурного слоя довольно однотипна. Сосуды изготовлены из серой глины с примесью мелкой дресвы или песка, имеют форму тонкостенной банки (толщина стенок 3—6 мм) и слабо обожжены. Как обычно, подавляющее большинство черепков не орнаментировано; реже встречаются обломки сосудов, покрытые несложным узором по краю и плечикам из насечек, углублений в виде прямоугольников, треугольников, круглых ямок, полукружий, отпечатков гребенчатого штампа и т. д. В целом керамика нижнего слоя Вороновского городища аналогична древнейшему типу посуды, найденной на Гремячевском городище¹² и других древнейших поселениях Верхней Оки¹³.

Переходя к характеристике остеологического материала, исследованного В. И. Цалкиным, следует отметить, его чрезвычайно архаичский характер. Из всех костных остатков, собранных на городище, 74,5% принадлежат костям диких животных и 25,5% — домашним. Среди диких животных первое место занимает лось — 47,7%, затем куница — 25%, бобр, медведь и др. Из домашних животных — на первом месте — кости лошади — 56,3%, крупного рогатого скота — 28%, свиньи и мелкого рогатого скота — 15,7%.

Из общего круга памятников Верхней Оки первой половины I тыс. н. э. не выпадает и городище у дер. Ромоданово, расположенное на правом берегу небольшой речки Можайки (правый приток р. Оки) и почти совсем разрушенное в период войны. Городище имеет форму овала, вытянутого с З на

⁷ П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. «Вопросы скифо-сарматской археологии», табл. I, № 47.

⁸ Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н. э. МИА, № 72, стр. 16, рис. 2, 3, 6, 7.

⁹ А. Е. Алихова. Городища Курского Посеймья. МИА, № 113, 1962, стр. 124, рис. 20, 9, стр. 129.

¹⁰ Во время разведки на городище в 1958 г. было установлено наличие двух разновременных горизонтов культурного слоя. В 1962 г. в раскопе № 1 был найден также инвентарь, который не может быть отнесен ни к древнейшему слою, ни ко времени VIII—X вв. н. э. Это обломки чернолощеной керамики и некоторые бронзовые предметы украшений.

¹¹ Л. А. Евтюхова. Барвихинское городище. СА, 1937, № 3, стр. 123, рис. 10—15.

¹² Н. И. Булычев. Указ. соч., табл. V.

¹³ Т. Н. Никольская. Культура племен..., стр. 23, 24, табл. 8, 9.

В, его северный и южный склоны упираются в небольшие овраги. В восточной части городища — остатки невысокого вала.

Небольшой раскоп (площадью 100 кв. м) был заложен в северо-восточной части площадки городища, сохранившейся лучше. Культурный слой раскопа — рыхлый подзол толщиной от 0,20 до 1,4 м, содержал предметы быта, украшений и лепную керамику, шероховатую и лощеную. В отличие от Вороновского городища, большинство предметов Ромодановского поселения железные: ножи, серпы, наконечники стрел. Из бронзы сделаны, как обычно, предметы украшений и убора — булавка со спиралью завернутой головкой (рис. 28, 7), часть фибулы, орнаментированной волотками из тонкой бронзовой проволоки (рис. 28, 5), маленькие колючки с несомкнутыми концами. Аналогичные бронзовые булавки со спирально завернутой головкой найдены на довольно широкой территории средней полосы Восточной Европы в памятниках последних веков I тыс. до н. э. и начала н. э.¹⁴ Фибулы, близкие ромодановской, также известны на некоторых городищах р. Москвы и Верхней Волги.

Глиняные поделки представлены пряслицами битрапецеидной формы и миниатюрными сосудиками, в том числе с лощеной поверхностью. Из костяных изделий интересны навершие жезла или посоха конической формы с тремя сквозными овальными отверстиями в средней части (рис. 28, 6). Аналогий этой находке нам подобрать не удалось.

Керамика найдена на городище только лепная, как упоминалось выше, ее можно разделить на две группы; лощеную и без лощения. По своему характеру она почти не отличается от керамики верхнего слоя городища у дер. Николо-Ленивец¹⁵. Это обломки толстостенных сосудов (толщина стенок 8—12 мм), изготовленных из серо-желтой глины с примесью дресвы или крупного песка, с шероховатой или даже бугристой поверхностью. Край сосуда иногда значительно отогнут, плечики профилированы. Горшки, как правило, не орнаментированы, изредка встречается орнамент в виде ямок, нарезок и зубчиков по краю и плечикам. Количество фрагментов лощеных сосудов незначительно, преобладает форма миски с высоким прямым, цилиндрическим верхом, иногда слегка вогнутым.

Следующий исследованный нами памятник относится к эпохе древней Руси и представляет собой остатки феодального «замка». Это Ждамировское городище, расположенное на левом берегу р. Калужки (левый приток р. Оки) при впадении в нее ручья Ременник, в 2 км восточнее дер. Ждамирово. Крутые, почти отвесные, склоны городища, заросшие лесом, и высокий вал обеспечивали надежную защиту крепости (рис. 27, 2). В связи с плохой сохранностью площадки городища (траншеи, ямы, деревья) пришлось заложить три небольших раскопа общей площадью 412 кв. м. Культурный слой поселения — влажный деградированный чернозем — имел толщину 0,4—0,6 м, а в сооружениях до 1,6 м. Несмотря на то, что в культурном слое Ждамировского городища дерево совершенно не сохранилось, по аналогии с другими исследованными в бассейне Верхней Оки древнерусскими поселениями, можно предположить, что жилые постройки были наземными, срубными. Следами жилищ являются обычно пятна обожженной глины (развал печи), подпольные ямы, более темный цвет грунта и скопление находок.

Остатки сооружений были вскрыты в прибрежной части поселения. Как известно, в прибрежной части феодальной вотчины обычно были расположены хозяйственные постройки и жилища челяди, что соответствует, по-видимому, и открытым нами постройкам. Где находился дом самого феодала, сказать трудно. Реконструируя феодальную вотчину по данным

¹⁴ Т. Н. Никольская. Культура племен..., стр. 16, рис. 2, 1, 2.

¹⁵ Т. Н. Никольская. Городище у дер. Николо-Ленивец. СА, 1962, № 1. стр. 233, рис. 7.

«Русской правды», Б. Д. Греков писал, что господский «двор» находился всегда в ее центре¹⁶. К сожалению, исследовать центральную часть Жда-мировского поселения не представляется возможным, так как здесь растут вековые липы.

В северо-восточной части городища (раскопа № 1) были открыты остатки гончарного горна. Развал камней, обожженная глина и плотный слой глиняной обмазки пола занимали площадь 6 × 6 м. Кое-где сохранились небольшие куски сгоревших бревен. Помимо большого количества керамики и костей животных, на этой площадке были также сконцентрированы и отдельные находки. По-видимому, перед нами мастерская гончара, служившая ему одновременно и жилищем. Подобная же картина была обнаружена и на некоторых других древнерусских поселениях как сельских¹⁷, так и городских¹⁸. Плохая сохранность горна не позволяет нам дать его реконструкцию. Можно предположить, что это было цилиндрическое в плане глинобитное сооружение с выложенным камнями основанием¹⁹.

Под развалом камней и около сооружения, на глубине 0,2—0,4 м были найдены: железный ключ от деревянного врезного замка (рис. 28, 14), железные ножи, шпора позднего типа (рис. 28, 13), обломок костяной накладки (может быть, от лука), точильный брусок с отверстием для подвешивания к поясу и др. Интерес представляет маленький костяной перстень (диаметр отверстия 15 мм) с прямоугольным щитком, покрытым глазковым орнаментом. Аналогий пока подобрать не удалось (рис. 28, 4).

Западнее и юго-западнее этой мастерской в 10 и 20 м от нее обнаружено несколько хозяйственных ям типа погребов. Одни в разрезе имели форму усеченного конуса, перевернутого вверх основанием (№ 1, 2, 6, 8), другие, являвшиеся, очевидно, подпольями жилищ, имели отвесные стенки и ступени для входа. Глубина ям в материке от 0,6 до 1,2 м, диаметром от 1,4 до 4,5 м. Заполнение ям, состоявшее из жирного и очень темного культурного слоя, содержало в основном обломки гончарной керамики; в одной из ям (№ 9) найден железный четырехгранный черешковый наконечник стрелы²⁰.

Этим исчерпываются наши сведения о сооружениях, открытых на Жда-мировском городище²¹.

Немногочисленны здесь также и находки отдельных предметов. Кроме вещей, найденных в сооружениях (см. выше), следует отметить железные ножи, ключи, наконечник четырехгранной черешковой стрелы, кресало (рис. 28, 12), железные шилья, железный ключ в форме камертона (рис. 28, 11). Интерес представляет серебряная монета, подражание дирхему чекана Золотой Орды времени Джанибека (747—748 гг. Хиджры), по определению С. А. Яниной, приблизительно конец XIV вв., может быть, первая четверть XV в. (вес монеты 0,74 г.)

Фрагменты гончарной керамики собраны на городище в большом количестве. Посуду можно разделить на четыре основных типа:

¹⁶ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. I. М., 1952, стр. 120.

¹⁷ Т. Н. Никольская. Древнерусское селище Лебедка. СА, 1957, № 3, стр. 183.

¹⁸ М. Г. Рабинович. Крепость и город Тушков. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 269.

¹⁹ Для более наглядного представления сошлемся на гончарный горн, открытый на селище близ Грекова ручья Угличского р-на Ярославской обл.; В. А. Мальм. Производство глиняных изделий. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.» М., 1959, стр. 136, рис. 6.

²⁰ В заполнении некоторых ям попеременно с гончарной керамикой встречаются фрагменты лепной посуды, в том числе сосудов черных лощеных, относящихся к нижнему культурному слою поселения, выраженному очень слабо. К этому же времени (т. е. приблизительно IV—V вв. н. э.) относятся и некоторые глиняные пряслица и грузики, найденные в заполнении ям (№ 6), и в культурном слое.

²¹ В маленьком шурфе (раскоп № 2), заложенном в южной части площадки городища, выявилась часть ямы (длина ее по линии ЗВ — 2,1 м, с С на Ю — 1,4 м). На дне ямы, глубина которой оказалась 1,2 м, лежали гряда обожженных камней, угли, зола.

1. Горшки, изготовленные из светло-серой глины на ручном гончарном круге с сильно отогнутым наружу венчиком (почти горизонтально) и выступающими округлыми плечиками. Обжиг сосуда иногда сравнительно слабый, черепок в изломе серый или имеет темную полосу, толщина стенок 4—8 мм. Большая часть сосудов неорнаментирована, но встречаются фрагменты с волнистым и линейным орнаментом. В общем эта керамика напоминает горшки так называемого курганного типа. Известна она и на других древнерусских поселениях бассейна Верхней Оки XII—XIII вв., как сельских, так и городских, например на селище Лебедка²², в городище Слободка, в нижних слоях Зарядья (в Москве), на городище Тушков²³ и др. Разновидностью этого типа сосудов являются горшки, близкие по тесту и обжигу, но отличающиеся по профилю: край венчика загнут внутрь, образуя характерный желобок. Сосуды эти более тонкостенны (4—5 мм). Такая посуда хорошо известна как на древнерусских городищах бассейна р. Москвы, так и на поселениях юга Руси²⁴.

2. Горшки из серой глины с примесью песка, прямой, невысокий венчик и резко профилированная шейка и плечики, образующие иногда ребро. Орнамент волнистый, реже ногтевой. (По терминологии М. Г. Рабиновича — «городищенская» керамика Зарядья).

3. Горшки из однородного хорошо промешанного белого глиняного теста с примесью мелкого песка. Венчики слабо отогнуты, плечи округлые, выступающие. Обжиг звонкий.

Подтипом являются горшки, подобные по форме, но изготовленные из розовой глины. Орнамент волнистый, расположен близко к шейке. Ближайшей аналогией является московская красная посуда XIV—XV вв. (рис. 13).

4. Фрагменты узкогорлых кувшинов из серой глины; горлышко высокое, гофрированное, диаметр горла 10—12 см.

Несмотря на незначительное количество найденного на Ждамировском поселении инвентаря, мы попытались определить хронологические пределы его существования. Наиболее ранними предметами, позволяющими определить начальную дату Ждамировской феодальной вотчины, являются:

1. Шиферные пряслица, бытовавшие на Руси, как известно, в период до монгольского нашествия;

2. Калачевидное кресало; форма его своеобразна, но приближается к новгородским кресалам XII²⁵.

3. Железный ключ пружинного замка, который можно сравнить с новгородскими ключами типа В-XII—XIII вв.²⁶

Гончарная керамика типа 1, 2, 4.

Жизнь на поселении прекратилась, очевидно, в конце XIV в. или в самом начале XV в.: об этом свидетельствуют упомянутая выше серебряная монета и железная шпора позднего типа (с репейкой), характерного для древнерусских поселений XIV в.; шпора почти аналогичной формы была найдена, например, в Новгороде на усадьбе посадника Онцифора Лукича XIV в.²⁷ К этому периоду относится керамика типа 4.

²² Т. Н. Никольская. Древнерусское селище Лебедка, стр. 194, рис. 16, 4.

²³ М. Г. Рабинович. Крепость и город Тушков, стр. 269; М. Г. Рабинович. Материалы по истории великого посада Москвы «Археологические памятники Москвы и Подмосковья». М., 1954, стр. 76, 77.

²⁴ П. А. Раппопорт. Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII в. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 185; он же. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 126, № 21—29.

²⁵ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. II, МИА, № 65, 1959, стр. 101, рис. 84, 4, стр. 86, 87, рис. 70.

²⁶ Р. Л. Розенфельдт. Русские замки домонгольского времени. КСИИМК, вып. XLIX, 1953.

²⁷ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, МИА, № 65, 1959, стр. 187, рис. 21, 4.

Г. П. ЛАТЫШЕВА, И. Г. РОЗЕНФЕЛЬДТ
РАСКОПКИ БАРВИХИНСКОГО ГОРОДИЩА

В 1958 и 1962 гг. Музеем истории и реконструкции г. Москвы были проведены небольшие раскопки на городище у станции Барвиха Московской области.

Исследование Барвихинского городища было начато еще в 1925 г. Л. А. Евтюховой, заложившей в северо-западной (мысовой) части площадки две траншеи — продольную и поперечную — с небольшими прирезками¹. Юго-восточная, прилегающая к валу, часть площадки, а также оборонительные сооружения исследованы не были. В связи с этим при работах 1958 и 1962 гг. основное внимание было уделено участкам, не затронутым предыдущими раскопками. Всего было заложено три раскопа. Из них два (I и III) на площадке городища — на мысу и возле вала — и один (II) — на валу в юго-западном конце площадки (рис. 29, 1).

Раскопы, заложенные на площадке городища, подтвердили наблюдения Л. А. Евтюховой относительно характера и мощности культурного слоя. На всей исследованной площади городища он представляет собой интенсивно черный, однородный сыпучий грунт мощностью 50—70 см, без видимых прослоек и включений. Там, где раскопы близко подходили к краю городища, культурный слой насыщен большим количеством камней от 3 до 15 см в поперечнике. Видимо, эти камни предохраняли рыхлый грунт от оползания. Следов деревянных укреплений у края городища не прослежено.

На участках площадки городища, вскрытых при раскопках, выявлены остатки только одного сооружения (раскоп I). Почти круглое в плане (2,20 × 2,60 см), с ровным дном, оно углублено в материк (рис. 1, 3) на 20—23 см. В центре углубления — круглый след от деревянного, заостренного в основании столба диаметром 20 см, уходящего в материк на 39 см. Больше никаких следов деревянных конструкций ни в яме, ни у ее краев не прослеживалось². Характер сооружения неясен.

Наибольший интерес представляло исследование вала на юго-восточной оконечности городища, поднимавшегося над уровнем площадки на 1,3 м. Как показали исследования, вал был насыпан не сразу после заселения городища. При его сооружении грунт брали и с площадки городища, чем объясняется смешанный характер насыпи и наличие находок во всех ее наслоениях. В насыпи выявилось четыре основных слоя (рис. 29, 2). Менее четко они прослежены у внешнего края.

Непосредственно под дерном залегал слой рыхлого черного песчанистого грунта, мощностью 40—50 см, близкого по структуре культурному слою городища.

¹ Л. А. Евтюхова. Барвихинское городище, СА, 1937, № 3, стр. 113—125.

² Ссылка Е. И. Горюновой на наличие наземных бревенчатых построек в раскопках 1958 г. является недоразумением. (Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, стр. 65).

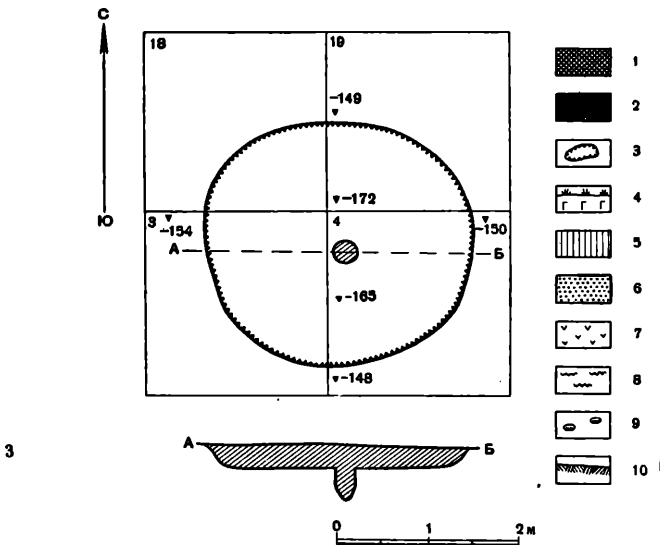
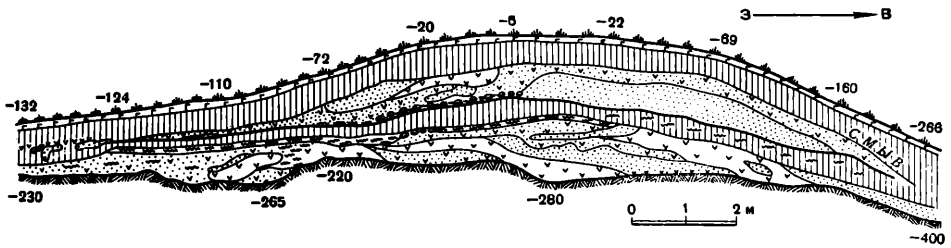
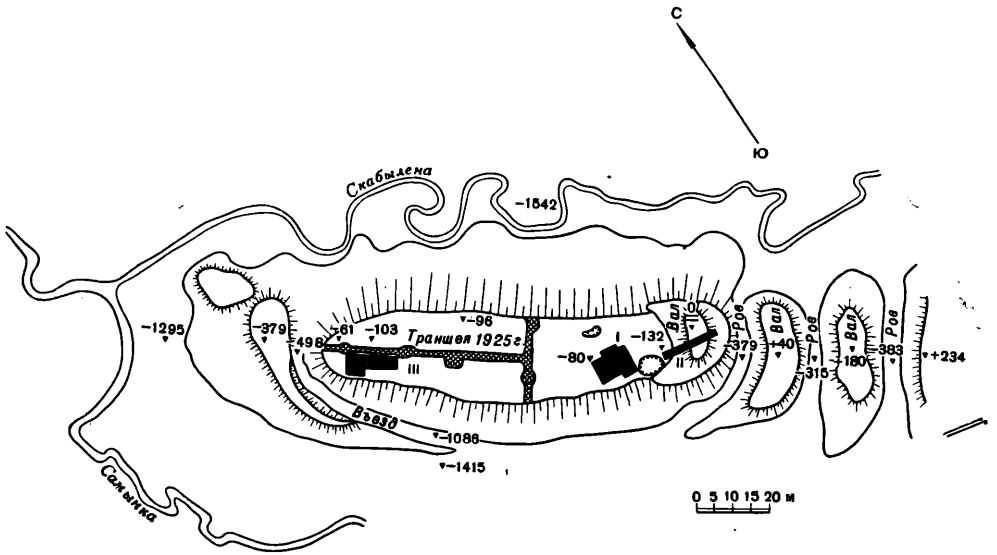

Рис. 29. Раскопки Барвихинского городища

1 — план Барвихинского городища; 2 — разрез вала; 3 — сооружение в раскопе I. План и разрез.
 Условные обозначения: 1 — раскопы 1925 г.; 2 — раскопы 1958 и 1962 гг.; 3 — ямы; 4 — гумус; 5 — черный культурный слой; 6 — песок; 7 — уголь; 8 — зола; 9 — камни; 10 — материк

Под черным культурным слоем лежал слой сероватого песка с включениями желтого песка и углей. Мощность его колебалась от 5—20 см на участке, прилежавшем к площадке городища, до 80 см под гребнем вала. На склоне, обращенном к городищу, песчано-углистый слой подстилала тонкая (до 10 см) золисто-угольная прослойка, в которой на некоторых участках прослеживались вымостки из камней в один слой. Видимо, они служили для укрепления вала, насыпанного из рыхлого грунта, подобно укреплениям края городища.

Ниже залегал опять черный песчаный грунт, достигавший под гребнем вала мощности 40 см. Его также подстилала золистая прослойка мощностью до 20—30 см с остатками каменной вымостки.

Под вторым черным слоем и золистой прослойкой до материка шел грунт, состоявший из перемешанных слоев песка, золы и угля. Мощность его от 40 до 130 см. Возможно, что встреченные в этом слое крупные угли являются остатками деревянных укреплений, защищавших городище до сооружения вала. Никаких других деревянных конструкций, так же как и столбовых ям, обнаружено не было.

Основную массу находок на площадке городища и в насыпи вала составляет керамика. Приведем ее статистику по раскопам и пластам:

Керамика	Раскоп I			Раскоп II (вал)				Раскоп III				Всего	процент
	дерн.	пласт 1	пласт 2	слой 1	слой 2	слой 3	слой 4	дерн.	пласт 1	пласт 2	пласт 3		
Грубая гладкостенная	77	3075	1644	844	178	179	104	503	2992	2300	723	12619	96,2
Заглазненная и лощеная	6	66	28	—	2	—	1	11	75	44	8	241	1,8
Сетчатая	—	6	120	—	9	13	13	—	20	34	32	260	2,0

Наиболее древней является сетчатая керамика. Судя по стратиграфии, наиболее четко выраженной в раскопе I, она характерна для нижней части культурного слоя, где встречена наряду с керамикой гладкостенной. Сетчатая керамика Барвихинского городища представлена сосудами баночных форм, изготовленными из глины с примесью дресвы. Тесто серого или желтоватого цвета, обжиг слабый. Характер сетчатых отпечатков на поверхности сосудов разнообразен. Здесь встречается не только поздняя³ «крапчатая» сетка, но и тонкая, причем наблюдаются различия в типе переплетения. Тонкая сетка правильного переплетения обычно характеризует древнейшую керамику дьяковых городищ⁴. Дополнительный орнамент по сетчатой поверхности на некоторых сосудах, выполненный штампами в виде крупной гребенки или фигурной розетки (рис. 30, 1—3), находит аналогии в керамике дьяковых древнейших городищ (Пирожная гора, Мамоново, Щербинское и др.). Одновременны с сетчатой керамикой и найденные в единичных экземплярах фрагменты посуды с «рогожной» и штрихованной поверхностью⁵.

Грубая гладкостенная керамика, количественно преобладающая, представлена сосудами как баночных, так и хорошо профилированных форм. Последние характерны для верхней части культурного слоя и отличаются более тонкими стенками, коричневато-красноватым цветом поверхности и

³ О. Н. Бадер. Материалы к археологической карте Москвы. МИА, № 7, 1947, стр. 108.

⁴ Там же, стр. 127.

⁵ В статистической таблице эта керамика вошла в состав сетчатой.

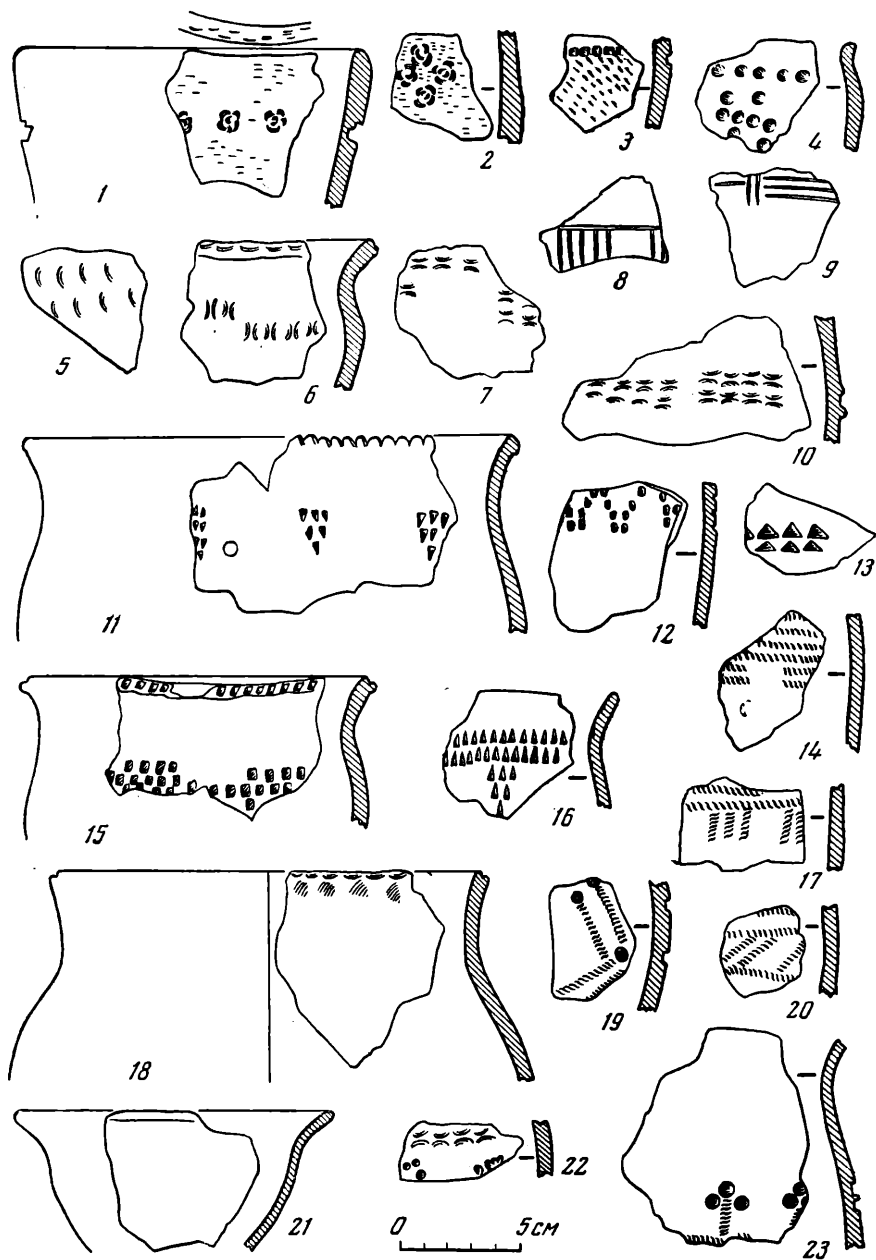

Рис. 30. Фрагменты керамики Барвихинского городища

лучшим обжигом в сравнении с посудой баночных форм. В качестве примесей в тесте по-прежнему употреблялась дрова, обычно выступающая на стенках сосудов и создающая характерную шероховатую поверхность. Изредка встречается шамот. Стенки сосудов небрежно заматы или сглажены, иногда видны следы вертикального сглаживания щепкой или руками. Гладкостенная керамика была с орнаментом и без него. Орнамент располагался в верхней части сосудов и по краю венчиков. Часть посуды орнаментировалась только по венчику. Из приемов орнаментации были распространены ямчатый, ногтевой, защипной, прочерченный, веревочный (перевитая на палочке веревка) и разнообразные штампы (прямоугольные,

треугольные, округлые и др.) (рис. 30, 4—20, 22—23). В ряде случаев на одном сосуде комбинируются различные приемы орнаментации (рис. 30, 19, 22—23). Из комбинированных орнаментов интересны фрагменты с узором из оттисков перевитой веревочки, завершенных плоскодонной ямкой. Такая орнаментация известна на посуде Федяшевского, Огубского, Троицкого (верхний слой) и других позднедьяковских городищ в слоях не ранее III—IV вв. н. э. Как и приемы орнаментации, композиции узоров барвихинской керамики разнообразны. Наряду с простейшими поясковыми узорами встречаются многорядные, иногда между рядами заключены косые линии и треугольники. Характерно выделение от основного ряда фестонов в виде треугольников и коротких вертикальных, косых или параллельных горизонтальных отрезков. Часто встречаются узоры в виде прерывистой или ломаной линии, городков или повторяющихся на равном расстоянии треугольников. У керамики с орнаментом только по краю венчика преобладают косые насечки, защипы и ногтевые вдавления.

Наряду с грубой гладкостенной керамикой без орнамента, в верхней части культурного слоя содержится тонкостенная керамика с примесями песка и дресвы или одного песка. Эта посуда хорошо заглажена и по составу теста и формам сосудов сближается с лощеной керамикой, стратиграфически ей одновременной. Заглаженная и лощеная посуда представлена горшковидными формами, характерными для всей керамики городища, и сосудами в виде глубоких мисок с развернутыми краями (рис. 30, 21). Лощеная посуда преимущественно светло-серых и коричневатых тонов, чернолощеной керамики почти нет. Как лощеная, так и остальная керамика, содержащаяся в верхних слоях культурного слоя, находит многочисленные аналогии в поздних слоях дьяковских городищ. Наибольшая близость намечается с верхним слоем Троицкого городища, время которого определяется IV—VI вв. н. э.⁶

На основании раскопок 1925 г. Л. А. Евтюхова датировала городище IV—V вв. н. э.⁷ При этом ею было отмечено, что наибольшее количество сетчатой керамики найдено в нижней части культурного слоя. Однако это важное наблюдение при отсутствии вещей древних типов не позволило автору выделить на городище древнейший слой.

Раскопки Барвихинского городища последних лет несколько меняют представление о времени памятника. При небольшой мощности культурного слоя, сильно испорченного корнями деревьев, четкое стратиграфическое разделение на ранний и поздний горизонты невозможно. Однако, как и в раскопках Л. А. Евтюховой, стратиграфическое распределение керамики показывает размещение древнейших типов керамики преимущественно в нижней части культурного слоя, а поздних — в верхней. Наличие древнейших типов сетчатой керамики и присутствие вещей, характерных для дьяковых городищ конца I тыс. до н. э., позволяют говорить о раннем слое на городище.

При раскопках 1958 и 1962 гг. на Барвихинском городище найдено более 60 бытовых предметов. К раннему слою городища могут быть отнесены костяные рукоятки и наконечники стрел. Из трех найденных два наконечника имеют лопаточки на конце черешка и утолщенное основание пера (рис. 31, 6—7). Эти наконечники хорошо известны по раскопкам городищ Старшего Каширского⁸, Кропотовского, Прислонского, Щербинского⁹, Николо-Ленивец¹⁰ и других, где найдены в слоях конца I тыс. до н. э.

⁶ А. Ф. Дубынин. Результаты работ Можайской экспедиции. КСИА, вып. 94, 1963, стр. 60—61.

⁷ Л. А. Евтюхова. Указ. соч., стр. 122.

⁸ Коллекция ГИМ.

⁹ И. Г. Розенфельдт. Щербинское городище. СА, 1964, № 1, рис. 4, 4, 7.

¹⁰ Т. Н. Никольская. Городище у дер. Николо-Ленивец. СА, 1962, № 1, стр. 224, рис. 3, 2.

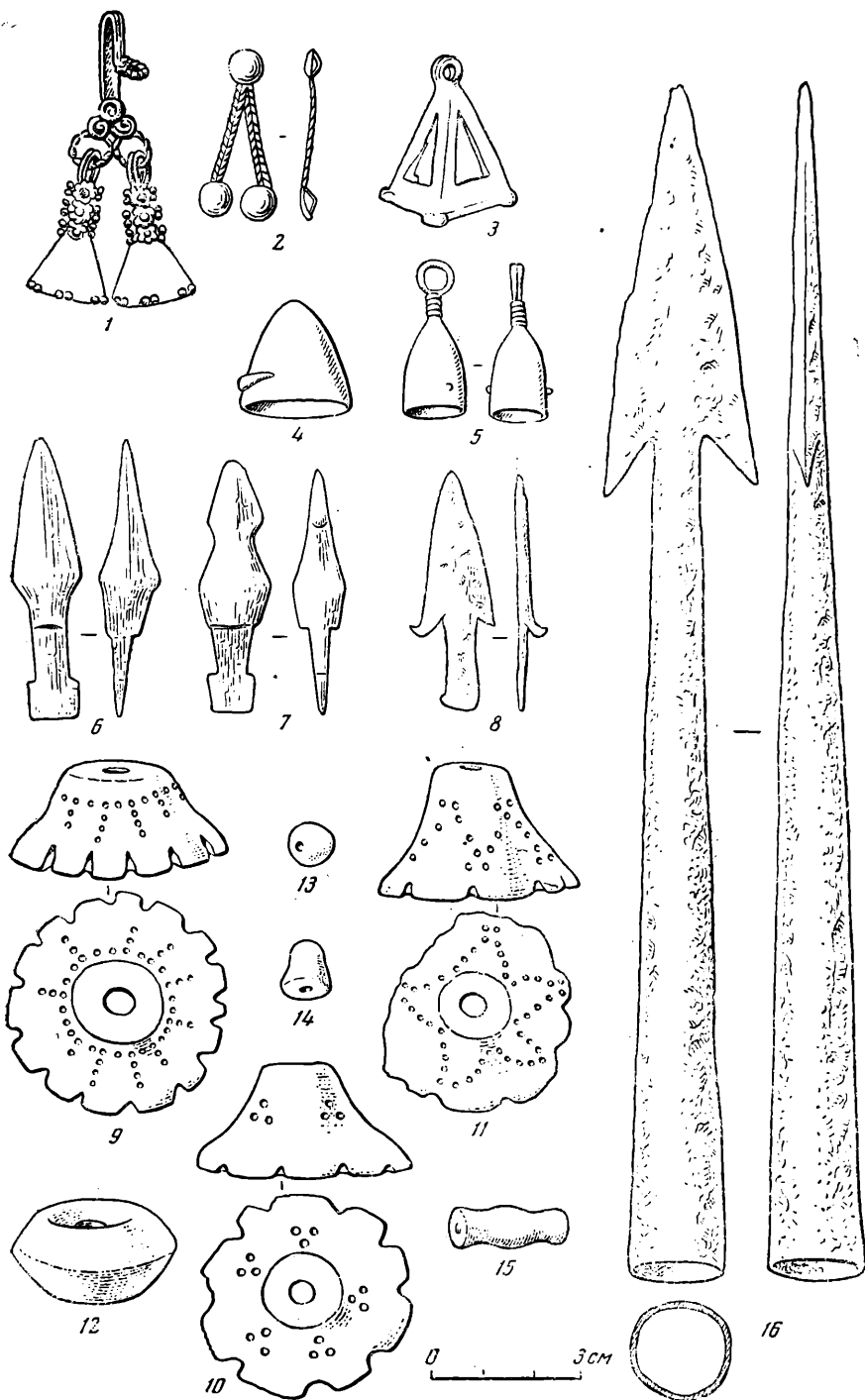

Рис. 31. Находки из раскопок на Барвихинском городище.

1—5 — бронзовые украшения; 6—7 — костяные наконечники стрел; 8 — железный наконечник стрелы; 9—11 — глинняные грузики, 12 — глинняное пряслице; 13—15 — глинняные бусы; 16 — железный наконечник дротика

Керамические изделия Барвихинского городища представлены миниатюрными бусами типа колокольчиков и пронизок (рис. 31, 13—15), грузиками дьякова типа (рис. 31, 9—11), дисковидной лепешкой, биконическим пряслищем (рис. 31, 12), обломками рогатых кирпичей и погребушек и льячками.

Можно назвать несколько бронзовых украшений, дополняющих материалы раскопок Л. А. Евтюховой и сборов П. Н. Третьякова 1952 года¹¹. В нижнем горизонте вала городища найдены остатки пережженного и сильно деформированного украшения. Оно, по-видимому, состояло из восьми бляшек-привесок (одна из них лежала отдельно, остальные спеклись между собой). Каждая из них состояла из полусферических бляшек, соединенных перекладинами с орнаментом (косичкой); на внутренней стороне бляшек имеются петельки (рис. 31, 2). Часть перекладин орнаментирована только по лицевой стороне, но на двух экземплярах орнамент двусторонний. Вещи эти не имеют точных аналогий. Наибольшую близость они обнаруживают с украшением, найденным на городище Круглица Раменского района Московской области¹².

В дополнение к известным из старых раскопок колокольчатым привескам следует добавить колокольчатые привески без прорезей (рис. 31, 4—5) и четырехгранный колокольчик с треугольными прорезями и двойными шариками ложной зерни у основания (рис. 31, 3). Петелька в верхней части разделена орнаментальными бороздками на три части. Аналогичные привески с двойной зернью на углах, но без прорезей, известны из верхнего слоя Троицкого городища¹³.

Интересна подвеска с двумя трапециевидными пластинчатыми привесками (рис. 31, 1). Петлевидное ушко тройное, как и у описанного выше колокольчика. На щитке орнамент из S-образных завитков и два кольца, через которые пропущены кольца привесок. От трапециевидных пластин к ним проходят также орнаментированные стержни. По краям стержней и по нижнему краю привесок — двойные шарики зерни. Близкий вариант такой подвески но с более усложненным щитком, известен из верхнего слоя Щербинского городища¹⁴.

Среди обломков бронзовых украшений имеется стержень с отростками, аналогичный найденному П. Н. Третьяковым. Из железных украшений найдены кольцевые пряжки с завернутыми концами. Судя по находке железного черешкового двушипного наконечника стрелы (рис. 31, 8), характерного для многих дьяковских городищ, наконечники, изданные Л. А. Евтюховой¹⁵, представлены этим же типом и лишь плохая сохранность создала впечатление об их листовидной форме. Двушипную треугольную форму пера имеет и втульчатый наконечник дротика (рис. 31, 16). Подобные предметы встречаются в слоях первой половины I тыс. н. э. на многих памятниках. Аналогии широко представлены в комплексах Борковского и Кузьминского могильников. Судя по находкам в Крюковско-Кужновском могильнике¹⁶, вещи эти могут датироваться и второй половиной I тыс. н. э.

Кроме описанных предметов, при раскопках найдены железные ножи со скошенной спинкой, обломок серпа, круглые и граненые в сечении шилья, каменные гладилки-утюжки.

Если Л. А. Евтюхова датировала Барвихинское городище IV—V вв. н. э., а О. Н. Бадер отмечал возможность отнести его к I—II—V вв. н. э.,

¹¹ П. Н. Третьяков. Об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тыс. н. э. СА, 1957, № 2, стр. 70.

¹² Раскопки Л. И. Пимакина 1956—1957 гг. Коллекция Раменского музея.

¹³ Раскопки 1960 г., инв. № 212.

¹⁴ Раскопки А. Ф. Дубынина 1963 г., инв. № 1214.

¹⁵ Л. А. Евтюхова. Указ. соч., стр. 117, 119, рис. 2.

¹⁶ П. П. Иванов. Крюковско-Кужновский могильник. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952, табл. 38, 10.

основывая нижнюю дату на «позднейшей» сетчатой керамике типа Сетунского городища¹⁷, то наличие в раскопках последних лет более древних типов сетчатой керамики и костяных наконечников стрел, известных по древнейшим дьяковым городищам, позволяет датировать его последними веками до нашей эры. Конец жизни на городище, по-видимому, относится к середине I тыс. н. э.

По находкам можно судить о смешанном характере культуры населения городища, отраженной как в керамическом материале, так и в типах украшений. Примером тому может служить присутствие украшений восточного приуральского типа, отмеченных Е. И. Горюновой¹⁸, и западного, выделенного П. Н. Третьяковым¹⁹.

¹⁷ О. Н. Бадер. Указ. соч., стр. 108.

¹⁸ Е. И. Горюнова. Указ. соч., стр. 30 и стр. 32, рис. 9, 11.

¹⁹ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 69—70.

К. А. С М И Р Н О В

НОВЫЕ ГОРОДИЩА ДЪЯКОВА ТИПА В БАССЕЙНЕ
РЕКИ МОСКВЫ

За последнее время в изучении дьяковской культуры наметились большие сдвиги. Последняя хронологическая шкала, выработанная В. А. Городцовым, в настоящее время подвергается критике. Пересматриваются вопросы датировки культуры, ее этническая принадлежность. Уточняются вопросы хозяйства дьяковцев, их общественного строя. В связи с этими задачами раскопки каждого нового памятника представляют определенный интерес.

Городище у дер. Михайловское было обнаружено в 1956 г. во время разведок, проводимых по берегам рек Озерны и Рузы Р. Л. Розенфельдом. Тогда был снят инструментальный план городища и проведена его шурфовка¹.

Летом 1962 г. Рузский отряд Московской экспедиции под руководством А. Ф. Дубынина произвел стационарные раскопки на городище.

Городище находится на холме, на правом берегу р. Озерны. Его площадка и валы сильно заросли лесом и кустарником.

Городище имеет форму овала. С напольной стороны хорошо видны валы и два рва. По склону вокруг площадки идет один вал, а местами видны и остатки второго. Работы производились в южной части площадки. Было вскрыто 620 м². Если учесть 20 м², вскрытых в 1957 г., то вскрытая площадь городища будет равна 640 м², что составляет 46% всей площади. Культурный слой на площадке в среднем достигает 0,35—0,40 м, представляя собой светло-серую супесь, с небольшой примесью угля. Корневая система деревьев пронизывает слой на всю глубину и сильно его попортила. Находки были обнаружены главным образом в средней и в нижней частях слоя. Там же были найдены остатки очагов и скопления камней. После снятия культурного слоя открылся материк — сыпучий песок, в котором были прослежены столбовые и хозяйственные ямы. Закономерность в расположении ям, наличие на этой же площади очагов и скопление находок дают возможность выделить постройки. Было вскрыто пять построек. Малая мощность культурного слоя и сильная его перемешанность мешают выделить комплексы находок, связанные с постройками. Постройки имели прямоугольную форму. Постройка № 1 (рис. 32, 1) находилась в южной части городища, почти у склона. Ориентирована она по сторонам света. Судя по стратиграфии, эту постройку следует рассматривать как самую раннюю. В углах и вдоль стен прослежены столбовые ямы, на основании которых и удалось восстановить размеры — 10 м × 6 м. Диаметр ям в среднем равен 0,30—0,35 м. Четыре ямы проходят по продольной осевой линии и служили, вероятно, опорой центральной балки — матицы. Судя по распо-

¹ Р. Л. Розенфельдт. Разведки в Московской области. КСИИМК, вып. 79, 1960, стр. 59.

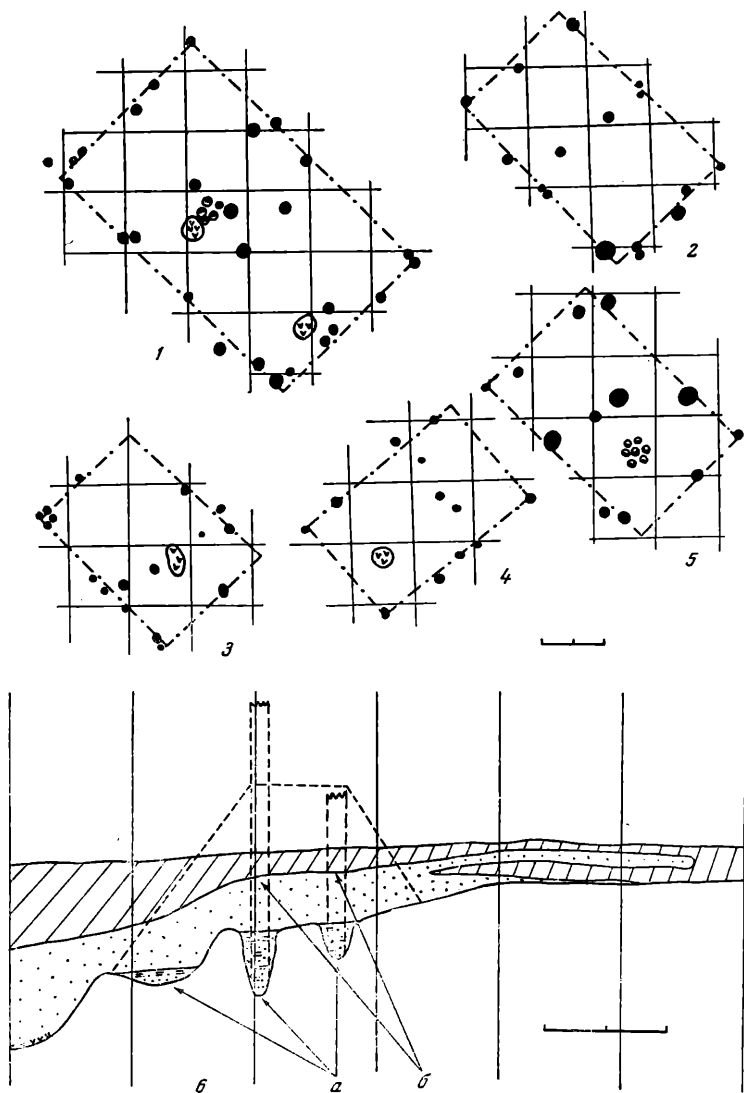

Рис. 32. Постройки (1—5) и укрепления (6) Михайловского городища

а — канавы от столбов, заполненные песком с глиной; б — предполагаемые столбы

ложению столбов, постройка делилась на две части; одна — размером 6×6 м, вторая — 6×4 м. В обеих частях имелись очаги.

Постройка № 2 (рис. 32, 2) расположена севернее постройки № 1 и частично ее перерезает. Она также ориентирована углами по странам света. Ее размеры приблизительно 7×5 м. Столбовые ямы расположены по углам и вдоль стен. Постройка № 2 делилась на две камеры равного размера. Очаги не обнаружены.

Постройка № 3 (рис. 1, 3) перекрывала первые две. Она ориентирована углами по странам света. Ее размеры: $6 \times 4,5$ м. В южном и западном углах имеются столбовые ямы. Другие ямы расположены по периметру стен. Эта постройка делилась на две части. Имеются следы очага.

Постройка № 4 (рис. 1, 4) была расположена севернее описанных и так же, как и они, ориентирована углами по странам света. Ее размеры: $6 \text{ м} \times 4 \text{ м}$. В углах и по периметру стен был прослежены столбовые ямы.

Эта постройка делилась на две части. В большей из них размером 4×4 м был прослежен очаг (угольное пятно без камней).

Постройка № 5 расположена восточнее описанных. Она была ориентирована углами по странам света. Ее размеры $7 \times 4,5$ м. В углах и по периметру стен были прослежены столбовые ямы. Постройка делилась на две равные части, причем в каждой из них имелся очаг. Вероятно, на вскрытой площади раскопа были и другие постройки, однако их выделить не удалось.

Так, не удалось проследить связи некоторых ям с постройками. Были обнаружены также очаги, судя по всему, находившиеся вне построек. Среди них интересен огромный очаг, площадью около 8 кв. м, перекрытый постройкой № 4.

На площадке было найдено 14 ям, которые следует рассматривать как хозяйственные. В их заполнении встречена в большом количестве зола, угольки, мелкие кости животных и фрагменты керамики. На дне одной из ям имелась прослойка гуммированной супеси, сверху засыпанная чистым песком.

Вдоль внутренней стены вала был прослежен ров, заполненный гуммированной супесью (рис. 1, б). На глубине 1,4 м проходила угольная прослойка — след многих костров. Глубина в момент его сооружения равна 1,2 м, ширина рва 2,5—3 м. Дно рва четко прослеживается по угольной прослойке. Ров был заполнен песком, в котором имеются угольные линзы. Можно предположить, судя по профилям, что данный ров являлся внешним и связан с несохранившимся валом, от которого уцелела только основа. О ней можно судить по следующим деталям. С внутренней стороны рва, на глубине 1,8 м, замечена западина шириной 1,5—2 м и глубиной около 0,4 м, заполненная песком, смешанным с глиной, которая повышала плотность относительно рыхлого песка. Прослежены две канавы: первая глубиной 1,1 и шириной 0,6 м, заполненная песком с большой примесью глины, чрезвычайно плотной массой. Вторая канава $0,6 \times 0,6$ м, проходившая рядом, заполнена аналогичной смесью глины и песка. Изучение рва и канав, заполненных массой глины и песка, аналогичных канавам Цербинского городища, с таким же заполнением, в которых были прослежены остатки вертикальных столбов, заставляет предполагать установку в этих канавах деревянных столбов, которые составляли основу укреплений вала. По-видимому, первоначально столбы, укрепленные в этой канаве, были основой вала, составляя каркас, на котором держалась песчаная насыпь. Чистый песок, лежащий выше этих канав, в настоящее время достигает мощности около 1 м. Песчаный наброс на материк протянулся от второй канавы по площадке городища примерно на 5 м и перекрывался культурным слоем, который в свою очередь опять перекрывается чистым песком, имеющим значительную примесь глины. Выше опять лежал обычный культурный слой с находками. Такое чередование напластований могло образоваться только в случае уничтожения первого вала и перестройки укреплений на городище. Оно дает возможность по стратиграфическим данным датировать время уничтожения первого вала и постройки нового. Такая картина повторялась во всех разрезах. К сожалению, только небольшая часть раннего слоя была засыпана песком, поэтому не удалось стратиграфически выделить ранний комплекс находок. На городище было найдено 29 грузиков «дьякова типа», часть которых (рис. 33, 18—21), судя по материалу Троицкого городища, относится к рубежу нашей эры. В числе керамических находок — две детские погремушки (рис. 33, 15) яйцевидной формы, а также четыре рыболовных грузила в форме диска, с отверстием в центре (рис. 33, 14). Из импортных предметов встречена стеклянная золоченая бусина.

Следует отметить находку обломков нескольких льячек и обломков, по-видимому, плавильного горна. При раскопках было найдено 4129 фраг-

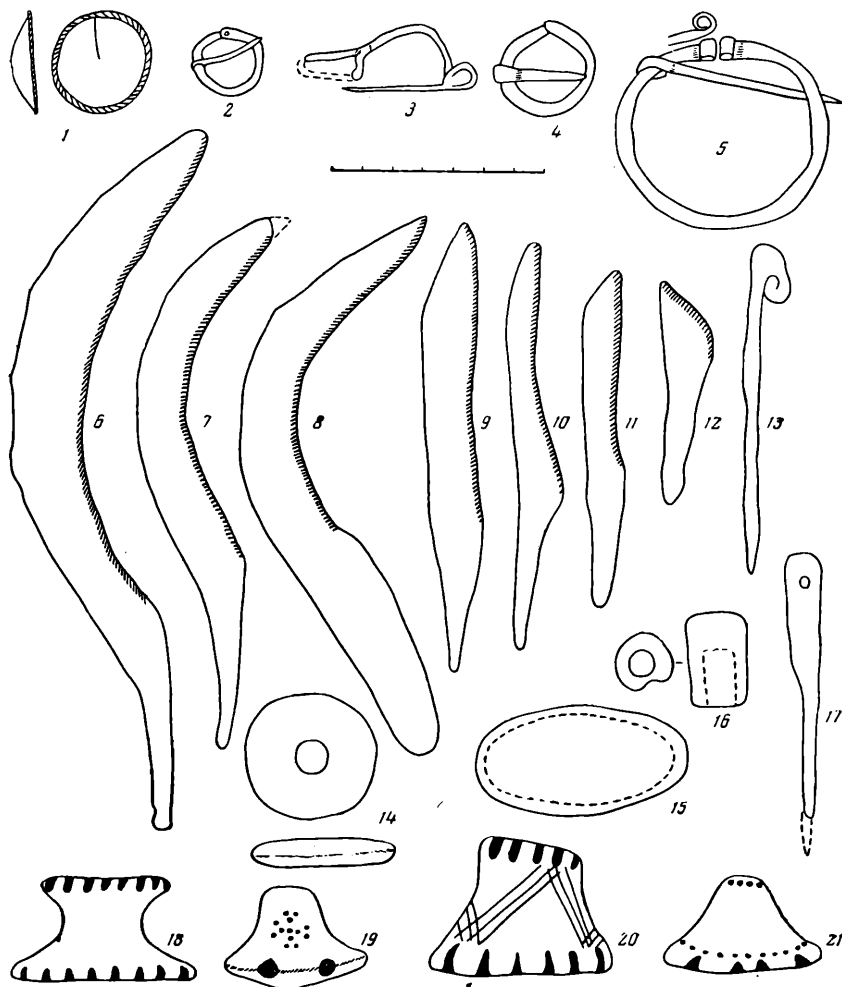

Рис. 33. Находки с Михайловского городища

- 1 — бляшка; 2, 4, 5 — пряжки; 3 — фибула; 6—8 — серпы; 9—12 — ножи; 13 — булава;
 14 — рыболовное грузило; 15 — детская погремушка; 16 — наконечник стрелы на пушного зверя; 17 — проколка; 18—21 — грузики.
 1—2 — медные; 3—13 — железные; 16—17 — костяные; 14—15—18—21 — керамические

ментов керамики. Среди них лощеной и подлощенной встречено 25 фрагментов, сетчатой 30 фрагментов. Основная масса гладкостенная, в значительной части орнаментированная. Встречается орнамент веревочный, зашипной, ногтевой, штампованный, ямчатый, тычковый, прочерченный, пальчатый, насечка по краю. На городище было найдено большое количество железных предметов. Среди них пять серпов (рис. 33, 6—8). Во всех случаях черенок поставлен под углом к полосе. По-видимому, к сельскохозяйственным орудиям следует отнести также конец массивного клинка — обломок полосы косы-горбуши или косаря. Из ножей семь были с горбатой спинкой и один имеет закругленный клинок. По-видимому, он применялся для раскройки кожи (рис. 33, 9—12).

Были найдены четыре обломка железных колец диаметром 11 см, три железных стержня с заостренным концом, по-видимому, шилья. Две пряжки (рис. 33, 5) с незамкнутыми кольцами, с закрученными концами, нахо-

дят аналогии на дьяковских городищах, а также на городище Отепе в Эстонии, где они были найдены в слое первой половины I тыс. н. э.² Кроме них, были найдены две пряжки, изготовленные из замкнутого железного дрота круглого сечения (рис. 33, 4).

Следует отметить булавку со спиральной головкой (рис. 33, 13), обычную для дьяковских³, окских городищ⁴ и могильников Полесья⁵. Они датируются II в. до н. э.— I в. н. э.⁶

Большой интерес представляет проволочная железная фибула с подвешенным приемником (рис. 33, 3). Аналогичные бронзовые фибулы встречаются в сарматских погребениях и датируются I—III вв. н. э. В качестве примера можно указать фибулу, найденную в погребении № 5 могильника возле с. Калантаево⁷.

На городище было найдено два бронзовых предмета: бронзовая выпуклая бляшка с плетенкой по краю (рис. 33, 1); аналогичные бляшки были найдены на городище Пичке Сорче в Чувашии (раскопки Н. В. Трубниковой) в слое II—IV вв. н. э. Второй находкой явилась миниатюрная круглая пряжка (рис. 33, 2). Найдено немного костяных изделий. Среди них проколка (рис. 33, 17), втулка и две тупые стрелы для охоты на мелкого пушного зверя. Это хорошо отполированные цилиндрические наконечники с глухим каналом (рис. 33, 16). Остальные предметы из кости — незаконченные изделия или отходы производства. Из костей животных найдены кости лошади (564/13), крупного рогатого скота (291/15), мелкого рогатого скота (12/3), свиньи (62/8), собаки (3/1), лося (30/3), медведя (3/1), лисицы (3/1), рыси (1/1), бобра (6/2), птиц — (8).

Городище у дер. Михайловское относится к дьяковской культуре. Об этом можно судить по находкам грузиков дьякова типа и комплексу керамики. Этот памятник является двуслойным. Первый период надо связывать со рвом и прослеженным при раскопках валом, насыщенным на деревянных конструкциях. Этому периоду соответствует прослойка гуммированной супеси, находящаяся между материком и песчаным разбросом первого вала. Ко второму периоду следует отнести валы, которые хорошо видны на поверхности в настоящее время, и основную массу культурного слоя. Судя по находкам (грузики раннего типа, булавка со спиральной головкой), городище следует датировать II—I вв. до н. э.— I в. н. э. Конец жизни на городище относится к V в. н. э., о чем свидетельствуют: фибула, бляшка, пряжки.

В Можайском районе, в верховьях Москвы-реки, на мысу, образованном р. Москвой и оврагом, между деревнями Рахманово и Аксиньино, расположено городище с площадкой прямоугольной формы, возвышающееся над уровнем реки на 14 м (рис. 34, 2). Длина равна 25 м, ширина — 12 м. Склон в сторону оврага пологий, хорошо задернован, склон к р. Москве представляет собой обрыв, размываемый во время паводка. С напольной стороны площадка городища защищена валом в виде дуги, которая одним концом опирается на обрыв к реке, другим — на склон оврага. Перед валом прослеживается сильно заплывший ров. Общая протяженность вала достигает 20 м, высота в северной части — около 2 м, к югу вал сильно понижается. Ров, проходящий перед валом, наиболее хорошо сохранился в се-

² Х. А. Моора. О результатах исследования городищ в Эстонской ССР. Древние поселения и городища. Таллин, 1955, стр. 66.

³ А. А. Спицын. Поездка на озеро Кафтино и Бологое и раскопки близ Рыбинска. ИАК, вып. 6. СПб., 1904, стр. 70, рис. 8.

⁴ Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, 1959, стр. 16.

⁵ Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья. САИ, 1-29, 1961, стр. 10.

⁶ Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., стр. 10.

⁷ Е. Ф. Покровская, Г. Т. Ковпатенко. Могильник возле села Калантаево. «Археология», т. XII. Київ, 1961, рис. 7, 4, стр. 140.

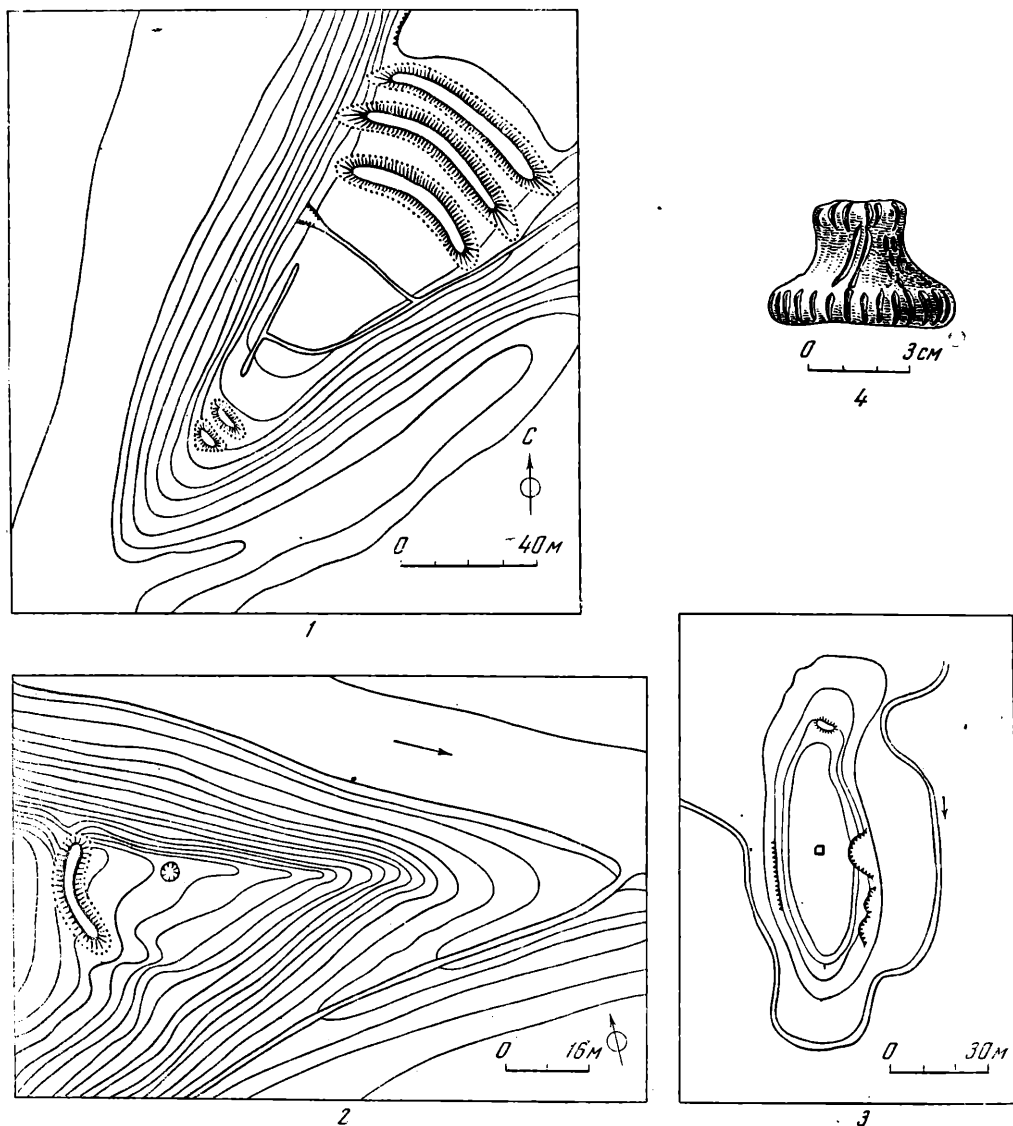

Рис. 34. Планы городищ

1 — в урочище «Дятлова Поляна»; 2 — у деревни Рахманово; 3 — у пионерского лагеря «Кузнечики»; 4 — грузик с городища в урочище «Дятлова Поляна».

верной части, где глубина его достигает 1 м при ширине 1,5 м. В южной части ров сильно заплыл.

На городище были заложены три шурфа, а также была произведена зачистка обрыва.

Под слоем дерна, мощностью 0,05 м, был прослежен слой светло-желтого суглинка, мощность которого перед валом — 0,25 м, в центре площадки — 0,15—0,20 м и на стрелке 0,05—0,08 м. Ниже слоя светло-желтого суглинка — красноватая материковая глина.

В шурфе на стрелке городища и в центре были найдены фрагменты керамики, грузиков дьякова типа и одна керамическая бусина — всего 98 предметов. Кроме керамики, в светло-желтом суглинке были обнаружены разрозненные мелкие угольки.

Культурный слой городища очень незначителен, светло-желтый суглинок является не культурным слоем, а верхней частью материкового массива. На городище не были прослежены остатки построек и очагов. Все фрагменты сосудов лепные, малых размеров, без орнамента. Пять фрагментов с сетчатой и два фрагмента с подлощенной поверхностью. Следует также отметить фрагмент донца миниатюрного сосуда.

Комплекс находок — грузики «дьякова типа», сетчатая и подлощенная керамика — заставляет нас относить Рахмановское городище к числу памятников дьякова типа. Если учесть, что на городище была найдена сетчатая керамика и керамика с подлощенной поверхностью, можно датировать его первой половиной I тыс. н. э.

Городище в урочище «Дятлова Поляна» Московской области, до настоящего времени не упоминавшееся в печати, представляет значительный интерес (рис. 3, 1). Городище было обнаружено автором в 1958 г. при обследовании нижнего течения р. Истры (Московская область). Оно расположено на левом берегу, между деревнями Веледниково и Степановское, на мысу, в 25 м от реки, образованном с запада обрывом к р. Истре и с юго-востока заболоченным оврагом. У подножья городища (между рекой и обрывом) находится болото. Площадка городища размером 86 м в длину и 30 м в ширину поднимается над уровнем реки на 15 м. Она вытянута в направлении с северо-востока на юго-запад.

С напольной стороны городище защищено тремя хорошо сохранившимися валами, перед каждым из которых имеется ров. Валы имеют слегка изогнутую форму. Первый вал (считая от поля) имеет длину, равную 52 м, ширину у основания — 12 м и высоту в среднем 2 м; второй вал длиной 44 м, шириной 12 м и высотой 3 м; третий вал имеет длину — 40 м, ширину 8 м и высоту около 1 м. Со стороны стрелки также прослежены остатки двух валов. Первый из них, считая с севера, имеет длину, равную 10 м, ширину — 6 м и высоту около 1 м. Второй вал, длиной 8 м, шириной 6 м, имеет высоту 0,5 м.

Площадка городища нарушена окопами времени Великой Отечественной войны, которые прорезали культурный слой и углубились в материк.

Мощность культурного слоя равняется 0,3—0,4 м. Слой представляет собой светло-серую супесь с вкраплениями угля, местами весьма значительными. Слой сильно поврежден корнями, так как городище заросло лесом. Ниже культурного слоя желтый материковый песок.

При осмотре городища в осыпях и в выкидах было найдено около 400 экземпляров керамики, некоторое количество костей животных, половина грузика дьякова типа (рис. 3, 4), костяная пластинка и камни.

Около 80% керамики имеет на поверхности отпечаток сетки разных типов, крупной, мелкой, нанесенной с большей или меньшей аккуратностью. По сетке нанесен орнамент в виде ямок разного облика. Наряду с сетчатой керамикой имеется и гладкая с орнаментом зашипным, шнуровым и ямочным. Было найдено несколько черепков с рогожным орнаментом и два черепка с подлощенной поверхностью.

В числе кухонных остатков найдены кости крупного рогатого скота, лошади и свиньи⁸.

Весь комплекс предметов, найденных на городище, дает право отнести его к числу памятников дьяковской культуры (сетчатая керамика, грузик). Большой процент сетчатой керамики (80%) дает основание относить этот памятник в основном к раннему времени, хотя находка подлощенной керамики свидетельствует о том, что жизнь на нем продолжалась в первой половине I тыс. н. э.

⁸ Определение В. И. Цалкина.

На правом берегу ручья Петрица, впадающего в р. Мочу, приток Пахры, между деревней Бородино и пионерским лагерем «Кузнечики», на останце, окруженном ручьем с востока, юга и запада, расположено городище, возвышающееся над уровнем ручья на 6—7 м (рис. 34, 3). С востока, юга и запада площадка городища ограничена крутыми склонами: на севере постепенно понижается. Она вытянута по линии север—юг, длина ее 68 м, ширина 19 м.

С севера городище ограничено сильно расплывшимся валом, размером 10 × 2 м при высоте 0,7 м.

Для выявления характера культурного слоя, в центральной части городища был заложен шурф размером 2 × 2 м, дерновый слой, мощностью 0,15—0,20 м, содержал керамику дьякова типа, ниже — слой светло-серой супеси, в котором была найдена основная масса находок: «грузик дьякова типа», железное долото, обломок рогатого кирпича, костяная втулка и лепная керамика, среди которой имеются фрагменты с защипным орнаментом, и мелкие обломки костей домашних животных. На глубине 0,58—0,60 м обнаружен материк — светло-желтая супесь.

Описанные городища разновременны и разделены пространством, превышающим 200 км. Полученные материалы, в первую очередь грузики дьякова типа и керамика, свидетельствуют о том, что все они относятся к одной культурной общности.

Ю. А. КРАСНОВ

РАСКОПКИ НА УСПЕНСКОМ ГОРОДИЩЕ В 1961—1962 гг.

В 1961—1962 гг. продолжались раскопки на Успенском городище в Звенигородском районе Московской области, начатые в 1954 г. А. В. Успенской¹ и продолженные в 1959 г. автором².

Были заложены три раскопа: № 1 площадью 36 кв. м в центральной части городища (примыкал к обрыву разрабатывающегося здесь песчаного карьера), № 2 площадью 50 кв. м в северо-западной части городища, у его края, и № 3, у края обрыва южнее раскопа № 1, где видны были остатки гончарного горна. Площадь этого раскопа составляла 10 кв. м. Кроме того, была произведена зачистка края обрыва на пологой южной части холма, где прослежено устройство оборонительной системы поселения³.

Культурный слой городища мощностью до 2,5 м до глубины 1—1,5 м значительно нарушен могильными ямами кладбища XV—XVII вв. Ненарушенная стратиграфия прослежена лишь в части раскопа № 1 и кое-где в обрыве карьера. Городище имеет два культурных напластования — славянский слой X—XII вв. толщиной 0,3—0,7 м и значительно более мощный слой дьяковского времени. Стерильной прослойки между славянским и дьяковским слоями не прослежено даже на участках с ненарушенной стратиграфией.

В культурном слое дьяковского времени на разных глубинах обнаружены следы шести жилых сооружений⁴. Одно из них прослежено в виде развала примитивной печи-каменки, вокруг которого группировались находки керамики и медные окислы и шлаки (возможно, следы меднолитейного производства), остальные — в виде остатков глинобитных полов (из глины с растительными примесями, возможно, соломы) с целыми или полуразрушенными открытыми очагами. Глинобитные полы, как правило, оказались сильно разрушенными еще в древности, вероятно, при выравнивании площадки после разрушения жилищ. Наиболее ясное представление о жилищах Успенского городища дают остатки построек № 5 (раскоп № 1) и № 9 (раскоп* № 2). Жилище № 5, вскрытое частично, имело прямоугольную форму, ширина его 4,7 м. Толщина глиняной обмазки пола составляла 0,15—0,20 м. Открытый очаг из камней располагался на возвышении из глины. В глинобитном полу прослежены отпечатки столбов диаметром около 0,15—0,20 м, расположенных попарно. По-видимому, эти столбы поддерживали кровлю жилища. На полу жилища найдены керамика, два

¹ А. В. Успенская. Успенское городище. КСИИМК, вып. 68, 1957.

² Ю. А. Краснов, Н. А. Краснов. Обследование памятников дьяковской культуры в долине Москвы-реки. СА, 1963, № 1. Здесь опубликован и план городища.

³ Раскопки были организованы Звенигородским Музеем под руководством автора. В раскопках принимали участие краеведы Н. А. Краснов и В. С. Морозкин, а также учащиеся Успенской средней школы. Дальнейшие раскопки на городище из-за разрушения его карьером невозможны.

⁴ Следы двух жилых сооружений были обнаружены на городище при раскопках 1959 г. См. Ю. А. Краснов, Н. А. Краснов. Указ. соч., стр. 210—212.

грузика «дьякова типа» и несколько сильно деформированных железных предметов. Жилище, очевидно, погибло во время пожара. Жилище № 8 было раскрыто целиком. Оно было также прямоугольным, размеры — 4,23 × 3,4 м, пол глинобитный. Судя по наличию глинобитной ступени, пол был углублен примерно на 0,4 м. Кровля поддерживалась тремя столбами, сдвоенные и строенные отпечатки которых отмечены в глиняной обмазке пола (по-видимому, столбы время от времени заменялись). Почти в центре жилища, несколько ближе к входу, располагался очаг в особом углублении пола. Прослежены отпечатки еще нескольких столбов небольшого диаметра, конструктивное назначение которых не совсем ясно: возможно, они поддерживали деревянные нары. Выше пола примерно на 0,4—0,5 м отмечены следы древесного тлена, идущие параллельно краям пола и ступени. Возможно, это следы бревен сруба и тамбура жилища. Исследование структуры глиняной обмазки пола показало, что он неоднократно подмазывался. На полу жилища № 9 найдены два костяных наконечника стрел, две костяные проколки и игла, грузик «дьякова типа», массивный терочник и обломок нижнего камня зернотерки, а также обломки посуды с сетчатым орнаментом.

Жилища можно реконструировать как несколько углубленные в землю, с двускатной кровлей, опирающейся на опорные столбы внутри, с открытым очагом, расположенным в углублении или, наоборот, на возвышении. Исследованные жилища Успенского городища позволяют проследить их изменения во времени. Древнейший тип жилища — округлая полуземлянка, обнаруженная при раскопках 1959 г. Затем появляются и длительное время существуют описанные выше прямоугольные жилища с глинобитными полами и открытыми очагами. Позднее появляются жилища с земляными полами и печами-каменками.

Богатый и разнообразный керамический материал Успенского городища уже описан по раскопкам 1959 г. Данные раскопок 1961—1962 гг. подтвердили классификацию и относительную хронологию ведущих керамических типов, данную ранее⁵.

Большую группу находок в дьяковских слоях Успенского городища составляют изделия из кости и рога. Это различные острия, служившие в качестве шилев и для вязания сетей и плетения. (рис. 35, 1—2). Многочисленны иглы для шитья. Некоторые снабжены ушком, у других — вырез для привязывания нити. Имеются костяные булавки с прямоугольной, округлой или фигурной головкой, иногда с отверстием (рис. 35, 10). Подобные предметы широко распространены на поселениях конца I тыс. до н. э. и первых веков нашей эры в волго-окском междуречье и в долине р. Оки. Многочисленны костяные наконечники копий, отличающиеся друг от друга как строением острия, так и устройством насада (рис. 35, 3—8). Длина их достигает 15—17 см. Один из наконечников орнаментирован (рис. 35, 7). Разнообразны костяные наконечники стрел (рис. 35, 11—17).

Представляет интерес обломок костяной поделки в виде головы птицы как образец миниатюрной скульптуры дьяковского времени (рис. 35, 18). Несмотря на схематичность, живо передан характерный изгиб клюва, не оставляющий сомнения в том, что перед нами хищная птица. Фигурка, по-видимому, нашивалась на одежду, так как одна сторона ее плоская. Из кости изготавливались разнообразные рукояти (рис. 35, 9), из ребер и лопаток крупных животных — тупики. Встречены подвески из просверленных кабаньих клыков. О широком распространении костяных изделий и о их местном производстве говорят многочисленные отходы костерезного производства и неоконченные обработкой орудия.

⁵ Ю. А. Краснов, Н. А. Краснов. Указ. соч., стр. 215—216.

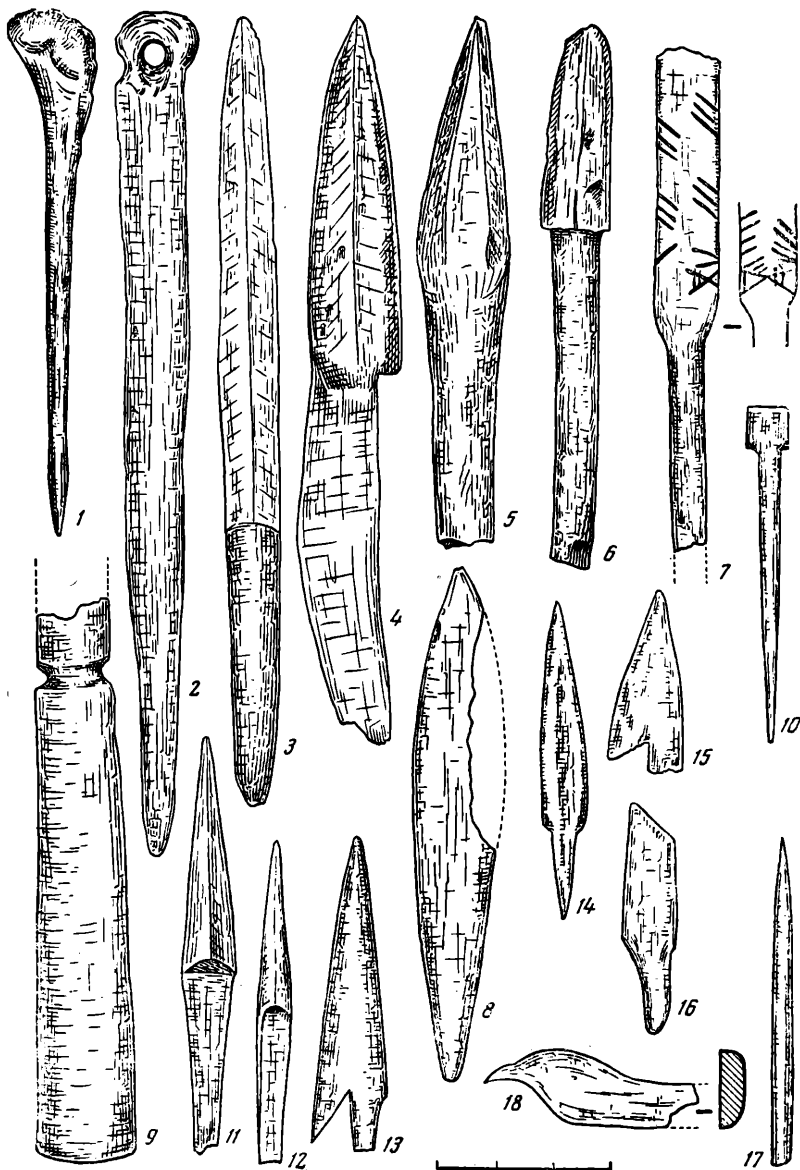

Рис. 35. Костяные предметы из раскопок Успенского городища
 1—2 — остря; 3—8 — наконечники копий; 9 — рукоять; 11—17 наконечники стрел;
 18 — фрагментированное изображение птицы

Среди изделий из железа наиболее многочисленны ножи с горбатой спинкой (рис. 36, 2). Найдено несколько однотипных шильев с округлым у концов и прямоугольным в середине поперечным сечением. Интересен серп, небольшой по размерам, слабо изогнутый (рис. 36, 1). Длина его основания составляет 13 см. Серп соединялся с рукоятью при помощи отогнутого черешка. Подобные серпы на Троицком городище встречены в верхнем горизонте второго слоя и датируются IV—VI вв. н. э.⁶ В комплексе с сетчатой керамикой найдены обломки железных браслетов (рис. 36, 5) и гривны. Браслеты имели округлое поперечное сечение, гривна — округлое

⁶ А. Ф. Дубынин. Результаты работ Можайской экспедиции. КСИА, вып. 94, 1963, стр. 60.

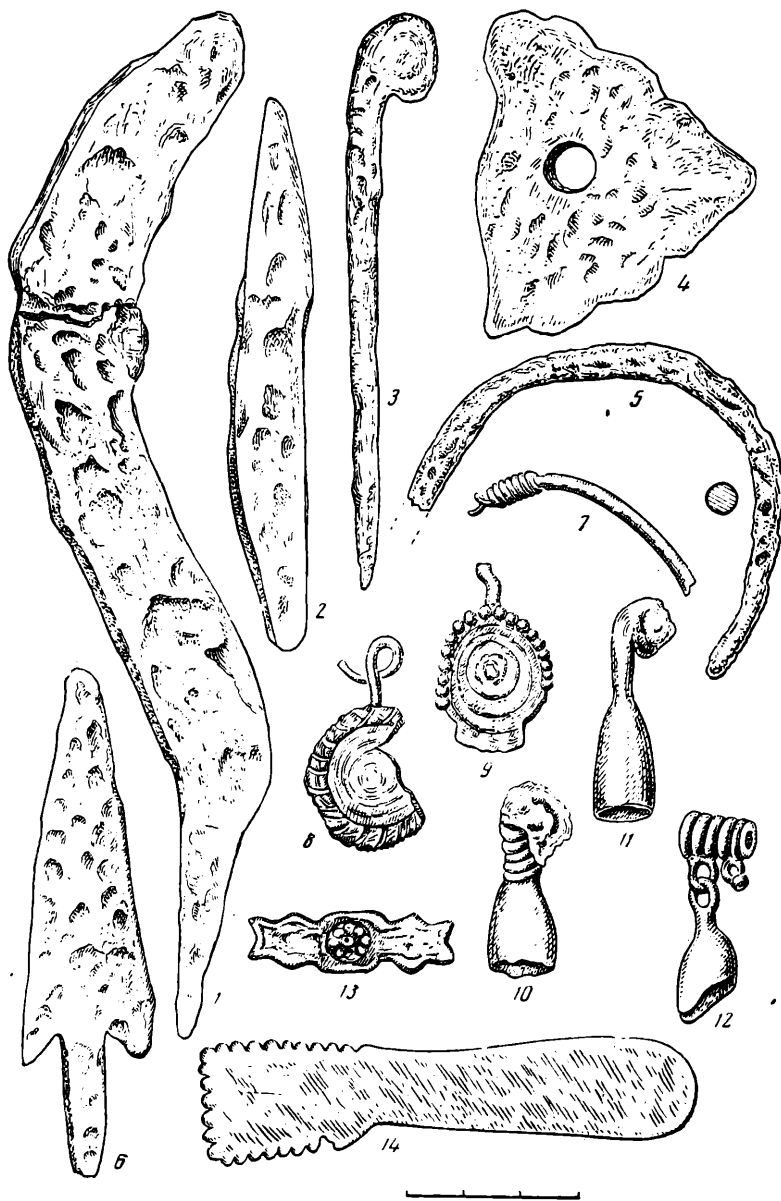

Рис. 36. Изделия из железа, меди и бронзы Успенского городища
 1 — серп; 2 — нож; 3 — булавка; 4 — пряжка; 5 — фрагмент браслета; 6 — наконечник стрелы; 7 — фрагмент височного кольца; 8—9 — умбовидные подвески; 10—12 — шумящие украшения; 13—14 — детали поясного набора (1—6 — железо; 7—14 — медь и бронза)

по краям и квадратное в середине. Внутренний диаметр браслетов — 6—7 см, гривны — около 18 см. Найдены булавки с загнутой в виде петли головкой (рис. 36, 3). Единственный железный наконечник стрелы принадлежит к типу двушипных (рис. 36, 6). Найдена одна железная пряжка (рис. 36, 4). Все описанные железные предметы широко распространены на северо-востоке Европы и имеют весьма широкую дату.

Производство железа осуществлялось, по-видимому, на самом городище, о чем свидетельствуют находки в дяковском слое железных шлаков и куски болотной железной руды.

Медные и бронзовые предметы из раскопок относительно немногочисленны. Большинство их найдено в очень плохом состоянии, сильно окислено или оплавлено. Среди них — фрагмент украшения в виде спиральной трубочки с бутылочными подвесками (рис. 36, 12). Подобные украшения имеют очень широкую дату — от середины I тыс. н. э. до XI—XII вв.⁷ и характерны для финно-угоров. Найдены две умбоновидные подвески (рис. 36, 8—9). Близкие украшения характерны для Троицкого городища, где они появляются в верхнем горизонте первого слоя, по-видимому, около рубежа новой эры. Среди других медных и бронзовых предметов следует отметить трапециевидные и колоколообразные подвески, являвшиеся частями шумящих украшений (рис. 36, 10—11), булавку с пастовой головкой, части поясного набора (рис. 36, 13—14), фрагменты височных колец (рис. 36, 7). Заслуживает внимания обломок браслета, найденный в 1963 г. в осыпи. Он изготовлен из толстой медной проволоки с расплюснутыми в ромб концами. В украшениях древней мордвы такие браслеты датируются VII—VIII вв. н. э.⁸ Производство медных и бронзовых предметов также было знакомо обитателям городища, о чем свидетельствуют находки медных шлаков, окислов, целых и разбитых льячек.

Рис. 37. Прорись рисунка на глиняном шарике из Успенского городища (увеличено в 3 раза)

Из глиняных предметов найдены грузики «дьякова типа». Часть их орнаментирована. Диаметр основания грузиков 1,5—6 см, высота 2—7 см. Найдены обломок глиняной таблички с точечным орнаментом, пряслица, бусы, биконические блоки без отверстий, грузила для рыболовных сетей и другие предметы. Большой интерес представляет находка в раскопе № 2 в перекопанном слое на глубине 0,9 м глиняного шарика диаметром около 3 см с изображением человека, по-видимому, воина (рис. 37). Человек изображен по пояс, в профиль, лицом налево. На нем остроконечная шапка, за спиной лук, очевидно, в футляре, в левой руке большой круглый щит, в правой — копьё. Несколько выше и правее изображена, по-видимому, голова лошади, несколько ниже и правее — лук со стрелой, направленной в противоположную от человека сторону. Рисунок прочерчен на мягкой глине каким-то очень острым предметом. В некоторых местах рисунок дан двойными линиями. После нанесения рисунка шарик был обожжен.

Следует отметить многочисленные точильные и округлые метательные камни, куранты и обломки нижних камней зернотерок.

Остеологический материал представлен костями домашних (свинья, корова, лошадь, овца или коза) и диких животных (лось, северный олень, бобр, медведь, кабан).

Следы оборонительных сооружений дьяковского поселения прослежены в обрыве в южной части городища. Они представляли собой систему невысоких (от 1 до 2 м) валов, насыпанных на пологой napольной стороне

⁷ Е. Н. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, стр. 54.

⁸ А. Е. Алхова. Хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I — начала II тыс. н. э. СА, 1958, стр. 72—73, рис. 1.

холма. Рвы между валами не делались. Первый, внутренний вал был насыпан частично на уже отложившемся культурном слое толщиной около 0,2 м. Таким образом, в самый ранний период поселение не было укреплено. На валах были сооружены деревянные стены в виде тына. В настоящее время промежутки между валами совершенно заплыли и с поверхности валы не прослеживаются.

Полученный материал позволяет отнести возникновение дьяковского поселения ко времени около середины I тыс. до н. э. Возможно, поселение существовало здесь непрерывно до прихода славян, т. е. до X в.

В слое славянского селища на Успенском городище, в раскопе № 1, обнаружены развалы трех глинобитных печей, принадлежавших трем разновременным жилищам. Жилище № 1 было прямоугольным, размеры 6 × 3 м. Глинобитная печь находилась почти в центре. В жилище № 3 обнаружены следы медных окислов, обломки льячки и толстостенного тигля с ошлакованной поверхностью, два чекана, половина литейной формы из мягкого камня, обломок костяной наковаленки для ювелирных работ и сильно оплавленная, очевидно, забракованная при отливке, небольшая пятилопастная височная привеска. По-видимому, это было жилище деревенского литейщика-ювелира, являвшегося одновременно и мастерской.

В раскопе № 3 обнаружены остатки сильно разрушенного гончарного горна. От него сохранилась лишь часть пода (без устьевого части) и стенки топочной камеры на высоту 0,4 м. Судя по сохранившимся частям, горн был овальным в плане, с внутренним диаметром основания около 1 м. Под горна был сбит из глины и имел толщину 0,3—0,4 м, несколько меньшую толщину имели стенки топочной камеры. По-видимому, горн был углублен в землю и покоился на основании из толстых бревен или плах, от которых сохранились лишь древесный тлен и отпечатки на нижней стороне пода. Описываемый горн по типу приближается к горнам, открытым во Вщиже и Райковецком городище, относящимся к XII—XIII вв.⁹, и горну на селище XI—XII вв. у Грехова ручья на верхней Волге¹⁰. Горн Успенского городища — один из немногих известных в настоящее время гончарных горнов сельских поселений домонгольской Руси.

Находки в славянском слое (керамика, ножи, обломки кос-горбуш, наконечник копья, пряслица и др.) обычны для славянских селищ домонгольского времени. На основании находки золотостеклянной двучастной бусины, датированной концом X — началом XII в.¹¹, железных ножей с клиновидным сечением и широкой спинкой X — начала XII в.¹² и других предметов славянское селище на Успенском городище может быть датировано X—XII вв. На эту же дату указывают и находки из славянского слоя, сделанные в 1954 г. Судя по находкам пятилопастной височной привески и хрустальной шарообразной бусины, здесь находилась вятичская деревня.

⁹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 345—346.

¹⁰ М. В. Фехнер. Раскопки селища близ Грехова ручья. Труды ГИМ, т. 37, стр. 161.

¹¹ М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Труды ГИМ, т. 33, 1959, стр. 188.

¹² Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 48, 51.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

РАЗВЕДКИ И РАСКОПКИ ДЪЯКОВСКИХ ГОРОДИЩ В ПОДМОСКОВЬЕ В 1960—1963 гг.

В результате проведенных за последние годы археологических разведок на территории Московской области выявлены и обследованы стоянки времени неолита и бронзы, более сотни городищ и селищ раннего железного века, славянские поселения и курганные группы¹. Особое внимание было уделено изучению городищ, относящихся к дьяковской и городецкой культурам.

Бородинское городище расположено на левом берегу ручья Петрицы притоке р. Мочи, на мысу, образованном его излучиной. Площадка городища в плане имеет вид овала, вытянутого в направлении с севера на юг, и с северной напольной стороны защищена двумя незначительной высоты валами. Высота мыса над уровнем ручья около 7—10 м. Площадка городища, размером 55 × 30 м, ровная и в большей части задернована. На городище была найдена лепная керамика с отпечатками сетки на поверхности сосудов, гладкостенная лепная керамика с насечками и зашипами по обрзу, подлощенная керамика, обломок миниатюрного сосуда. Мощность культурного слоя около 50 см.

Родневское городище находится в непосредственной близости от городища Перемышль-Московский к юго-западу от него на правом берегу р. Мочи. Оно занимает невысокий мыс, образованный двумя оврагами, впадающими в долину реки (рис. 38, 2). С восточной напольной стороны площадка городища отрезана тремя валами, сохранившаяся высота их до полуметра, и рвами. Два внешних вала прослеживаются в виде уступов на северном и южном склонах мыса, где расположено поселение. Площадка городища овальная в плане и вытянута в направлении с востока на запад. Ее размер 50 × 30 м. Высота площадки над уровнем р. Мочи около 8—10 м и края площадки наклонены как в сторону оврагов, так и в сторону реки. Площадка хорошо задернована и на ее поверхности нарушений нет, вероятно, поэтому было собрано ограниченное количество керамики; керамика — лепная, часть ее ornamentирована отпечатками веревочки, намотанной на палочку. Это позволяет отнести поселение к позднедьяковскому времени. Это городище, как и другие дьяковские городища этого времени, имело кольцевую систему обороны площадки. Валу, которые обычно хорошо сохраняются с напольной стороны площадки, продолжались и на склонах мыса, на котором расположено укрепленное поселение. При наличии валов, отрезающих стрелку мыса, валы на склонах поднимались к стрелке. Эти валы на склонах сохранились в виде уступа. Особенно хорошо сохранилась система укреплений на городище у с. Михайловского Рузского района и на Кунцевском городище в Подмоскowie.

¹ Работы проводились разведочным отрядом Московской экспедиции Института археологии АН СССР по поручению и на средства Отдела культуры Исполкома Мос-облсовета. В обследовании приняли участие автор и сотрудница ИА АН СССР Е. Н. Симонова.

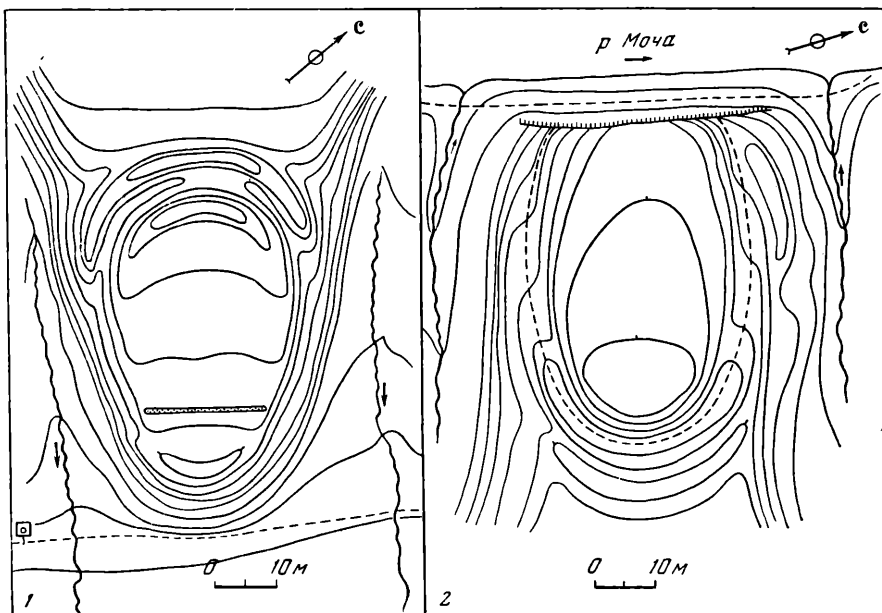

Рис. 38. Планы Апонитищенского (1) и Родневского (2) городищ

Луковское городище расположено близ с. Луково Подольского района на его южной окраине на высоком и вытянутом мысу, образованном крутой петлей р. Пахры. Высота мыса над уровнем реки около 20 м. Протяженность площадки Луковского городища в направлении с юго-востока на северо-запад около 80 м при максимальной ширине в 50 м. С напольной стороны площадка городища защищена двумя валами и глубоким размытым в последующее время рвом между ними. Второго, наружного рва нет, ибо мыс этот имеет вид останца и вместо него видна глубокая и широкая лощина. Стрелка мыса слегка понижена и отрезана от площадки четырьмя валами и рвами. Площадка городища ровная, слегка пониженная в сторону стрелки и к краям площадки. Нарушена траншеями времени Отечественной войны 1941—1945 гг.; в обрезах виден темный золистый культурный слой, мощностью около 70—80 см. Среди подъемного материала лепная керамика с зашипным орнаментом по краю, с орнаментом прочерченным и отпечатками веревочки, намотанной на палочку, и обломки подлощенных сосудов. По-видимому, памятник относится к позднелужицкому времени, об этом говорит и система его укреплений.

Апонитищенское городище находится в Зарайском районе на правом берегу р. Мечи, напротив села, в урочище «Городище». Поселение расположено на мысу между двумя оврагами, дно которых находится выше уровня реки на 10—12 м и в некотором удалении от нее — пойма реки здесь хорошо разработана (рис. 38, 1). С напольной стороны площадка городища размерами 80 × 40 м, в плане имеет вид треугольника, защищена двумя валами и рвами; высота валов со стороны площадки около 1 м. Внешний вал городища в виде уступа прослеживается на склонах мыса. Площадка городища задернована и имеет наклон в сторону реки, в мысовой части видна длинная полусасыпанная траншея. На городище, кроме грубой лепной керамики без орнамента, собрана также керамика с сетчатыми отпечатками на поверхности и керамика с рогожным орнаментом. По характеру находок этот памятник похож на Палецкое городище Луховицкого района, раскопанное в 1926 г. П. Д. Дмитриевой (рис. 39, 9).

Слепцовское городище также расположено на притоке р. Мечи (Зарайский район), на ее левом берегу, в 1,5 км к востоку от села. Городище находится на мысу между долиной реки и оврагом, по дну которого протекает ручей. Площадка городища овальной формы и с напольной стороны защищена двумя валами и рвами. Ее размер 50 × 30 м. Высота площадки над уровнем реки 5—7 м. Культурный слой незначителен, содержит лепную керамику, в верхних горизонтах встречается керамика славянская XI—XIII вв. Однако основная часть славянского поселения размещалась за валами городища, на участке, примыкающем к ним. Неподалеку от городища, метрах в 500—700 от него, на том же берегу реки, вниз по течению от городища есть большая курганная группа, исследованная членами Рязанской ученой архивной комиссии в 1896 г. Подобная курганная группа имеется и близ Апонитищенского (Апоничищенского) городища².

Городецкое городище расположено на правом берегу р. Оки на территории Луховицкого района на восточной окраине села. Оно размещено на вытянутом с северо-востока на юго-запад песчаном холме, по-видимому, остатке размытой здесь второй надпойменной террасы, в 1,5—2 км от русла реки. Максимальная высота холма над поймой реки 3,5—4 м. Протяженность холма около 110 м при ширине в 40 м. Укрепления городища почти не прослеживаются из-за того, что на месте поселения были в последующее время расположены каменная церковь и современное кладбище. Культурный слой его, судя по обнажениям, имеет мощность в 50—70 см. Собранная на памятнике керамика разнородна. Здесь найдена грубая лепная неорнаментированная керамика с сетчатой и рогожной орнаментацией. На площадке городища также найдена и славянская круговая керамика, но основная масса ее встречается у подножья холма, где прослеживается культурный слой славянского поселения домонгольского времени.

Городище у с. Верхние Ивняги находится в Луховицком районе, на правом берегу р. Вобли, притока р. Оки, рядом с выселками села на мысу при впадении в долину реки глубокого оврага. С юго-восточной напольной стороны ее два вала и ров. Стрелка мыса также отрезана двумя валами и рвами. Площадка городища овальной формы, размер ее 80 × 45 м. До недавнего времени она распахивалась. Высота мыса над уровнем реки около 20 м. На площадке была собрана грубая лепная керамика без орнамента и с защипами по обрезу венчика, керамика с сетчатой и рогожной орнаментацией, с грубой вертикальной штриховкой (рис. 39, 1).

Городище у с. Нижние Ивняги расположено на южной окраине села. Оно представляет собой низкий мыс, вытянутый вдоль течения ручья размером 95 × 40 м. Укрепления городища спланированы. Площадка городища разрушена широкими канавами. Мощность культурного слоя, судя по обнажениям, около полуметра. На городище были найдены фрагменты сетчатой керамики с точечным и кольцевым орнаментом (рис. 39, 2), керамика без орнамента, обломки погребушки и тигля.

При археологическом обследовании бассейна р. Истры в верховьях ее близ с. Лопотово рядом с Лопотовским городищем было открыто второе дьяковское городище в урочище Могильцы (ныне в связи с созданием водохранилища на р. Истре село перенесено на новое место). Площадка городища овальной формы, размеры — 85 × 40 м. Она размещается на мысу, образованном двумя оврагами, впадавшими в пойму р. Истры, ныне затопленными водохранилищем. Укрепления городища почти целиком спланированы и видны только вдоль длинных сторон мыса в виде уступов. Культурный слой на памятнике незначительный и испорчен поздним кладбищем. Если на первом Лопотовском городище, судя по данным К. Я. Виноградова, находилась только гладкостенная лепная керамика, то на втором Лопотовском городище нами была найдена керамика и с

² А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 242.

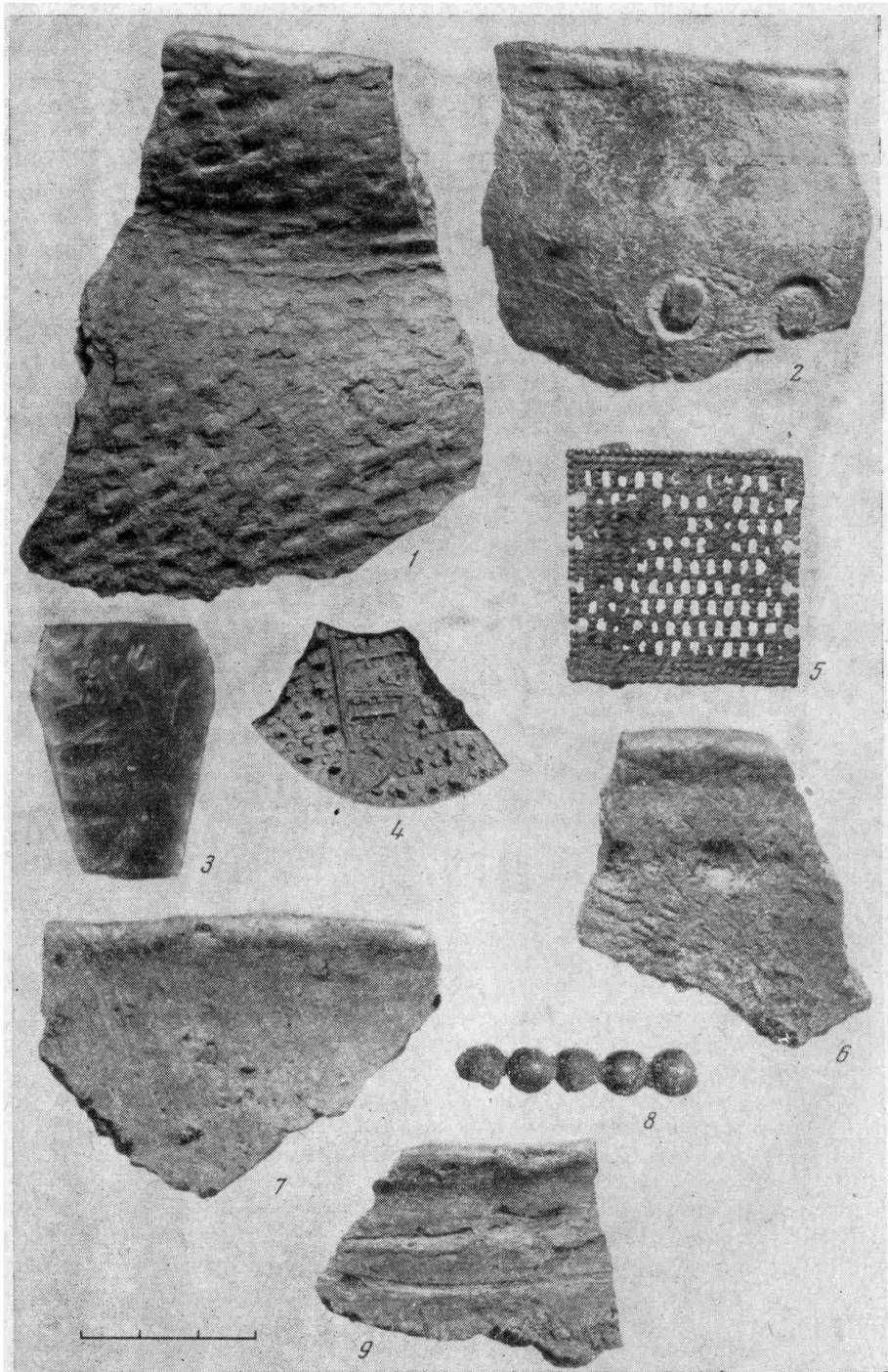

Рис. 39. Образцы керамики и вещей, собранные при разведках
 1 — городище верхние Ивняги; 2 — городище Нижние Ивняги; 3 — Дракинская стоянка; 4—5, 8 —
 Щербинское городище; 6, 7 — Зибровское селище; 9 — 1-е Палецкое городище
 1, 2, 4, 6—9 — глина; 3 — кремль; 5—6 — бронза

сетчатым орнаментом. Надо думать, что второе Лопотовское городище было оставлено после сооружения первого Лопотовского городища.

При разведках до начала раскопок было осмотрено состояние разрушающегося Щербинского городища на р. Пахре, и на склоне его была найдена накладная прямоугольная прорезная бляха с зерненым орнаментом, накладная бляшка из пяти соединенных полушариков со скобкой на оборотной стороне и обломком орнаментированного грузика (рис. 39, 3—4, 7). Аналогичная зерненная бляха найдена на городище Круглица при раскопках Л. И. Пимакина, другая — на Подмокловском городище при работах А. В. Успенской. Накладные бляшки из рельефных полушариков широко распространены на позднедьяковских городищах Подмосковья.

Осмотренные нами дьяковские селища расположены в некотором удалении от дьяковских городищ. Наряду со сравнительно поздними среди них встречаются селища с ранней керамикой, в том числе и сетчатой, что позволяет датировать их тем же временем, что и городища, т. е. до V—VI вв. н. э. К ним относится селище, осмотренное нами в Серпуховском районе близ с. Зиброво на левом берегу р. Оки (рис. 39, 6—7).

Одновременность селищ дьяковского времени, обследованных на территории Московской области, и городищ не дает оснований говорить о запустении дьяковских городищ и перехода населения с них на открытые поселения после V—VI вв. По-видимому, верхние горизонты дьяковских городищ требуют тщательного изучения для выявления на них и более поздних напластований VIII—IX вв.

Городище у села Неждино. В связи со строительством на р. Рузе гидроузла Московской экспедицией Института археологии АН СССР в 1961 г. было проведено полное исследование небольшого городища у с. Неждино Волоколамского района, открытого в 1957 г.³ Неждинское городище расположено на правом берегу этой реки в 1,5 км от села вниз по течению и размещается на высоком мысу при впадении в нее ручья. Площадка городища в плане треугольная и с юго-западной напольной стороны защищена валом высотой около 1,5 м и сильно заплывшим рвом. Она ровная и, как и весь прилегающий участок берега, поросла лесом. Площадь Неждинского городища без учета укреплений равна 280 кв. м. Это миниатюрное городище, как показало исследование памятника, лишь незначительно было разрушено рекой во время разливов. Оно относится к числу наиболее мелких городищ бассейна р. Москвы.

Мощность культурного слоя на площадке городища колебалась от 20—30 до 70—80 см, выделяются два слоя — нижний слой относится к позднедьяковскому времени, верхний — может быть датирован XII—XIII вв. На селище, расположенном за валами городища, рядом с ними, и вытянутом преимущественно вдоль берега реки к юго-западу от городища, напластования дьяковского времени отсутствуют полностью. Слой XII—XIII вв. здесь более мощный, чем на городище, и имеет толщину до 70—80 см. Выше — культурный слой деревни XVIII в. Напластования дьяковского времени на площадке городища стратиграфически делятся на два горизонта и близки между собой по времени отложения. Нижний, менее насыщенный и более светлоокрашенный, везде перекрывается черным дьяковским культурным слоем, в котором содержится много горелых камней. В этом слое много керамики и отдельных находок, среди которых следует отметить грузики дьякова типа, часть из них с точечным орнаментом на боковой поверхности (рис. 40, 4, 7); красные пастовые бусы (рис. 40, 3), ножи, бу-

³ Руководителем Московской экспедиции был А. Ф. Дубынин, начальником Рузского отряда Р. Л. Розенфельдт. В полевых работах отряда приняли участие научные сотрудники ИА АН СССР К. А. Смирнов и И. Г. Розенфельдт. Земляные работы на памятнике были выполнены кружковцами Московского городского дома пионеров под руководством В. Н. Кузьмина и членами Клуба туристов при Москворецком доме пионеров г. Москвы.

лавка, точильные камни, обломок керамической погремушки. Вся керамика этого слоя лепная и представлена обломками горшков, часть из которых орнаментирована прочерченным орнаментом (рис. 40, 10), зашипами, отпечатками веревочки, намотанной на палочку, собранными в узоры отпечатками однозубого штампа (рис. 40, 14). Иногда встречаются и узоры, скомбинированные из перечисленных элементов орнамента (рис. 40, 13). Особый интерес представляют лепные сосуды острореберные (рис. 40, 12) и плавных очертаний с подлощенной (деградирующее лощение) поверхностью, которая не орнаментирована. Сосуды с продольной чертой по обрзу венчика (рис. 40, 10) позволяют датировать этот слой Неждинского городища IV—VII вв. н. э. и ставят этот памятник по времени в один ряд с верхними горизонтами позднедьяковских городищ верхнего и среднего течений р. Москвы, в частности, с такими, как Троицкое и Дьяковское городища.

Неждинское городище возникло как укрепленное поселение; об этом говорит отсутствие культурного слоя под валом городища.

Деревянные конструкции дьяковского вала дважды горели; после первого пожара вал был подсыпан. Вторично укрепления сгорели в конце дьяковского этапа жизни городища. Деревянные конструкции вала, уничтоженные пожарами, сохранили мало данных для реконструкции. На площадке городища были исследованы остатки нескольких бревенчатых наземных построек дьяковского времени, которые прослеживаются по столбовым ямам и развалам очагов, сложенных из камней. Однако сохранность и этих сооружений плохая, особенно потому, что площадка городища была перепланирована в XII в. В результате этого на ряде участков культурный слой V—VII вв. был разрушен, а на других был перекрыт значительными пластами глины. На городище в культурном слое прослежены отдельные столбовые ямы этого времени. Исследование оборонительных сооружений славянского времени не дало остатков деревянных конструкций, кроме остатков небольшой подпорной стенки, шедшей с внутренней стороны вала у его основания. Была отмечена подсыпка вала примерно на 30—40 см в высоту. Гребень вала был разрушен; по-видимому, по нему проходил частокол, который целиком сгнил. Ров этого времени имел глубину до 120 см. В северо-западной части вала, там, где он примыкал к обрыву р. Рузы, в нем была отмечена большая седловина. В результате работ на этом участке было найдено заглубленное в вал основание миниатюрной в плане башни размером в плане 3 × 4 м, расположенной длинной стороной вдоль вала с проходом в нижний ярус ее со стороны площадки городища. Яма под башню была вырыта в насыпи вала дьяковского времени до уровня материка, на котором сохранились отпечатки нижнего венца этого сооружения. В нижних горизонтах заполнения ямы башни была найдена славянская круговая керамика. В славянском культурном слое найдены многочисленные обломки стеклянных браслетов, как гладких, так и крученых (рис. 40, 6), розовые шиферные овручские пряслица с диаметром внутреннего канала в 5—6 мм (рис. 40, 2), несколько железных трубчатых замков и ключей (рис. 40, 1, 8), ножи, серпы, обломок косы, пряжки (рис. 40, 5) и различные украшения, в числе которых два бронзовых плетеных проволочных браслета с закрученными концами и шаровидной формы хрустальные бусы. Все предметы надежно подтверждают приводимую выше дату второго этапа жизни поселения. Славянская керамика с городища вся круговая (рис. 40, 9, 11). Часть из нее с линейным и волнистым орнаментом, реже сосуды с нарезным орнаментом и наколами в комбинации с линейным орнаментом. Еще реже сосуды с отпечатками на поверхности многозубого колесика. Большие серии сосудов совсем без орнамента. На днищах некоторых сосудов клейма — различные варианты «колеса». Сосуды представлены главным образом горшками и крышками к ним, обломками глубоких мисок, одна из которых имела полуотрубчатую

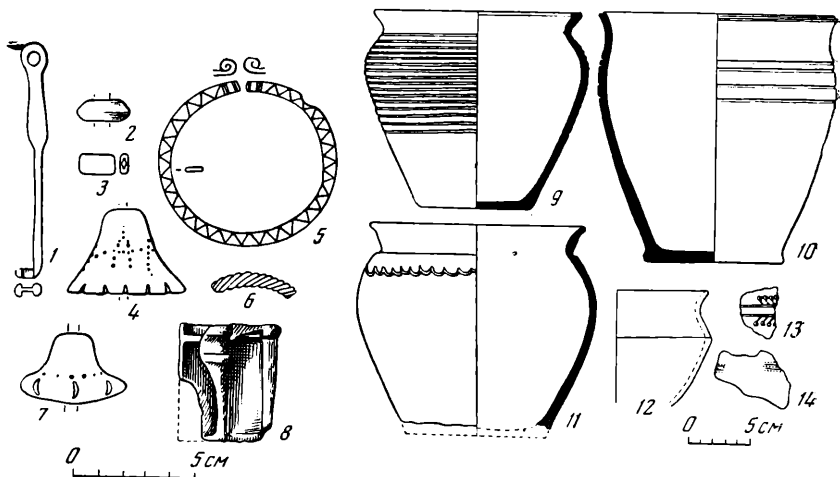

Рис. 40. Находки из раскопок городища у села Неждино

1 — ключ от трубчатого замка; 2 — пряслице шифрное; 3 — бусина красная пастовая; 4, 7 — грузики «дьякова типа»; 5 — кольцевая железная застезка; 6 — обломок стеклянного браслета; 7 — трубчатый замок; 9, 11 — сосуды, изготовленные на круге; 10 — лепной горшок из дьяковского слоя; 12 — остроресберный лепной горшок; 13—14 — образцы орнамента на стенках лепных горшков

ручку. Профилировка венчиков горшков также указывает на приведенную дату — много их с канавкой на внутренней поверхности венчика у края, не меньше венчиков с округлым припухлым краем.

Исследование Неждинского городища дало возможность составить представление о совсем небольшом поселке, по-видимому, городского типа XII—XIII вв., с довольно обширным селищем за его валами, который прекратил свое существование, по-видимому, во время татарского нашествия.

Преемственность между более ранним поселением дьяковского времени и славянским поселением не устанавливается.

Значительный интерес представляет наличие на Неждинском городище в дьяковское время только одного, а не двух, как обычно, валов. Одинарные валы, видимо, характерны либо для дьяковских памятников раннего времени (начало н. э.), либо для совсем поздних поселений этой культуры (VI—VIII вв.). В III—IV вв. строились укрепления с двойным рядом валов или перестраивались укрепления более ранние с одинарной линией укреплений. Неждинское городище — не единственное укрепленное поселение дьяковского времени в бассейне р. Рузы. На территории Рузского кремля при раскопках Л. А. Голубевой в 1949 г. была найдена лепная керамика этого времени и отдельные фрагменты сетчатой керамики, что позволяет предполагать наличие здесь второго дьяковского городища, разрушенного, как и Неждинское городище, в славянское время. Несколько городищ этого времени расположено в бассейне крупнейшего притока р. Рузы — Озерны: одно у с. Городище, другое — у с. Слобода и третье — у с. Михайловское. Вместе с селищами у с. Сытьково и Ивановское на р. Рузе и селищами у сел Нижнее Сляднево и Новое городище на р. Озерне они дают представление о плотной заселенности этого района в дьяковское время⁴. Следует, однако, отметить, что все перечисленные поселения

⁴ К. Я. Виноградов. Три этапа культуры у Ивановой горы на р. Рузе. М., 1929, стр. 14, примечание. Л. А. Голубева. Раскопки в Рузе. Труды ГИМ, вып. XXII, М., 1953, стр. 141—162; А. Ф. Дубынин. Отчет о работах Рузского отряда Московской экспедиции за 1956—1957 гг. Архив ИА АН СССР, д. Р-1, 1312, Р-1 1632. Р. Л. Розенфельдт. Разведки в Московской области. КСИИМК, вып. 79, 1960, стр. 57—62.

сравнительно поздние и слоев времени до начала нашей эры на них, по-видимому, нет.

Борисоглебское городище на р. Пахре. В бассейне р. Пахры находится девять городищ раннего железного века. Они размещены равномерно по течению реки и ее притоков на расстоянии в 8—12 км одно от другого. Это городища у пос. Володарка, у сел Сьяново, Щербинка, Луково — все на р. Пахре. На р. Моче два городища: у сел. Роднево и Бородино и на р. Битце городище у с. Битца. Есть сведения о наличии в верховьях р. Пахры городища близ пос. Красная Пахра в уроч. «Катюхина гора».

Борисоглебское городище, известное под названием Борисоглебский погост, открыто в 1923 г. сотрудниками Сухановского краеведческого музея. Оно расположено менее чем в 1 км от Щербинского городища (в 5 км к востоку от г. Подольска Московской области) на правом берегу р. Пахры, при выходе в долину ее небольшого безымянного ручья. Борисоглебское городище расположено на мысу, образованном при впадении в долину реки двух оврагов. Площадка его подтреугольной формы в плане размером 55 × 20 м, вытянутая с севера на юг, высота ее над долиной реки около 18 м. Поверхность площадки холмистая с западинами. Ныне на ней размещается кладбище, наиболее ранние погребения которого, судя по имеющимся обломкам надмогильных камней, относятся к XVII в. Остатки земляных укреплений вокруг площадки не прослеживаются. Из-за глубокой промоины с южной стороны городище имеет вид холма или останца. Площадка Борисоглебского городища была целиком занята кладбищем и полностью им испорчена, поэтому мы вынуждены были заложить два шурфа-зачистки на западном склоне и два шурфа у подножья с той же стороны. Небольшие работы, проведенные на этом городище, позволили установить, что это поселение существовало длительное время и что оно одновременно Щербинскому городищу (V—IV вв. до н. э.—V—VIII вв. н. э.). В зачистках на склоне мощность культурного слоя колебалась от 0,4 до 1,5 м, причем в верхней части его мощность культурного слоя максимальная. Культурный слой интенсивно-черного цвета обильно насыщен керамикой и костями животных. Среди них отмечены кости коровы, свиньи, лошади, бобра. Керамика из этих шурфов также была весьма разнообразной. Здесь встретились многочисленные обломки сосудов с сетчатой поверхностью. Часть из них имела штампованный орнамент поверх сетки, сосуды с отпечатками сетки на днищах сосудов. Наряду с ними встретилась керамика без сетки, грубая, с защитным орнаментом на поверхности и косой насечкой по обрезу венчика. Много было грубой керамики более профилированной, с отогнутыми наружу венчиками и разнообразными орнаментами по верхней части тулова сосудов. Это — прочерченный орнамент штампованный, отпечатки веревочки, намотанной на палочку. Элементы орнамента образуют горизонтальный пояс, часто они собраны в разнообразные отходящие от этого пояса фестоны.

Интересно отметить находку фрагмента грубого лепного сосуда с продольной канавкой по венчику, аналогичного найденным на Троицком городище на р. Москве и на городище у с. Неждино на р. Рузе. Эта керамика датируется VI—VII вв. н. э. При раскопках встретились и характерные для дьяковских поселений Москворечья миниатюрные сосудики. Один из них имел плитчатый поддон и защитной орнамент по верхней части тулова (рис. 41, 13). Вещи, найденные в шурфах, также характерны для городищ раннего железного века в Подмосковье. Это несколько крупных ошлакованных льячек с массивными ручками для плавки бронзы. Судя по материалу Троицкого городища, они датируются II—V вв. н. э. Такого вида льячки известны с Михайловского и Неждинского городищ, с городища у с. Успенского. Много их на Огубском городище. В шурфах найдено несколько обломков грузиков «дьякова типа» (один из них с точечным орнаментом на боковой поверхности), глиняный шарик, по-видимому, от пращи (рис. 41,

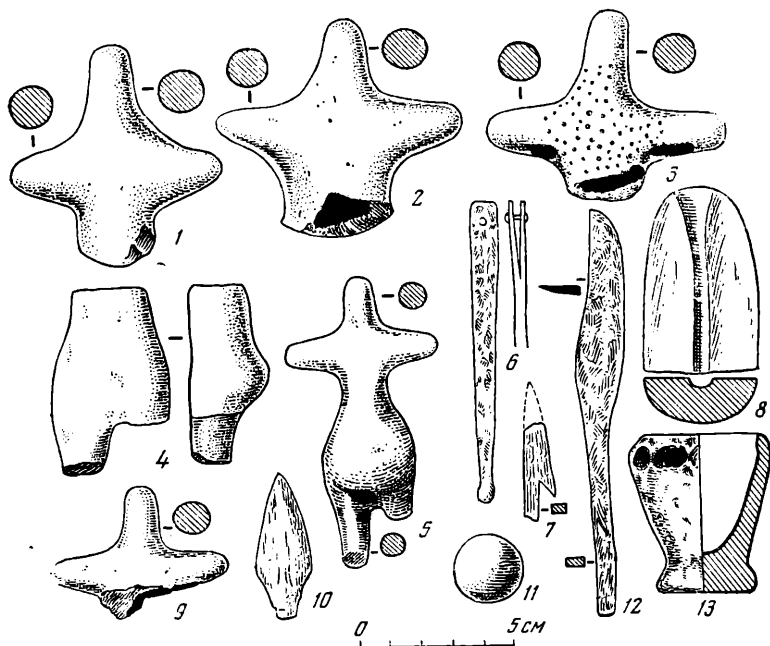

Рис. 41. Находки из раскопок на Борисоглебском городище

1—5, 9 — обломки глиняных фигурок; 6 — железный наконечник; 7, 10 — наконечники стрел (костяные); 8 — брусок для шлифовки древков стрел; 11 — глиняный шарик; 12 — нож железный; 13 — миниатюрный сосудик.

1, 2, 4, 6—8, 10—13 — Борисоглебское городище; 3, 5, 9 — Дьяковское городище

11), большая глиняная шаровидно уплощенная бусина тоже с точечным орнаментом, но собранным в линии, и обломок «рогатого кирпича» высоких пропорций. Из железных изделий было найдено несколько черешковых ножей (рис. 41, 12), шило и обломок кольца диаметром в 10—11 см. Определенный интерес представляет найденный в шурфе № 4 железный наконечник от конца пояса — предмет, которому имеются многочисленные аналогии как среди финских, так и восточнобалтских древностей I—IV вв. н. э. (рис. 41, 6).

Костяные изделия представлены двумя стрелами, из которых одна асимметричная, однозубая, по-видимому, для рыбной ловли, датируемая первыми веками до нашей эры (рис. 41, 7), и вторая массивная, уплощенная, с обломанным черешком. Этого вида стрелки найдены на многих городищах Москворечья и среднего течения р. Оки. Они датируются, по нашему мнению, первыми веками нашей эры (рис. 41, 10) и употреблялись для стрельбы из охотничьего самострела. Интересна найденная на том же поселении песчаниковая точилка для выглаживания древков стрел в виде овального камня с продольным желобком на его плоской поверхности (рис. 41, 8). Несколько подобных встретилось при исследовании Щербинского городища. Крайне интересны обломки женских культовых глиняных фигурок. Верх статуэтки — крестообразный, передающий изображение головы и двух распростертых рук. Торс фигурки моделирован хорошо. Ноги изображены схематически. На Борисоглебском городище были найдены три верхних половины фигурок, одна нижняя и несколько более мелких обломков их (рис. 41, 1, 2, 4). Подобные статуэтки известны: в Дьяковском городище, где была найдена верхняя часть фигурки, украшенная в центральной части точечным орнаментом (рис. 41, 3), подобная ей, но не орнаментирована (рис. 41, 9), и третья — почти полностью сохранилась (рис. 41, 5). Обломок такой же фигурки найден Т. Н. Никольской на Щуклинском го-

в районе г. Курска. Относительно большое количество этих фигурок на Борисоглебском городище при полном отсутствии обломков их на рядом расположенном одновременном и почти целиком раскопанном Щербинском городище позволяет высказать предположение об известном культовом значении первого памятника.

Следует обратить внимание на одно из стратиграфических наблюдений, сделанных при исследовании Борисоглебского городища. При выборке культурного слоя в шурфе № 2, расположенном на середине высоты западного склона, удалось проследить, что культурные напластования здесь залегают не наклонно вдоль поверхности склона, а горизонтально. Это, на наш взгляд, является свидетельством того, что ниже шурфа на склоне в древности имелся уступ, ныне полностью закрытый оползшим с площадки культурным слоем. По аналогии с другими городищами раннего железного века такие уступы делались в древности для размещения по гребню их палисада, обороняющего площадку. На некоторых памятниках они сохранились и теперь видны с поверхности. Два ряда таких уступов есть на склонах останца, на котором расположено Кунцевское городище. Этот способ укрепления городищ в Подмоскovie появился, по-видимому, не ранее начала нашей эры.

Борисоглебское городище было заселено и в XI—XII вв. В шурфах у основания останца была найдена круговая керамика этого времени, а краеведом О. С. Кузнецовым — овручское шиферное пряслице XII в. Там же был найден обломок керамического грузила от сети. Круговая керамика встретилась преимущественно в шурфах, расположенных у подножья городища. Это говорит о том, что площадка его в это время не была заселена, а постройки поселения находились на более низком месте у ручья. Судя по нахождению в верхних горизонтах тех же шурфов керамики и XIII—XV вв., это поселение существовало длительное время. Позже на том же месте возникает погост.

Проведенные на Борисоглебском городище раскопки позволяют высказать предположение, что население бассейна р. Пахры в I тыс. н. э. имело центром Щербинское городище, а расположенное неподалеку Борисоглебское городище было культовым сооружением, которое использовалось также и для жилья.

Хозяйственный уклад населения городищ в первых веках до н. э. и первой половине I тыс. н. э., занимавшегося лесным животноводством, охотой и лишь в незначительной степени земледелием (находки серпов на городищах, находка зерен конопли на Щербинском городище в 1963 г.), наглядно подтверждается размещением поселений, каждое из которых было удалено одно от другого на определенное расстояние и эксплуатировало территорию по течению реки протяжением около 8—10 км.

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА НА ОЗЕРЕ ЧЕБАРКУЛЬ

Среди многочисленных поселений, расположенных на побережье Чебаркульского озера (Челябинская область), относящихся к различным периодам первобытной эпохи, привлекает внимание стоянка Чебаркуль IV. Расположенная на южной оконечности глубоко вдающегося в озеро большого мыса (носящего название Крутик), она занимала удобную, с трех сторон защищенную водой, территорию, соединенную с остальными участками берега лишь узким перешейком. Мыс этот был обитаем в течение долгого времени, о чем свидетельствуют остатки двух периодов первобытной эпохи.

На уцелевшей площади поселения, большая часть которой разрушена в недавнее время при выборе строительного материала, сохранился большой тщательно сооруженный очаг. Углубленный на полметра в землю, с прямыми вертикальными стенами, он был окружен со всех сторон камнями, большинство которых оказалось сильно прокаленными и разрушившимися от огня. Очаг имел вытянутые очертания, достигая в длину 1,2 м при ширине в среднем около 0,5 м. Западная его оконечность, загнута под прямым углом относительно основного помещения, являлась пологим «входом» в очаг, также окруженным камнями. Интересно, что по мере накопления золы и других очажных остатков, которыми он был заполнен, к нему пристраивался следующий ярус камней, так что в конечном счете он продолжал функционировать на уровне древней поверхности. В этом виде он был обставлен большими каменными плитами, образовавшими как бы заслон со стороны наиболее частых ветров.

Искусно сложенный очаг, очевидно, являлся частью жилого сооружения. Поселение было расположено в скалистой части мыса. Культурный слой прослеживается в камнях и между камнями скалистого основания берега. Это дает основание предполагать, что здесь применялся один из строительных приемов, свойственный первобытным племенам, обитавшим на Урале, а именно: использование камня в его естественном состоянии в качестве части жилого сооружения. Этот прием наблюдался в неолитическом поселении Чебаркуль II, где хозяйственные ямы находились под небольшим каменным навесом, и в поселении эпохи бронзы на оз. Большое Миассово, где скала использовалась в качестве одной из стенок жилища.

Основным и почти единственным видом культурных остатков в поселении Чебаркуль IV является посуда. Она отличается исключительной однотипностью. Керамическое тесто ее изготовлено из глины с примесью большого количества крупных, плохо размешанных зерен талька. Из 24 сосудов, сохранившихся в обломках, 18 сходны друг с другом до тождества. Все они представляют собой довольно крупные толстостенные (толщина стенок 0,6—0,8 см) относительно невысокие широкогорлые чаши с резко отогнутым венчиком и округлым дном. Диаметр верхнего края большинства сосудов равен 25—30 см. У наиболее крупных он достигает 45 см. Высота их 12—18 см. Среди шести остальных имеются два миниатюрных

сосудика, повторяющие, однако, форму и орнаментальный узор крупных. Остальные отличаются по орнаменту. На большинстве сосудов орнамент расположен в верхней части тулова, спускаясь в большинстве случаев до плечиков и заканчиваясь у основания венчика.

Постоянно встречающимся элементом орнамента является рельефная волнистая полоса в основании венчика с двумя рядами ямок, расположенных в шахматном порядке по обеим ее сторонам. Эта полоса может быть более или менее изогнута, ямки большими или мелкими, округлыми или овальными, но присутствие этой детали прослеживается на посуде постоянно, а на некоторых сосудах является единственным орнаментом. На других же она сочетается с узорами из треугольников, направленных вершинами друг к другу, или ромбов, оформленных двойной или тройной линией мелкого веревочного штампа и редко расположенных небольших вдавлений внутри них. По венчику расположены часто нанесенные горизонтальные полосы тонкого шнура (рис. 42, 1—5). Меньшая часть сосудов орнаментирована крестообразными насечками, ряды которых густо покрывают стенки, а у венчика комбинировются с рядами глубоких ямок (рис. 42, 6). Несколько отличным у этих сосудов является и керамическое тесто, в котором примесь талька совсем незначительна.

Посуда, аналогичная чебаркульской, известна в ряде поселений Зауралья, относящихся к началу I тыс. до н. э. Она встречена в Макушинском селище, в Палкинской стоянке¹ и, по-видимому, еще в ряде поселений². Имеется она и в западном Предуралье, в частности, в Усть-Юризанском поселении³. Однако во всех до сих пор известных поселениях этот тип керамики встречен в большом числе, наряду с многими другими типами, зачастую в многослойных памятниках, не имеющих четкой стратиграфии (как, например, стоянка Палкино или Макушинское селище). Здесь же мы находим чистый комплекс керамики, представленный значительным количеством материала, найденным к тому же в хорошо сохранившемся слое.

Из металлических вещей встречен только один обломок небольшого однолезвийного бронзового ножичка. Отсутствие более выразительных вещей из металла затрудняет точную датировку памятника. Некоторые сравнительные данные, например наличие такой керамики в слое раннеананьинского времени в стоянках Предуралья, позволяют отнести его ко времени не ранее начала I тыс. до н. э. Некоторым подтверждением такой датировки служит присутствие на стоянке нижнего слоя, относящегося к эпохе бронзы. Сходство чебаркульской посуды с ананьинской прослеживается главным образом в общей форме круглодонных широкогорлых горшков и в применении шнурового орнамента. Правда, при этом имеется и много отличий: иной состав теста, иная композиция узоров, отсутствует характерный ананьинский воротничок. Все это говорит о том, что это не собственно ананьинская керамика. Отличия ее от последней, очевидно, позволяют говорить о зауральском варианте ананьинской культуры.

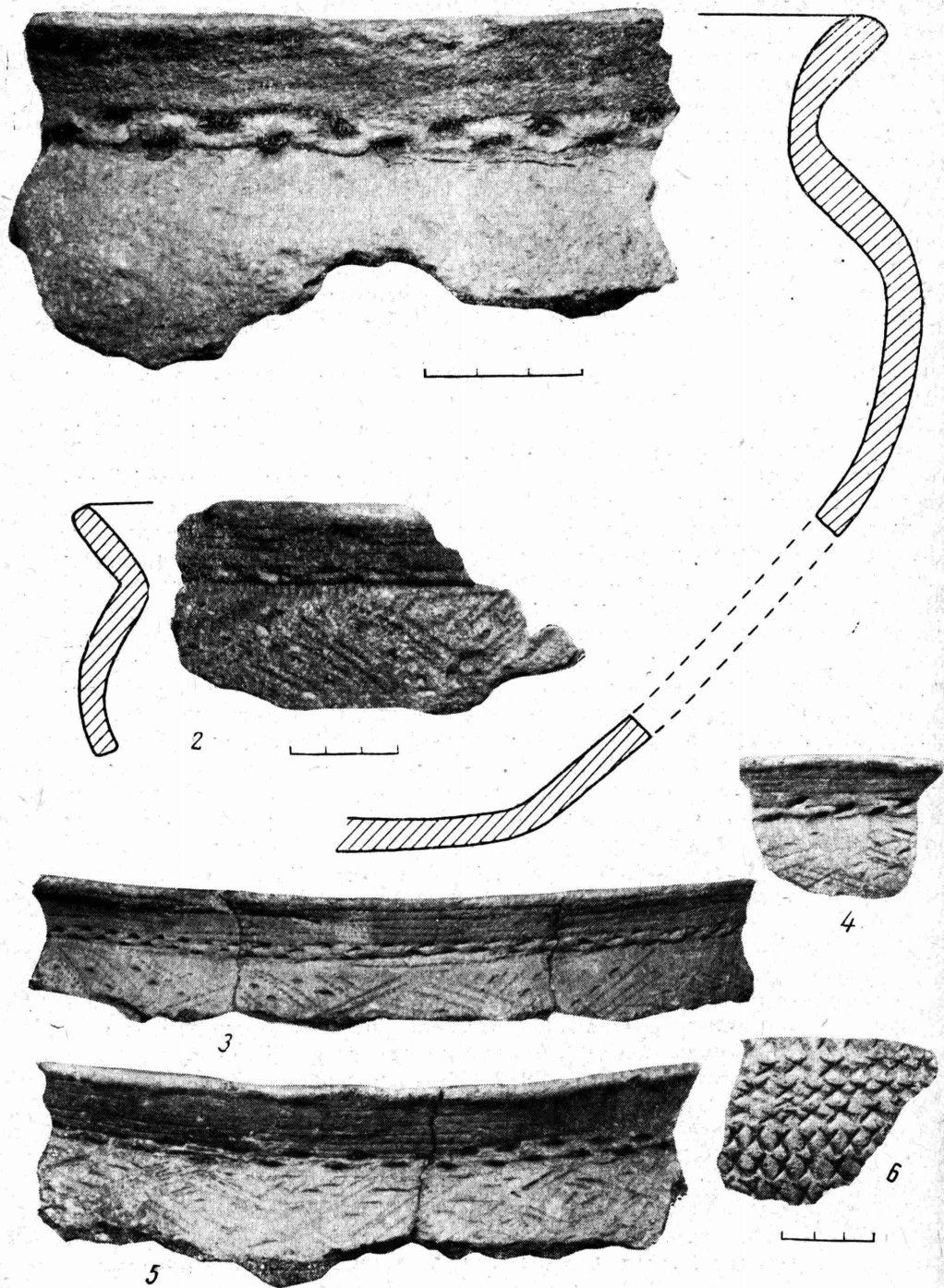
Таким образом, в пограничных областях лесного и лесостепного Зауралья в эпоху раннего железа намечается своеобразная культура, территория распространения которой пока не совсем ясна. Попытка выделения территории распространения посуды, сходной с чебаркульской, произведенная Е. М. Берс⁴, свидетельствует о том, что эта керамика принадлежала лесным племенам, населявшим в основном Среднее Зауралье. С юга граница ее, очевидно, совпадает с границей леса с лесостепью. Костные

¹ В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. Труды ГИМ, вып. 29, 1956, рис. 17, 4 и 21, 11.

² Е. М. Берс. Памятники и керамика Гамаюнской культуры. Сб. «Из истории Урала». Свердловск, 1960, стр. 84—85.

³ Л. Я. Крижевская. Поселения эпохи железа на северо-востоке Башкирии. Археология и этнография Башкирии, т. I. Уфа, 1962, стр. 79—82.

⁴ Е. М. Берс. Указ. соч., стр. 86.

- Рис. 42. Керамика эпохи раннего железа

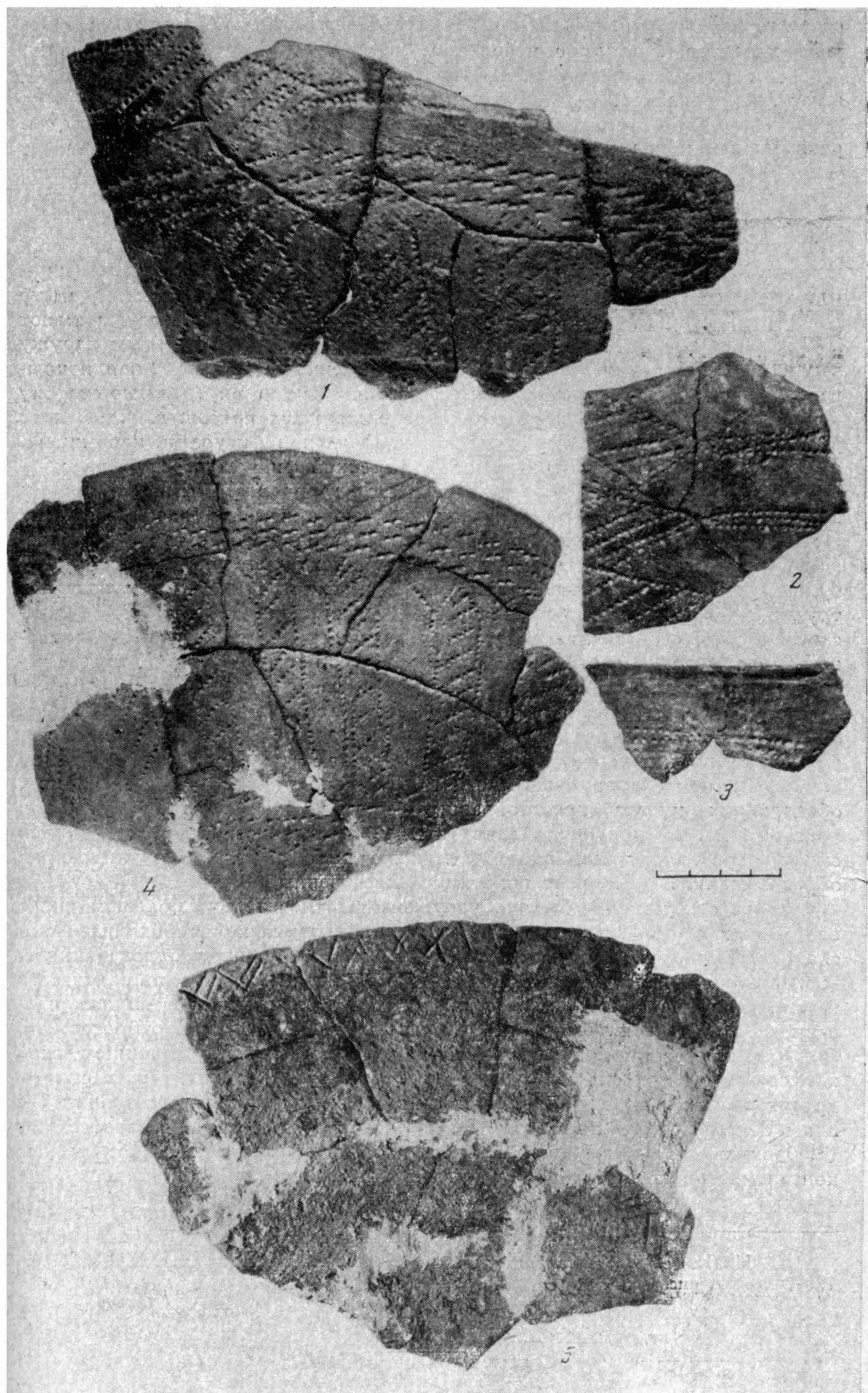

Рис. 43. Керамика эпохи бронзы

остатки, найденные на Чебаркульском поселении, подтверждают ее «лесной» характер. Наряду с небольшим количеством костей коровы (одна особь) и лошади (шесть особей) здесь найдены кости лося (семь особей) и косули (16 особей).

Нижний слой представлен незначительным по количеству, но очень выразительным комплексом керамики и каменных орудий. Он, отделяясь от основного тонкой прослойкой суглинки, был распространен на небольшой площади в 16 кв. м и, кроме того, встречался в виде отдельных скоплений. По-видимому, центр этого поселения находился на уничтоженной части террасы, прилегавшей непосредственно к берегу озера. Подавляющее большинство фрагментов керамики принадлежит крупным тонкостенным (двум или трем) сосудам, толщина стенок которых не превышает 0,5 см. Диаметр по средней сохранившейся части составляет около 40 см, сосуды имеют полуяйцевидную форму, с почти прямым лишь слегка отогнутым наружу венчиком с заостренным или слегка закругленным дном. Узор покрывает всю наружную поверхность и немного заходит на внутреннюю сторону венчика. Он состоит из нескольких повторяющихся поясов. Каждый пояс заполнен вытянутыми в вертикальном направлении фигурами, напоминающими ромбы. Заштрихованные косой гребенкой фигуры чередуются с незаштрихованными. Эти пояса разделены горизонтальными тройными линиями гребенки. Ближе к верхнему краю орнамент более разрежен. Заштрихованные, правильной формы ромбы чередуются с тонкими полосками гребенки на широком пространстве незаполненного поля (рис. 43, 1—4). Орнамент этот весьма своеобразен; прямые аналогии ему указать трудно, но в целом мотивы узора (вертикально расположенные геометрические фигуры) свойственны посуде из памятников неолитической и бронзовой эпохи Урала. Некоторое сходство этот узор имеет с орнаментом на керамике поселения Бор I⁵. Один из сосудов, расколовшихся по лентам, сохранил некоторые детали техники его изготовления, а именно: верхний край глиняной ленты специально утоньшался, и кромка его заглаживалась так же тщательно, как верхний край самого сосуда, а с внутренней стороны на этом краю ленты наносились многочисленные насечки в виде косых линий, образующих иногда крестообразный или иной геометрический узор (рис. 43, 5). Последующая лента прилеплялась изнутри (сосуд лепился снизу вверх). При таком способе лепки на внешней стороне нижнего края образовывались рельефные полоски, тождественные насечкам.

Вместе с керамикой были обнаружены в относительно большом числе изделия из камня, среди которых находились миниатюрный (длина 4 см) сланцевый топорик с прямым сильно сработанным лезвием, однолезвийный выпуклый сланцевый нож, округлые ножи с широким лезвием из плитчатого камня, многочисленные скребки из отщепов и ножи из ножевидных пластинок. Орудия сопровождалось значительным количеством отбросов.

Оба поселения принадлежат лесным племенам. Здесь, на границе лесной и лесостепной зон, на небольшой территории расположены поселения и других племен. Так, например, на Чебаркульском озере, на расстоянии 1—2 км от описанного поселения, было расположено андроновское селище (Чебаркуль III) с выразительной плоскостенной посудой. Такой тесный контакт не мог не сказаться в развитии этногенетических процессов.

⁵ О. Н. Бадер. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. МИА, № 99, 1962, стр. 37, рис. 13, VII, XII.

Н. Л. ЧЛЕНОВА

ТАГАРСКИЙ КУРГАН НА Р. ИЗЫКЧУЛЬ

Курганный могильник Изыкчуль II, открытый Чулымским отрядом Красноярской археологической экспедиции в 1962 г¹, находится в 25 км к СВ от г. Ужур Красноярского края, у северных склонов Солгонского кряжа, на правом берегу р. Изыкчуль в 1 км. к З от дер. Изыкчуль. Могильник представляет интерес как один из двух самых северных из исследованных в настоящее время раннетагарских могильников², находящихся в непосредственной близости (в 1,5—2 км) от горной тайги, покрывающей Солгонский кряж.

Группа состоит из 40 курганов, вытянута с Ю на С, параллельно течению р. Изыкчуль. Курганы представляют собой невысокие холмики, 30—50 см высотой, на поверхности которых кое-где видны выступающие плиты подпрямоугольных оград. По углам, а иногда и вдоль сторон ограды врыты вертикально плиты высотой 50—80 см. В северной части могильника расположены два более крупных кургана, высотой 1,2 и 1,5 м, с полушаровидной насыпью. Общий вид группы типичен для раннетагарского времени (VII—VI вв. до н. э.).

Раскопан был один из самых длинных в группе — курган № 8. Он представляет собой невысокий холмик высотой 63 см; длина 35 м, ширина от 12 до 16 м. Курган вытянут с ЮЮВ на ССЗ. Поверхность его заросла невысокой травой. На всех четырех углах кургана врыты вертикально камни высотой 0,8—1 м. Кроме того, вдоль западной и восточной сторон кургана врыты подобные же камни и плиты (длинные стороны которых направлены перпендикулярно оси кургана), друг против друга (рис. 44). Курган был раскопан на снос, с одной продольной и пятью поперечными бровками. Под насыпью обнаружилось две примыкающие друг к другу оградки из врытых на ребро массивных каменных плит. Обе оградки вытянуты с ЮЮВ на ССЗ. Длина ЮЮВ оградки — 25 м, ширина — от 6 до 9 м 20 см. Оградка содержала шесть могил, пять из которых вытянуты в ряд, параллельно друг другу и ориентированы с ЗЮЗ на ВСВ; шестая, детская могила расположена у восточной стенки оградки, у подножья одного из простеночных камней. ССЗ малая оградка, размерами 8 × 6,3 м, содержала одну могилу, ориентированную также с ЗЮЗ на ВСВ. По плану кургана видно, что малая оградка пристроена к большой. Можно предположить поэтому, что могилы этого кургана рыли с ЮВ на СЗ, в таком порядке; могила № 1, затем — № 7, затем — № 3, 4, 5. Последней вырыта могила № 6 в малой оградке. Когда вырыта детская могила № 2, расположенная в стороне от общего ряда могил, — определить трудно.

Все могилы ограблены. Исключение составляет детская могила № 2, нетронутая. По ней и на основании наблюдений при раскопках остальных

¹ В работе отряда, кроме автора, участвовали М. В. Воробьев, Д. Л. Бродянский и студент Кемеровского пединститута М. А. Рудник.

² Второй северный раннетагарский могильник (VII—VI вв. до н. э.) у дер. Больше-Пичугино на р. Урюпе, притоке Чулыма, раскопан А. И. Мартыновым в 1957 г.

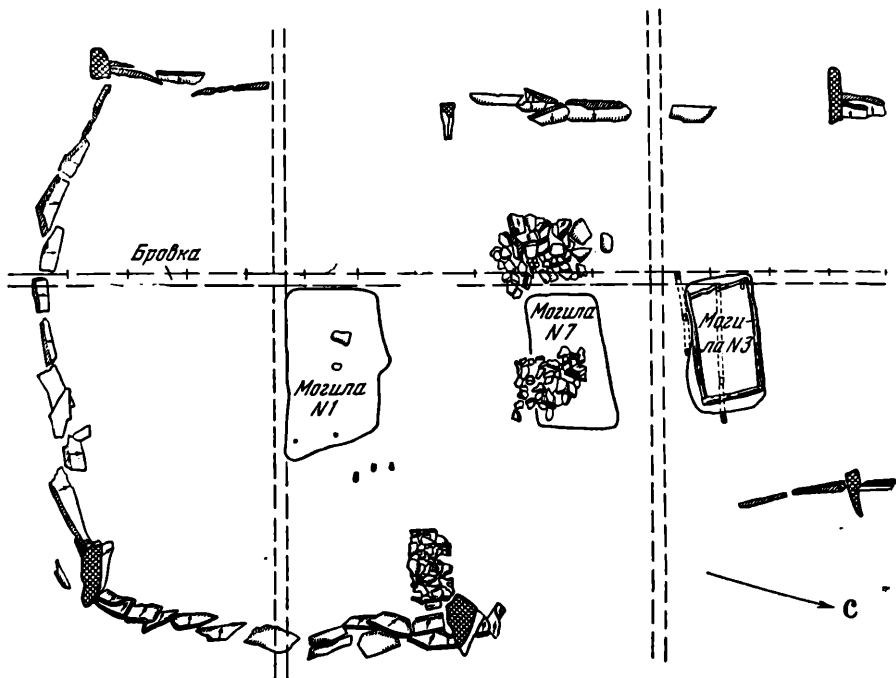

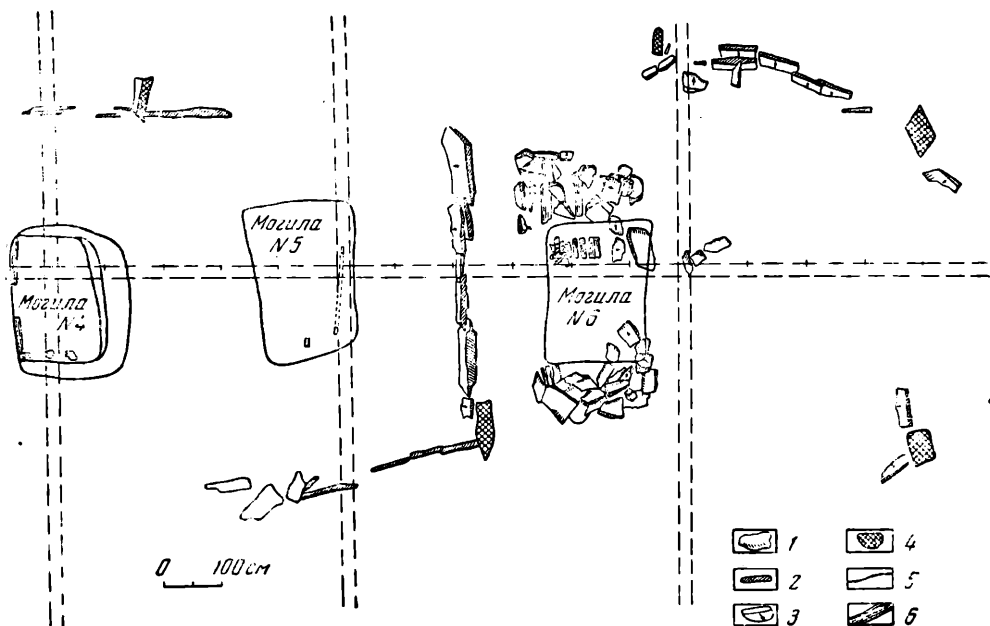
Рис. 44. План кургана № 8

1 — планка, лежащая плашмя; 2 — планка, врытая вертикально; 3 — планка, врытая наклонно.

могил можно реконструировать способ устройства могил: могилы рыли прямо от поверхности; почвенный слой не снимался (на это указывают остатки бревен покрытия, прослеженные над могилами на 20—25 см выше уровня материка и позволившие установить точную глубину могил). Во всех могилах, кроме детской, прослежены остатки сруба из лиственничных бревен в два-три венца; в могиле № 3 сруб был особенно высок в пять-шесть венцов. В могиле № 6 сруб был сожжен: остатки бревен обуглены, сильно прокалились стенки могилы — сильнее всего западная стенка. Это сожжение произвели до того, как было совершено захоронение, так как ни одна из костей человека и животных, ни один из предметов погребального инвентаря не пострадал от огня. Для раннетагарской эпохи (VII—VI вв. до н. э.) сожжение сруба абсолютно не характерно. Дно всех могил грунтовое. Покрытие могил во всех случаях состояло из нескольких продольно положенных лиственничных бревен, толщиной в 8—10 см, которые были значительно длиннее могилы. Над непотревоженной детской могилой № 2 эти бревнышки образуют сплошной накат, в остальных случаях прослежены только небольшие куски дерева. На бревенчатый накат над детской могилой положена была прямоугольная каменная плита, поверх нее мелкие плитки в 8—10 рядов, образующие прямоугольный холмик высотой около 30 см, в головах и ногах обрамленный наклонно врытыми плитками в виде «кокошников»³.

Над другими могилами крупных плит над накатом не было. Над могилами № 6 и 7 обнаружены раскиданные грабителями кучи камней, обломков плит и крупной гальки, которые, по-видимому, первоначально образовывали также прямоугольные надмогильные холмики высотой более

³ Подобные же «кокошники» (термин А. В. Адрианова) есть, например, в его раскопках у с. Новоселова в 1890 г. (Отчет А. В. Адрианова за 1890 г. в архиве ЛОИА, № 68, л. 14).

могильника Изыкчуль II

с указанием направления наклона; 4 — каменный «стол»; 5 — верхняя граница могильной ямы; 6 — дерево

0,5 м. Над остальными могилами таких камней не найдено. Трудно сказать, разбросаны ли они грабителями или отсутствовали с самого начала.

Таким образом, первоначально погребальное сооружение представляло собой две примыкающие друг к другу прямоугольные оградки, большая из которых разделена вертикально врытыми высокими камнями на четыре части. В каждой из таких частей помещался прямоугольный надмогильный холмик из камней (в одной части помещались две могилы — № 7 и 3). Общей курганной насыпи над могилами не возводилось. Современный вид погребального сооружения — плоский расплывшийся холмик — курган неправильной формы — следствие разрушения надмогильных сооружений и грабительских выкидов ветром и водой и почвообразовательного процесса, как это показал и на других примерах М. П. Грязнов⁴.

Всего в кургане № 8 было погребено не менее 11 человек взрослых и пятеро детей. Все скелеты сильно потревожены грабителями. Однако в могилах № 1 и 6 было найдено по две пары голеней и стоп, сохранивших первоначальное положение; судя по этому, в каждой из этих могил было похоронено по двое взрослых, головами на ЗЮЗ.

В могиле № 5, судя по положению костей, сохранивших первоначальное положение, было похоронено двое взрослых, вдоль длинных стенок могилы вытянуто, головами на ЗЮЗ, а среднюю часть могилы занимали почти непотревоженные скелеты двух детей: в ЗЮЗ части — скелет ребенка двух-трех лет, а в ВСВ части могилы — скелет ребенка в возрасте около года; оба ребенка лежали головами также на ЗЮЗ. Непотревоженный скелет ребенка в могиле № 2 также лежал на спине, головой на ЗЮЗ. Наконец, в могиле № 4 первоначальное положение сохранил сосуд в западном углу могилы; так как в тагарских погребениях сосуды обычно ставят

⁴ М. П. Грязнов. Курган как архитектурный памятник. Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. М., 1961, стр. 22—24.

Размеры и особенности устройства могил

№ могилы	Размеры могилы	Покрытие могилы	Устройство могильной камеры	Число погребенных
1	2,20×1,6 м, глубина 1,08 м	Не сохранилось	Сруб или клеть в 1 венец. Толщина бревен — 8—10 см	2 взрослых
2	1,10×0,6 м, глубина 14 см	Накат из бревен, толщиной 6—8 см, поверх них — крупная плита. На ней мелкие плитки в 8—10 рядов	Грунтовая яма	1 ребенок
3	2,02×1,45 м, глубина 70 см	Накат из бревен	Сруб в 5—6 венцов (высотой 40—50 см)	1 взрослый
4	3,80×2,70 м, глубина 67 см	То же	Сруб в 2 венца	2 взрослых и 1 ребенок
5	Длина 2,55 м. Ширина в ЮЗ конце 1,7 м, в СВ конце 1,52 м, глубина 60 см	» »	Сруб в 2 венца, рублен в лапу	2 взрослых и 2 детей
6	2,30×1,8	Накат из бревен, поверх них — обломки плит и камней	Сруб в 2—3 венца, был сожжен	3 взрослых
7	Длина 2,10 м. Ширина в СВ конце 1,35, в ЮЗ конце — 1,20 м, глубина 70 см	Куча обломков плит, камней и галек	Сруб высотой 30—35 см	1 взрослый и 1 ребенок

в головах покойника, по-видимому, и в этом случае покойник лежал головой на ЗЮЗ.

Западная и юго-западная ориентировка погребенных характерна для тагарской культуры.

Несмотря на то, что курган ограблен, он и сейчас выделяется из числа других тагарских курганов богатством инвентаря. В могиле № 4, ближе к южной стенке, были найдены бронзовый нож, зашитый в кожу, бронзовое шило, два костяных наконечника стрел (черешковый и втульчатый), две бронзовые полусферовидные бляшки и три баночных сосуда — (рис. 46, 7—12 и рис. 45, 6).

В могиле № 5 в ЮЗ углу найдены бронзовый нож с поперечным кольцом, шило и проколка в футляре из птичьей кожи, видимо, относившиеся к женскому скелету (рис. 46, 13—16), в СВ углу — бронзовая литая бляшка-пуговица (рис. 46, 16); у черепа старшего ребенка — два обломка тонких бронзовых полусферовидных бляшек и привеска из клыка кабарги (рис. 46, 17). Кроме того, в могиле найден один баночный сосуд (рис. 45, 2). В засыпке могилы № 6 у западной стенки найден роговой топорик (рис. 46, 18) в ЮЗ углу возле черепа — четыре бронзовые полусферовидные бляшки (рис. 46, 19—22) и в середине могилы — одна костяная черешковая и одна костяная втульчатая стрела (рис. 46, 23, 24); кроме того, в могиле найдено три баночных сосуда и плошка, сделанная из нижней части сосуда (рис. 45, 3—5).

В могиле № 7 найдены два бронзовых двулопастных втульчатых и восемь костяных втульчатых наконечников стрел, лежавших кучей, остриями на ВСВ (по-видимому, к ногам погребенного) (рис. 46, 25—34). Скорее всего, тут был колчан. Положение стрел в колчане остриями вниз обычно для скифской и других эпох. Так же обычно для скифских и савроматских погребений положение колчана в ногах погребенного; справа или слева от

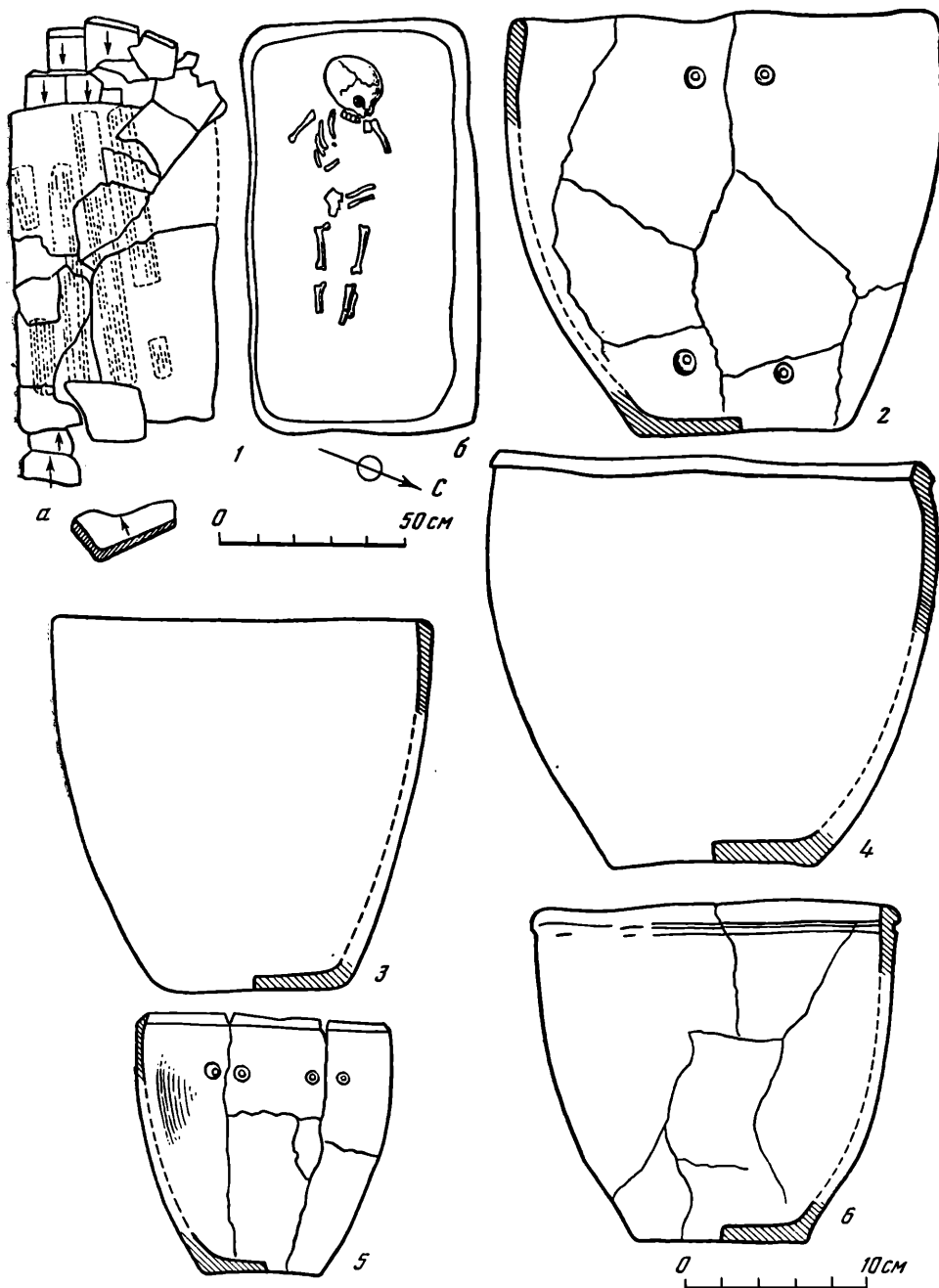

Рис. 45. План могилы № 2 и керамика из кургана № 8

1 — могила № 2: а — покрытие могилы; б — план погребения; 2 — сосуд из могилы № 5; 3—5 — сосуды из могилы 6; 6 — сосуд из могилы № 4

погребенного был положен колчан, — установить не удастся, так как в этом погребении ни одна кость не сохранила первоначального положения. В этой же могиле найден обломок бронзового шила (рис. 46, 35), фрагмент бронзовой биконической бусины, свернутой из листка (рис. 46, 37), и согнутая бронзовая проволока с куском кожи, по-видимому, служившая булавкой (рис. 46, 36).

В могиле № 3 найден кожаный вышитый пустой футляр от ножа, по-видимому, брошенный грабителями, и две бронзовые бляшки (рис. 46, 4—6). В детской могиле № 2 у черепа найдена бронзовая полушаровидная бляшка и окисленный кусочек бронзы (рис. 46, 2, 3).

Наконец, в могиле № 1 найдена пронизка, свернутая из листовой бронзы (рис. 46, 1).

Инвентарь кургана типичен для раннетагарской эпохи. Дата его определяется бронзовыми двулопастными втульчатými наконечниками стрел с листовидно-ромбической формой пера, характерными для скифских и савроматских погребений VI в. до н. э. Подобные же стрелы найдены и во многих тагарских погребениях VII—VI и главным образом VI в. до н. э. — Батени, кург. 3, мог. 21⁵, Оглахты, кург. 4⁶; Бузунова, кург. 5⁷, 6⁸; Галактионово, кург. 8⁹ и др. Костяные наконечники стрел, как втульчатые, так и черешковые, также встречены в комплексах этого времени (трехгранные и ромбические в сечении); втульчатые наконечники стрел найдены в тагарском кургане № 1 у Подгорного озера¹⁰; трехгранные и шестигранные и ромбические в сечении втульчатые наконечники — в кургане 6 у дер. Бузуновой VII—VI вв. до н. э. и т. д. Бронзовые четырехгранные довольно массивные шилья с круглой в сечении шейкой и маленькой круглой шляпкой также типичны для тагарских комплексов V в. до н. э. Довольно массивный бронзовый нож с одним или двумя круглыми отверстиями в верхней части ручки (рис. 46, 9, верхняя часть ножа обломана), также типичен для тагарских погребений VI в. до н. э. Второй нож с небольшим кольцом, расположенным в плоскости, перпендикулярной плоскости ножа (рис. 46, 13), относится к числу редких типов тагарских ножей. Мне известны только два таких ножа, оба из случайных находок¹¹; теперь они датируются VI в. до н. э.

Результаты количественного спектрального анализа бронзовых вещей, произведенного в кабинете спектрального анализа ин-та Археологии АН СССР. Е. Н. Черных, следующие:

	Cu	Sn	Pb	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
Нож из основной мог. 4		0,06%	0,0013	0,02	0,6	0,13	1,90	0,02	0,60	—	0,001 0,03
Нож из основной мог. 5 (с кольцом)		0,10	0,0015	0,019	0,018	0,18	1,90	0,02	1,10	0,009	0,009 0,01
Наконечник стрелы из основания мог. 7, нах. 4		0,02	0,004	0,01	0,04	0,12	1,30	0,005	1,0	0,004	0,003 0,01
Шило из основной мог. 4		0,07	0,009	0,0025	0,05	0,06	0,75	0,02	0,60	?	0,01 0,03

Таким образом, все вещи, за исключением шила, относятся к мышьяковистой бронзе или к типу I сплава (по И. В. Богдановой-Березовской).

Для тагарских стрел этот тип сплава характерен, но для ножей — нет. Тагарские ножи этой эпохи изготовлялись в основном из мышьяково-оловянистой бронзы (тип сплава II)¹². Тип сплава I более характерен для карасукских ножей. Шило медное, что также нехарактерно для тагарской культуры. Бронзовые вещи из Изыкчуйского кургана оказались по составу металла ближе к карасукским, чем к тагарским. Уникальным является

⁵ Раскопки С. А. Теплоухова, 1926 г., ГЭ 4580—77, 78.

⁶ Раскопки Р. В. Николаева, 1955 г. Архив ИА, ф—1, л. 1083, табл. XXIII, 6, 8, 10.

⁷ Раскопки С. И. Руденко, 1920; МОИМК ТГУ, 6280-124.

⁸ Там же, МИМК ТГУ, 6280-70, 75.

⁹ Раскопки Д. А. Клеменца, 1888, ГИМ, 44848, хр. 85/46, № 20.

¹⁰ Раскопки С. А. Теплоухова, 1929, ГЭ, 5138-29, 34.

¹¹ Минусинский край. ГИМ, 78642, хр. 34/3; там же, Тульский краеведческий музей, «Сибирские древности» 9/12.

¹² И. В. Богданова-Березовская. Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины. Сб. «Новые методы в археологических исследованиях». М.—Л., 1963, стр. 129—130, 117—118.

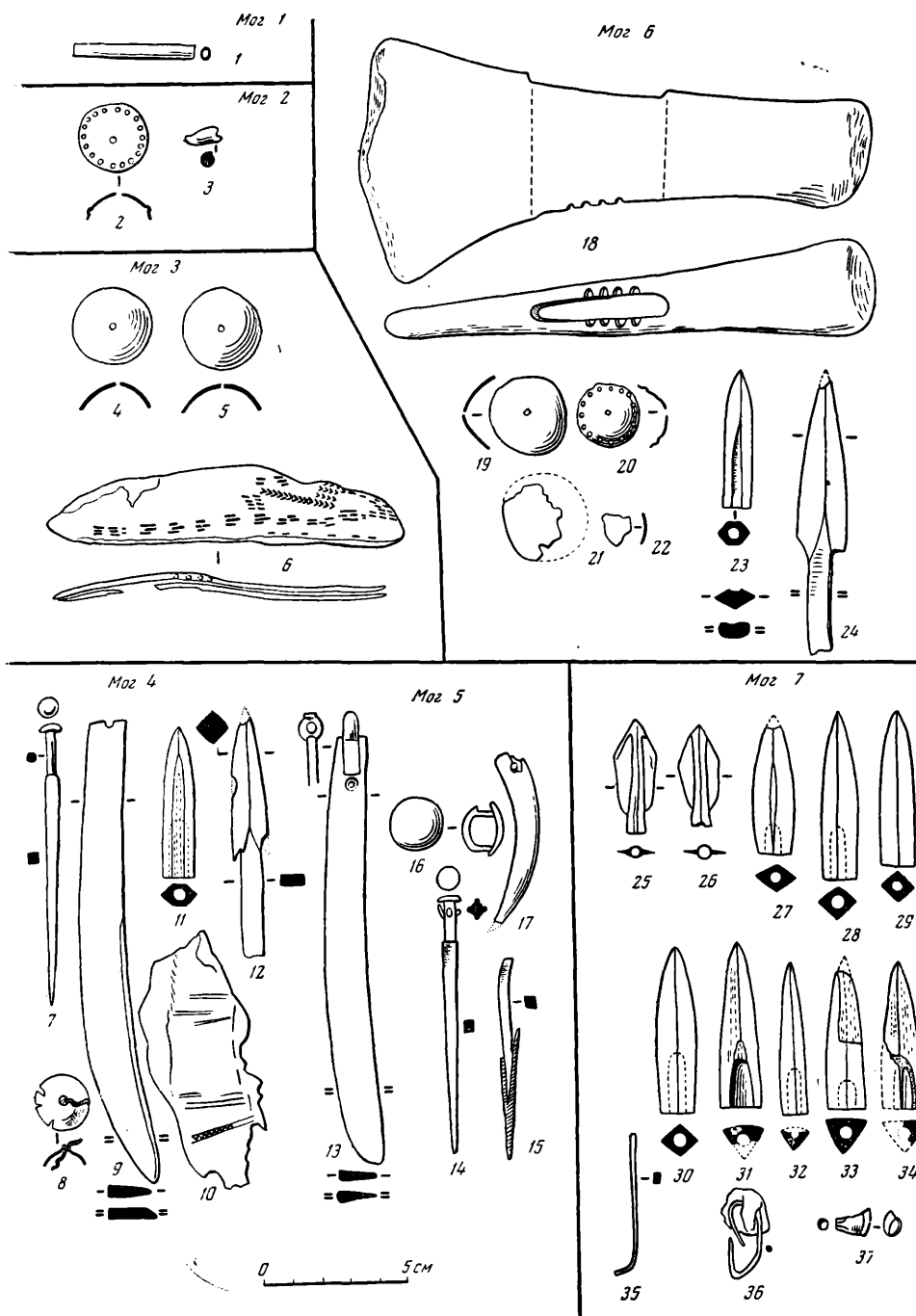

Рис. 46. Вещи из кургана № 8

1 — бронзовая пронизка; 2, 4, 5, 8, 19—22 — бронзовые штампованные бляшки; 3 — обломок бронзового предмета; 6 — кожаная обшивка ножа, вышитая шерстью; 7, 14 — бронзовые шилья; 9, 13 — бронзовые ножи; 10 — кусок кожаной обшивки ножа; 11, 12, 23, 24, 27—34 — костяные наконечники стрел; 15 — бронзовая проколка в футляре из птичьей кожи; 16 — бронзовая литая бляшка-пуговца; 17 — подвеска из клыка кабарги; 18 — роговой топорик (вид сбоку и снизу); 25, 26 — бронзовые наконечники стрел; 35 — бронзовая проколка; 36 — бронзовая «булавка» с куском кожи; 37 — половина бусины из бронзового листка

массивный полированный топорик из рога лося (рис. 46, 18). В тагарских комплексах таких топориков пока не было найдено. Довольно точные аналогии ему находятся в большереченской культуре лесного Алтая (Ближние Елбаны VII, мог. 5, VII—VI вв. до н. э.)¹³ и в ананьинской культуре (Луговской могильник, мог. 37, VII—VI вв. до н. э.)¹⁴; оба они имеют, впрочем, более узкие лезвия. Топорик является, по-видимому, оружием.

Бронзовые ножи, шилья, кинжалы и другие предметы в тагарских погребениях часто находят зашитыми в кожу. Иногда эти чехлы называют ножнами, но это неверно: предмет обычно зашивается в кожу целиком, так что его нельзя извлечь из этого футляра, не распоров его. Именно так был найден бронзовый кинжал в кургане № 6 могильника у г. Ужур¹⁵. Также был зашит в кожу и небольшой бронзовый нож из могилы № 3 Изыкчульского кургана. Грабители распорили футляр и извлекли нож, а футляр за ненадобностью бросили. Футляр с одной стороны был покрашен в красный цвет: на нем сохранились следы вышивки шерстяными нитками, стебельчатым швом (рис. 46, 6). Такие вышитые и раскрашенные кожаные обшивки ножей известны в погребениях Минусинской котловины как более ранней эпохи (Салбык, ограда 4, погр. 2, предтагарское время, около VIII в. до н. э.)¹⁶, так и более поздней (Сарагаш, мог. 42—IV в. до н. э.)¹⁷. Кости животных найдены почти во всех могилах. В тех случаях, когда они сохранили первоначальное положение, они лежали в ногах погребенного, ближе к углу могилы (могилы № 1, 4, 5). Набор костей примерно одинаков: это ребра, лопатка и кости ног коровы.

В целом курган № 8 могильника Изыкчуль II является типичным тагарским курганом VI в. до н. э. Раскопки его доказали существование раннетагарских памятников в этом северном районе, где они до сих пор не были известны. По-видимому, к тому же времени относятся и другие сходные по внешнему виду тагарские могильники, открытые Чулымским отрядом в 1962 г. к северу от Солгонского кряжа: Изыкчуль III, в 2—3 км к северу от дер. Изыкчуль, Суразаков ключ I (к югу от тракта Ужур — Солгон, на окраине поселка Суразакова) и Суразаков ключ II (к северу от того же тракта, на участке между деревнями Васильевка и Изыкчуль). Инвентарь кургана № 8 могильника Изыкчуль II не обнаружил влияний культуры лесных племен, несмотря на близость к таежному Солгонскому кряжу, за исключением, может быть, только рогового топорика — как мы видели, такие топорики свойственны как будто культурам лесных районов. Физический тип людей, похороненных в этом кургане, по заключению В. П. Алексеева, европеоидный. Исследователь отмечает удлиненную форму черепной коробки, вообще характерную для тагарского населения; в целом эта серия не обнаруживает определенных отличий от других тагарских серий.

Дальнейшее исследование этого и других перечисленных могильников позволит точнее ответить на вопрос о взаимоотношениях носителей тагарской культуры с лесным населением этого района.

¹³ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48, 1956, табл. XVIII—10.

¹⁴ А. В. Эбруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 33, табл. II—7.

¹⁵ Раскопки Н. Л. Членовой 1955 г. (Н. Л. Членова. Взаимоотношения степных и лесных племен на границах Минусинской котловины. Сб. «Археология Сибири», № 2. Новосибирск, 1964).

¹⁶ Раскопки С. В. Киселева, 1955.

¹⁷ Раскопки С. А. Теплоухова, 1923, ГЭ, 4131—210, 211, 215.

М. Н. ПШЕНИЦЫНА

НОВЫЙ ТИП ПАМЯТНИКОВ
III—II ВВ. ДО Н. Э. НА ЕНИСЕЕ¹

История племен, населявших степи Минусинской котловины в VII—I вв. до н. э. и оставивших после себя памятники Минусинской курганной (тагарской) культуры, изучена пока еще весьма неравномерно. Наиболее слабо исследован последний этап этой культуры, для которого долгое время считались характерными в основном лишь большие курганы с коллективными захоронениями до ста и более человек в одной деревянной камере — срубке — родовые склепы, одиноко стоящие в степи. По имени одного из четырех известных нам таких курганов М. П. Грязнов назвал этот этап тесинским. Считалось также, что погребения в каменных ящиках, заключенные в ограду, широко распространившиеся в Минусинской котловине на всем протяжении бронзового века, в этот период уже исчезают. Однако раскопки В. П. Левашевой кургана у Мохова улуса поколебали это положение. Здесь в ограде из вертикально поставленных плит оказалось четыре могилы с малым числом погребенных и с инвентарем, характерным для тесинского этапа².

В последнее время большая серия подобных памятников исследована Красноярской экспедицией. В 1960—1962 гг. на р. Карасук в районе сел. Батени — Сарагаш вскрыто три могильника с захоронениями в небольших каменных оградах.

Могильник Карасук V расположен на правом берегу р. Карасук близ с. Батени, около выхода ее из гор в долину Енисея, на площади, занятой могильником афанасьевской культуры (Карасук III), в северо-западном ее конце. В могильнике пять примыкающих друг к другу небольших прямоугольных оград, сооруженных из вертикально поставленных плит (рис. 47). На поверхности были видны выступающие края только нескольких плитоградок. В ряде случаев оградки укреплены с наружной стороны перпендикулярно поставленными плитами (контрфорсы). В каждой оградке было по одной могиле. Кроме того, две могилы находились в промежутках между оградками и одна приставлена к одной из стенок оград с наружной стороны³.

Могила 1. Ограда 2,6 × 1,8 м. В центре на глубине 140 см — каменный ящик, сложенный из шести плит; размеры его 105 × 70 см, высота — 1 м; ориентировка СВ—ЮЗ. Покрытия не сохранилось. Скелеты семи (?) человек лежали один над другим более или менее нарушенные при повторных захоронениях, все плохой сохранности. На дне центральное положение занимал скелет мужчины 40—60 лет, на правом боку, с сильно согнутыми ногами, головой на СВ. Рядом, вдоль северо-западной стенки, часть черепа

¹ Доклад на секторе Средней Азии и Кавказа 3/1—1964 г.

² В. П. Левашова. К вопросу о местных особенностях в погребениях тагарской культуры. СА, 1958, № 1, стр. 174—175, 180—181.

³ Раскопки произведены автором статьи под руководством М. П. Грязнова.

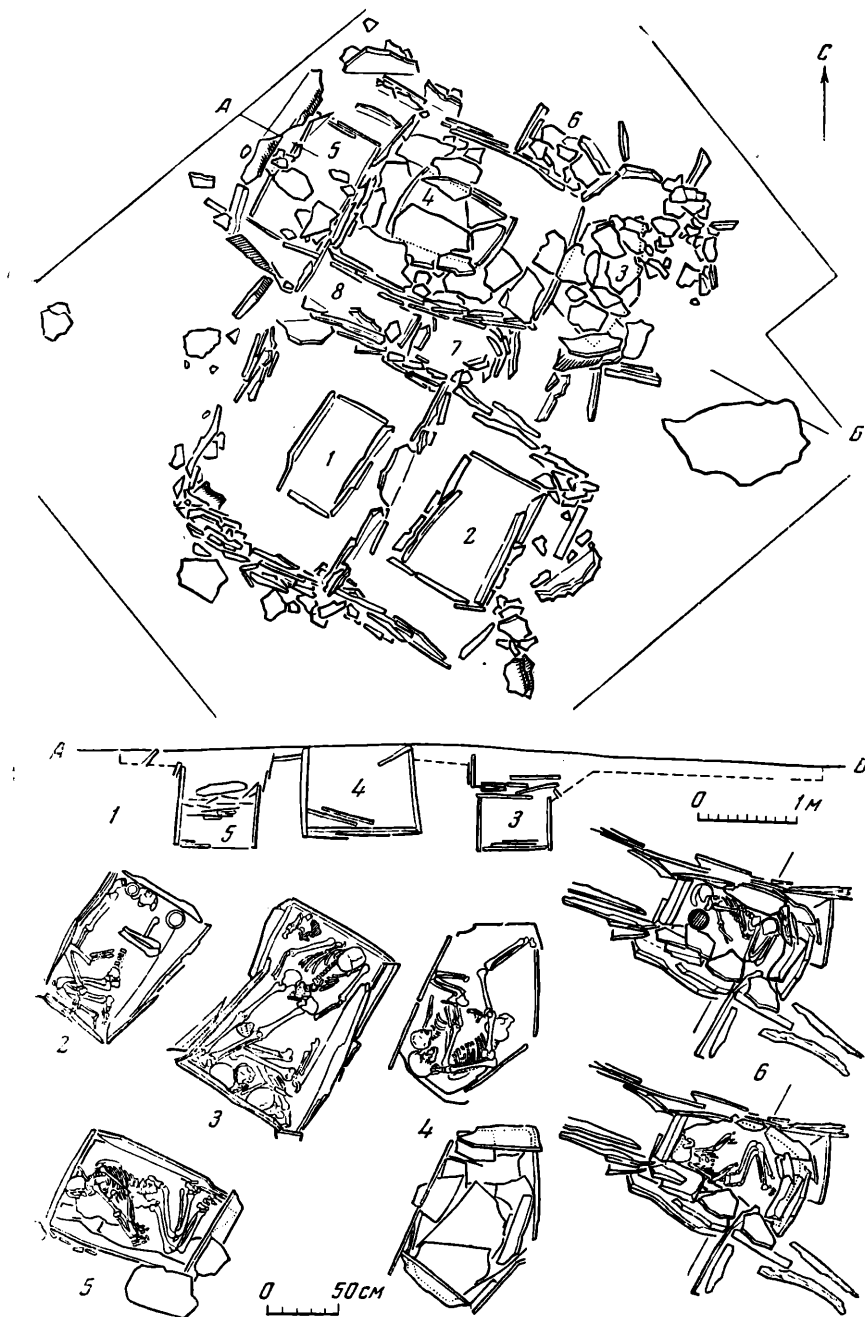

Рис. 47. Могильник Карасук V

1 — план и разрез оград по линии А—Б; 2 — план могилы 1; 3 — план могилы 2; 4 — план могилы 3;
5 — план могилы 4; 6 — план могилы 7

и кости правой руки взрослого человека (25—40 лет). Поверх них кости ног взрослого (25—40 лет) мужчины (?), лежавшего на правом боку с согнутыми ногами. Выше лежали разрозненные кости нескольких погребенных, плохой сохранности. В числе их части трех черепов взрослых мужчин и одной молодой женщины и кости двух детей. Черепа находились в северо-восточном конце могилы. Здесь же стояла глиняная мисочка и небольшой горшок (рис. 48, 10, 12). В заполнении найдено роговое кольцо (рис. 2, 4) и обломки двух плоскодонных горшков (рис. 48, 11, 13).

Могила 2. Ограда $2,6 \times 1,7$ м. В центре, на глубине 1 м — каменный ящик размерами 140×90 см, высотой 90 см, сложенный из шести плит. В заполнении сохранились обломки плит покрытия. Могила нарушена, в ней находились кости от семи погребенных. На дне лежал скелет молодого мужчины (20—25 лет) на спине, положенного по диагонали, головой на СВ. У пояса — железный нож, ложечковидная пронизка и кольцо (рис. 48, 1—3). В северном углу глиняный сосуд в обломках (рис. 48, 17). В заполнении находились кости от шести человек: двух взрослых мужчин, одной взрослой женщины, молодого человека 18—25 лет и двух детей. Среди костей черепки от трех горшков (рис. 48, 14, 15, 16) и кости молодого барана.

Могила 3. Ограда $2 \times 1,2$ м. На глубине 110 см каменный ящик неправильной формы, размерами $125—80$ см, высотой 60 см, сложенный из семи плит. Покрыт плитами в три слоя. Дно выложено плитами. На дне — скелет мужчины 40—60 лет и подростка 7 лет, оба на левом боку, головой на ЮЗ: мужчина со слегка подогнутыми ногами, подросток перед ним, с сильно согнутыми ногами, частично на костях его рук. Правая нога взрослого отброшена поверх тазовых костей, ребер и черепа.

Могила 4. Ограда $2,2 \times 1,8$ м. На глубине 1 м — каменный ящик, размерами 110×65 см, высотой 90 см, сложенный из четырех плит. Плиты покрытия разбросаны внутри ограды, частью остались на месте или свалились вниз. Дно покрыто большой плитой (105×50 см) и несколькими мелкими. Скелет женщины 40—60 лет на правом боку, с сильно согнутыми ногами, головой на СЗЗ. Вещей нет. У северо-восточной стенки ограды — три позвонка барана.

Могила 5. Ограда $2,4 \times 1,1$ м. На глубине 110 см — каменный ящик, размерами 130×65 см, высотой 85 см, сложенный из восьми плит. Могила разграблена. В заполнении — завал из обломков плит покрытия. На дне, выложенном плитами, и в заполнении в полном беспорядке находились кости не менее чем от двух взрослых (в том числе мужчина 40—60 лет) и обломки черепа ребенка, а также черепки глиняного сосуда, кости барана и козла.

Могила 6. Каменный ящик, размерами 60×30 см, высотой 35 см, приставленный с северо-востока к ограде могилы 4. Покрыт небольшими плитками. На дне — плита. На ней несколько обломков костей младенца одного-двух лет. Вещей нет.

Могила 7. На глубине 65 см — каменный ящик неправильной формы, размерами 90×50 см, высотой — 55 см, сложенный из семи плит, втиснут между стенками оград могил 1 и 4. На дне — плита, на ней скелет подростка 9 лет, на левом боку, с подогнутыми ногами. Выше скелет другого подростка, тоже 9 лет, на правом боку, с сильно согнутыми ногами, оба головой на СЗЗ. При погребении второго подростка был поставлен второй ряд плит, как бы образовавших другой ящик несколько меньших размеров (80×40 см). При этом череп нижнего скелета был выброшен в восточный угол могилы, на его место поставлен горшок (рис. 48, 9).

Могила 8. Каменный ящик, размерами 110×50 см, высотой 55 см, расположен также между стенками оград могил 1 и 4. Ящик оказался пустым.

Могили Карасук IX. Одна ограда на левом берегу р. Карасук в верхней части конуса-выноса, в устье сухого лога. Поблизости от нее

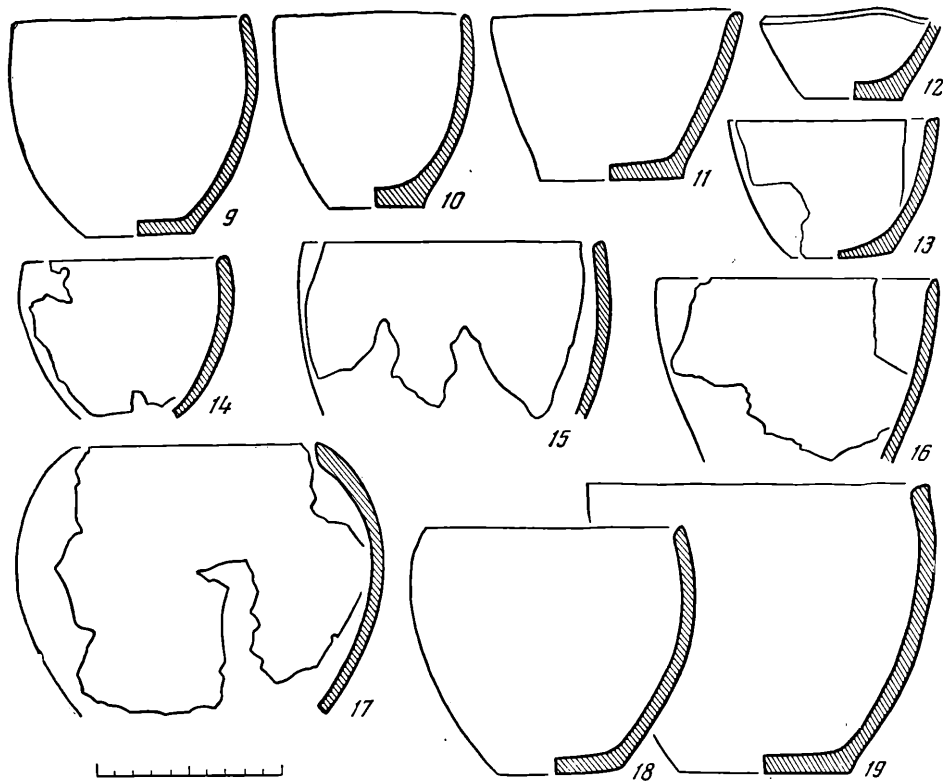
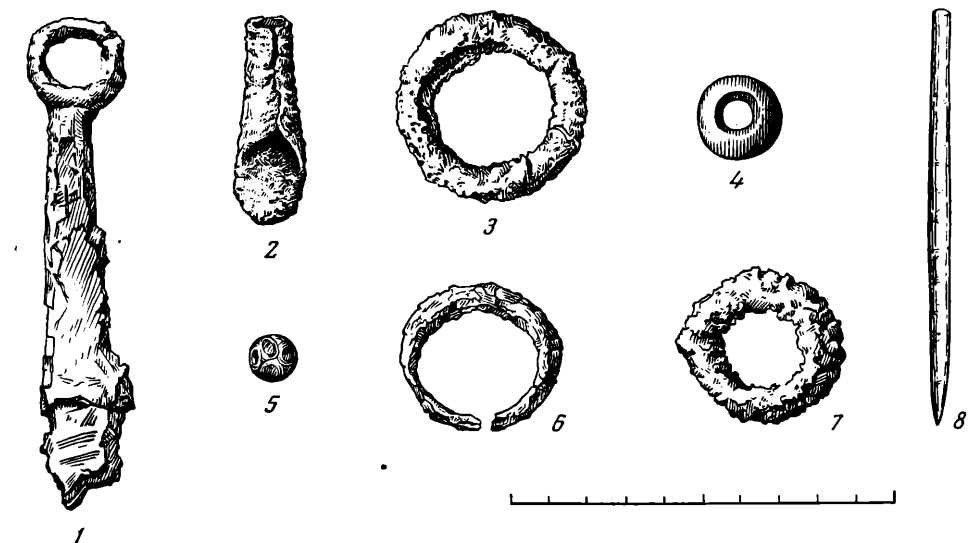

Рис. 48. Вещи из могил тесинского этапа в могильниках Карасук V (1—4; 9—17) и Барсучиха IV (5—8; 18—19)

видны еще в двух-трех местах вертикально стоящие в земле плиты. Возможно, это такие же могильные ограды. Раскопана только первая хорошо видная ограда.

Ограда 1. Прямоугольная, размерами 4×5 м, из вертикально поставленных плит, выступающих на поверхности степи на 5—15 см. Видна изда- лека. Ориентирована с ЮЗ на СВ. Юго-восточная стенка укреплена сна- ружи двумя вертикальными плитами (контрфорсы). В ограде четыре мо- гилы.

Могила 1. В центре на глубине 110 см — каменный ящик, размера- ми 190×75 см, высотой 80 см, сложенный из шести плит. В заполнении — обломки плит покрытия. Одна большая плита (120×60) лежала за се- веро-восточной стенкой ящика. Могила разграблена. В заполнении и на дне в беспорядке кости женщины (?) 40—60 лет. Среди них несколько че- репок от одного сосуда.

Могила 2. У восточного угла первой могилы на глубине 70 см — ка- менный ящик размерами 50×30 см, высотой 30 см, сложенный из четы- рех плит. На дне — скелет младенца до шести месяцев, на спине, головой на ЮЗ. Вещей нет. Ящик заполнен тонкими плитами. Поверх них — вто- рой ряд вертикально поставленных плит, образующих как бы другой ящик несколько бóльших размеров (70×50 см).

Могила 3. В северном углу ограды на глубине 60 см — каменный ящик, размерами 60×40 см, высотой 30 см, сложенный из пяти плит. За юго- западной стенкой ящика, параллельно ей — четыре слоя поставленных на ребро плит. Дно покрыто плитой. Внутри ящика поставлена продольно плита, образующая другой, вдвое меньший ящик (60×20 см). Плита по- крытия (50×20 см) сброшена за юго-восточную стенку ящика. На дне — костяк младенца до шести месяцев, головой на СЗ. Вещей нет.

Могила 4. В западном углу ограды на глубине 120 см — каменный ящик неправильной формы, размерами 80×65 см, высотой 50 см, сложенный из пяти плит. Покрытие из плит, лежавших в три слоя, отделенных друг от друга прослойками земли по 20 см. Плиты лежали на 40 см выше краев ящика. На дне в беспорядке мелкие кости взрослого человека. Череп и крупные кости отсутствуют. Вещей нет.

Могильник Барсучиха IV. В восточной части могильника, состоящего из курганов подгорновского этапа (1-я стадия тагарской культуры), таш- тыхских склепов и кыргызских могил, расположенного на краю Сарагашен- ского увала около Барсучишного лога, близ дер. Сарагаш, в 1960 г. Е. Ф. Седякина раскопала одиночную ограду (ограда 4), а в 130 м на СВ от нее в 1961 г. вскрыла группу из семи могил — две в оградках и пять без оград (могилы 6—9, 9а, 11, 12).

Ограда 4. Прямоугольная ограда, размерами $3 \times 2,1$ м, из вертикаль- но поставленных плит, обнаружена по выступавшим на поверхности земли краям этих плит. С наружной стороны стены укреплены перпендикулярно поставленными плитами (контрфорсы). В ограде пять могил.

Могила 1 (основная). В центре на глубине 150 см — каменный ящик размерами 140×70 см, высотой 60 см, сложенный из четырех плит. По- крыт небольшими плитами в два слоя. Дно выложено плитами. На дне — костяки юноши 15 лет и мужчины 40—60 лет; оба головой на ЮЗ. Юно- ша — на левом боку, с сильно согнутыми ногами; рядом с ним, слева, лежал взрослый, на спине, со слегка подогнутыми ногами. В ногах погребенных — по горшку (рис. 48, 18—19). У взрослого около горшка — обломки желез- ного ножа. На дне могилы — остатки деревянных плашек.

Могила 2. Поверх плит покрытия предыдущей могилы на глубине 80 см — костяк взрослого на правом боку с сильно согнутыми ногами, го- ловой на ЮВ. Вещей нет.

Могила 3. Рядом с предыдущими, но несколько выше, на глубине 60 см, вдоль юго-западной стенки ограды, — каменный ящик размерами $140 \times$

× 60 см. На дне — костяк мужчины 40—60 лет, на спине с согнутыми в локтях руками, головой на СЗ. У локтя левой руки — горшок. Поверх бедренных костей взрослого, отделенные от них слоем небольших плит лежали кости ребенка 2—6 лет и с ними горшок и бедренные кости барана.

Могила 4. Каменный ящик, размерами 80 × 40 см, глубиной 35 см от поверхности, пристроенный снаружи к северо-восточной стенке ограды. Покрыт небольшими плитами. На дне — кости ребенка 1—3 лет.

Могила 5. К юго-восточной стенке ограды с наружной стороны примыкали врытые перпендикулярно ей две плиты, отстоящие друг от друга на 80 см. Между ними на глубине 35 см от поверхности — кости ребенка 3 лет.

Могила 6. Каменный ящик, размерами 100 × 55 см, высотой 45 см, сложенный из пяти плит; ориентировка З — В. Дно покрыто плитой. В заполнении — кости детского скелета. Вещей нет. Могила сооружена на насыпи кургана подгорновского этапа: курган не раскопан.

Могила 7. Прямоугольная ограда, размерами 2 × 1,1 м из поставленных на ребро плит. В ее северном углу — массивный столбообразный камень высотой 85 см, шириной 40 см. На глубине 70 см — каменный ящик размерами 160 × 68 см, ориентировка ССЗ — ЮЮВ. Могила разграблена. В заполнении — обломки плит покрытия. На дне в беспорядке — кости человека, в заполнении — череп другого скелета, костяное острие, стеклянная глазчатая буса и железное кольцо (рис. 48, 5, 6, 8).

Могила 8. Ограда, размерами 1,7 × 1,1 м из вертикально поставленных плит, пристроена с З к предыдущей. Западная стена укреплена перпендикулярно поставленной плитой (контрфорс). На глубине 40 см — каменный ящик, размерами 115 × 65 см, высотой 35 см, ориентировка СЗЗ — ЮВВ. Плиты покрытия разбросаны, частью на месте. Дно выстлано плитой. В заполнении — мелкие обломки костей человека. Вещей нет.

Могила 9. Каменный ящик, размерами 70 × 70 см. Северная стенка не сохранилась, ориентировка С — Ю. Покрыт плитой. На дне — скелет девочки 12—14 лет, головой на С, на спине, с сильно согнутыми ногами, прижатыми к груди. В ногах — отдельные кости младенца в возрасте одного года. У северной стенки два ребра коровы. Вещей нет.

Могила 9а. Каменный ящик размерами 70 × 35 см, высотой 40 см, ориентировка З — В. На дне — кости младенца в возрасте до одного года. Вещей нет.

Могила 11. Каменный ящик размерами 75 × 38 см, высотой 42 см, ориентировка З — В, покрыт плитой, расколовшейся на две части. На дне — кости младенца в возрасте до одного года. Вещей нет.

Могила 12. Каменный ящик размерами 160 × 55 см, на глубине 95 см, сохранились только северная и южная стенки, ориентировка З — В. Покрыт небольшими плитами. На дне — скелет мужчины старческого возраста на спине, со слегка согнутыми ногами, головой на З. Череп деформирован. У кисти правой руки — железное кольцо (рис. 48, 7).

При раскопках могил 7, 8, 9, 9а в верхнем слое почвы найдено 68 черепков не менее чем от 21 глиняного сосуда. Половина их украшена по венчику гладким валиком, остальные без орнамента. Найдены также кости животных: косули, барана, коровы, лошади, зайца и собаки. Это, видимо, культурный слой поселения, датируемого по керамике таштыкским временем.

Всего в трех могильниках раскопано 24 могилы, в которых погребено 43 человека разного возраста.

Могилы представляют собой довольно однородную группу памятников. Прямоугольные ограды, сооруженные из вертикально поставленных плит, чаще всего содержат по одной могиле, реже — несколько. Ограды в большинстве случаев примыкают одна к другой, иногда же расположены поодиночке. Детские могилки либо помещаются между оградой, либо при-

страиваются к оградкам основных могил с наружной или внутренней стороны. Могилы обычно находятся в небольших оградках, размерами до 3×2 м. Только в одном случае (Карасук IX) ограда была больше (4×5 м). Семь детских могил и одна взрослого оград совсем не имели.

Могилы, кроме одной, устроены в виде ящиков, сложенных из плит. Глубина их 60—95 см, детских же 35—40 см. Сверху ящик покрыт плитой в один или несколько слоев. В девяти могилах плитами выстлано и дно.

Состав погребенных таков: две могилы — пятеро взрослых и двое детей, одна могила — двое взрослых и ребенок, три могилы — мужчина и подросток, одна могила — девочка 12—14 лет и младенец, одна могила — два подростка по 9 лет, восемь могил — ребенок в возрасте от 6 месяцев до 3 лет, шесть могил — один взрослый. В могилах, где погребено от двух до семи человек, костяки находятся обычно один поверх другого. Погребенные лежат либо на спине с вытянутыми или подогнутыми ногами (шесть случаев), либо на правом (пять случаев) или левом боку (четыре случая), с согнутыми ногами. Определенной закономерности в ориентировке погребенных не наблюдается. Только в четырех могилах встречены остатки мясной пищи: кости барана, козла и коровы.

Погребения отличаются бедностью сопровождающего инвентаря. В ряде могил вообще нет вещей. Горшки, поставленные либо у головы, либо в ногах погребенного, найдены лишь в пяти могилах. В одной могиле у пояса мужчины лежали нож, ложечковидная пронизка и кольцо. По одному кольцу найдено еще в двух могилах. В одной могиле рядом с горшком положен железный нож. Из других вещей найдены лишь стеклянная глазчатая буса, роговое кольцо и костяное острие.

Сосуды, представленные 13 экземплярами, находят себе полные аналоги среди горшков из Тесинского кургана⁴. Все они плоскодонны, баночной формы, диаметр их устья вдвое больше диаметра дна, темно-коричневого или черного цвета, с лощеной поверхностью. Исключение составляет только один сосуд красного цвета с полусферическим туловом (рис. 48, 17), сохранившийся в обломках и полностью не восстановленный. Среди горшков следует отметить миниатюрную глиняную мисочку, сделанную из старого горшка (рис. 48, 12). Подобные мисочки бытовали на всех этапах Минусинской курганной культуры. Все сосуды без орнамента.

Железный нож с кольцом на рукоятке (рис. 48, 1) подобен ножам из Тесинского кургана⁵; из кургана 8 у оз. Кызыль-Куль⁶, из кургана 1 у Мохова улуса⁷ и Большого кургана Д. Клеменца на Уйбатском чаатасе⁸. Подобная нашей ложечковидная пронизка (рис. 48, 2) найдена в кургане 8 у оз. Кызыль-Куль⁹, только там она бронзовая, а не железная. Такого же типа бронзовые пронизки встречены в Дэрестуйском могильнике в Забайкалье, относящемся ко времени около начала нашей эры¹⁰.

Приведенные аналогии дают полное основание отнести наши погребения к группе памятников тесинского этапа или, по классификации С. В. Киселева, к третьей переходной стадии тагарской культуры.

Теперь мы уже уверенно можем говорить о целой серии погребений в каменных ящиках, обычно в небольших оградках из вертикально постав-

⁴ А. М. Tallgren. *Trouvailles tombales siberiennes en 1889*. SMVA, XXIX-2. Helsingfors, 1921, стр. 4, fig. 3:3; М. А. Дэвлет. К вопросу о тагаро-таштыкских взаимоотношениях. СА, 1961, № 4, стр. 81, рис. 2, 21—24.

⁵ А. М. Tallgren. Указ. соч., стр. 6, fig. 4:10.

⁶ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха. М., 1960, стр. 82, рис. 29—3.

⁷ В. П. Левашева, Указ. соч., стр. 173, рис. 2, 13.

⁸ ОАК за 1889 г., стр. 82.

⁹ Л. Р. Кызласов. Указ. соч., стр. 82, рис. 29—8.

¹⁰ Ю. Талько-Гринцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения РГО, т. IV., вып. 2, 1901, стр. 40, табл. II а; Г. П. Сосновский. Дэрестуйский могильник. ПИДО, 1935, № 1—2, стр. 168, стр. 171—172.

ленных плит. Сюда же относится курган 1 Мохова улуса, впускная могила в кургане 1 афанасьевской культуры в улусе Красный Яр¹¹, а также могильник Третий Лог II на правом берегу Енисея около пос. Байкалово, раскопанный в 1963 г. А. Н. Богдановой. Выделенный тип погребений, продолжающий традиции сооружения оград с каменными ящиками внутри них, которые в степях Минусинской котловины применялись на всем протяжении эпохи бронзы, на последнем этапе Минусинской курганной культуры сосуществует с погребениями в камерах-срубах под большими курганными насыпями. Последние были, по-видимому, усыпальницами основной массы населения этого времени. Эти два типа погребальных сооружений отличаются довольно резко друг от друга не только по своей конструкции и количеству погребенных в них людей, но и по составу сопровождающего их инвентаря; если в больших курганах, несмотря на их ограбление, находятся золотые украшения, предметы вооружения, гипсовые маски, то в наших могилах при погребенных найдены только горшки и ножи, часто же покойники положены вообще без вещей. В больших курганах преобладает сожжение могильных камер, чего мы совсем не встречаем в погребениях с каменными ящиками.

Все это говорит о сложной социальной структуре общества того времени, а, возможно, и о некоторой его этнической неоднородности. Однако только дальнейшие раскопки могильников выделенного нами типа и главным образом вскрытие больших курганов дадут возможность решить все эти вопросы.

¹¹ В. П. Левашова. Афанасьевский могильник Красный Яр в Хакасии. Историко-археологический сборник А. В. Арциховскому. М., 1962, стр. 62—64.

В. А. МОГИЛЬНИКОВ

РАБОТЫ ИРТЫШСКОГО ОТРЯДА В 1962 г.

Летом 1962 г. Иртышский отряд Западно-Сибирской экспедиции сосредоточил свои работы в Тарском районе Омской области по правому берегу р. Иртыш вверх от г. Тары до с. Айткулово. Произведены раскопки I, II Безымянных, Ананьевского городищ и Медовщицких курганов у с. Екатериновки. Кроме этого, разведочным маршрутом были обследованы окрестности населенных пунктов — Айткулова и Атак, где выявлен ряд новых памятников.

При рекогносцировочном изучении производился сбор подъемного материала; в случае отсутствия обнажений культурного слоя производилась шурфовка для определения мощности культурного слоя и приблизительной хронологической принадлежности памятника, а также велась съемка планов вновь открытых памятников.

Городища Ананьевское, I и II Безымянные были открыты в 1945 г. и впервые обследованы В. Н. Чернецовым, он же и произвел на них первоначальное обследование¹.

Безымянное городище I. Этот памятник явился основным объектом работ в сезоне 1962 г. Безымянное городище I расположено на правом коренном берегу Иртыша на высоком мысу, ограниченном с одной стороны глубоким логом, с другой стороны — крутым спуском в заболоченную и поросшую лесом пойму. Городище ограждено тремя валами², которые образуют внутренний, средний и внешний городки. Внешний и средний валы имеют наугольные выступы, которые давали возможность производить фланговый обстрел. Наиболее сильно был укреплен внутренний городок, высота вала которого даже сейчас около 3 м. Разрез, проведенный через вал внутреннего городка, выявил вторичную, песчаную подсыпку (рис. 49, 1). Следов тына на гребне вала в нашем раскопе не было обнаружено, что, может быть, объясняется плохой сохранностью дерева в песке, к тому же песок осыпался с вершины вала вниз.

На поверхности городища прослеживаются многочисленные углубления овальной формы размером 4×4 , 5×5 м, их расположение трудно проследить из-за сплошных зарослей леса.

В среднем городке был заложен раскоп площадью 66 м^2 , который включал одну из таких впадин. Культурный слой городища серого цвета мощностью от 0,4 и до 0,75 м. Культурный слой однородный, не нарушен. В слое находились керамика и кости, вещей мало, насыщенность невелика.

Раскопано жилище (рис. 49, в), которое представляло собой полуземлянку четырехугольной формы, размером $4,5 \times 2,7$ м, углубленную в землю на 0,5 м. В нижней части ее заполнения прослеживались прослойки

¹ В. Н. Чернецов. Результаты археологической разведки в Омской области. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 84—88.

² План городища опубликован (см. В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, № 58, 1957, стр. 219).

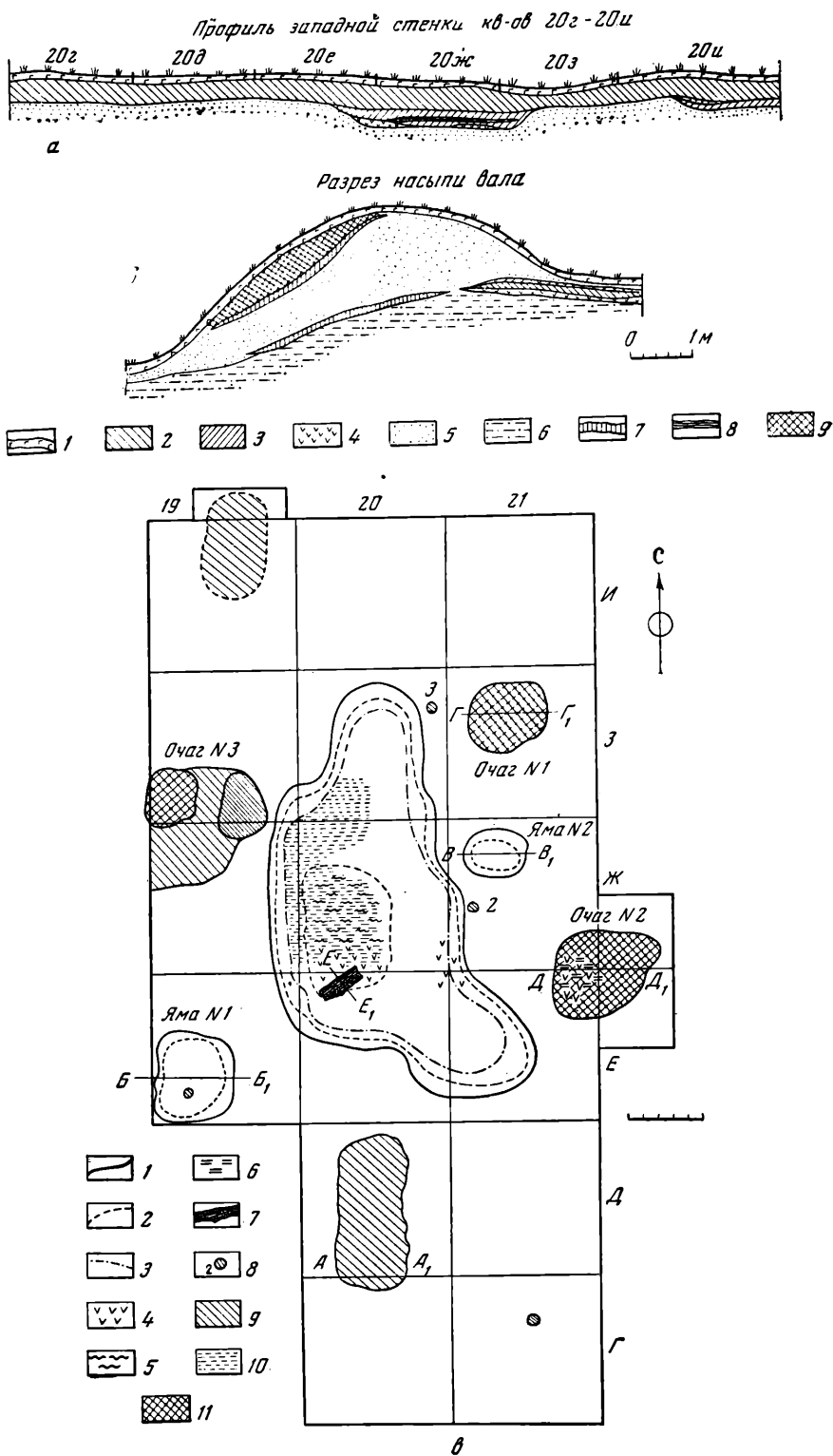

Рис. 49. I Безымянное городище. Профиль западной стенки раскопа по кв. 20 г — 20 и (а); разрез вала (б): 1 — слой дерна; 2 — серый культурный слой; 3 — темно-серый культурный слой; 4 — уголь; 5 — песок; 6 — песок с глиной; 7 — погребенная почва; 8 — слой древесного тлена; 9 — подсыпка вала; план жилища (в).

1 — границы объектов горизонта II; 2 — границы объектов горизонта III; 3 — границы объектов горизонта IV;
 4 — уголь, углистый слой; 5 — зола; 6 — глина обожженная; 7 — обугленное дерево; 8 — столбовые ямы;
 9 — ямы; 10 — древесный тлен; 11 — очаги

сгнившего дерева толщиной около 0,05 м, которые являются остатками пола жилища. Вход в жилище был расположен, вероятно, с юго-восточной стороны, судя по характеру выступа земляночной впадины, и имел ширину около 1,3 м. Недалеко от входа, в юго-западном углу, находился очаг, от которого сохранилось пятно из угля и золы размером $1,15 \times 1,8$ м при мощности 0,15 м; сам очаг имел, вероятно, меньшие размеры.

Характер перекрытия землянки и устройства ее стен трудно восстановить, так как от них не сохранилось никаких остатков. По-видимому, земляная часть стен была облицована деревом, без чего они при песчаном грунте быстро бы осыпались. Перекрытие ее, возможно, носило шатровый характер и состояло из жердей, обложенных берестой и заваленных поверх нее землей и дерном. Нижняя часть этого перекрытия, вероятно, опиралась на простейший сруб, который невысоко возвышался над поверхностью земли, укрепляя нижними венцами подземную часть жилища. Об этом может свидетельствовать остаток бревна, расположенный внутри землянки. Столбовые ямы, представленные в раскопе, немногочисленны и не могут играть существенной роли в реконструкции облика жилища. О существовании у угров шатровых построек свидетельствуют этнографические данные и письменные источники. С. У. Ремезов³ называет все поселения коренных обитателей Сибири «юртами», которые на карте изображает в виде шатров, в отличие от русских «острогов и деревень», которые обозначены избами, прямоугольными срубам. Вероятно, эти обозначения связаны с шатровым типом жилищ аборигенного населения. В более позднее время название юрты укрепилось за всеми деревнями аборигенного населения. О существовании у угров слабо углубленных землянок с шатровым перекрытием говорит З. П. Соколова⁴, указывая, что в более древнее время они имели большую глубину. Она ставит вопрос о появлении в начале II тыс. н. э. сруба, который мог сочетаться с шатровым перекрытием, что может наблюдаться в представленном нами случае.

С другой землянкой, может быть, связано большое пятно темного культурного слоя (размеры $1,62 \times 1,6$ м) с линзообразным сечением очага № 3 внутри него, размером $0,8 \times 0,7$ м (рис. 49, в), которое по характеру своего заполнения близко к жилищной впадине.

За пределами жилища были выявлены два очага. Очаг № 1, размером $1,05 \times 0,95$ м \times 0,1 м, сечение линзообразной формы, состоял из красного прокаленного песка с примесью золы и углей.

Очаг № 2, размером $1,12 \times 1,20$ м \times 0,15 м, в разрезе линзовидный, состоял из темноокрашенного от примеси золы и угля песка и углисто-золистого скопления у его западного края. Находки шлаков около очага № 1 не являются свидетельством использования описанных очагов дляковки или плавки металла. Анализ шлаков, найденных у землянки № 1, проведен в лаборатории ИА АН СССР О. Ю. Круг. Фаялитовый состав говорит о высокой технике выплавки металла, при которой содержание железа в шлаках было невелико. Это говорит о том, что плавка проводилась в примитивных горнах.

Керамический материал раскопа невелик и довольно однообразен. Типологически он может быть разбит на пять основных типов.

К первому типу относятся мискообразные сосуды (рис. 50, 1—5) диаметром до 30 см. С внутренней стороны венчика в ряде случаев имеется небольшой налп (рис. 50, 2), делающий форму сосуда более закрытой. Сверху венчик закруглен, часто скошен внутрь.

Орнамент расположен в верхней части сосудов и состоит из рядов отрисков наклонно поставленного зубчатого штампа, которые иногда обра-

³ С. У. Ремезов. Чертежная книга Сибири, составленная в 1701 году. СПб, 1881, карты.

⁴ З. П. Соколова. К истории жилища обских угров. СЭ, 1957, № 2, стр. 97.

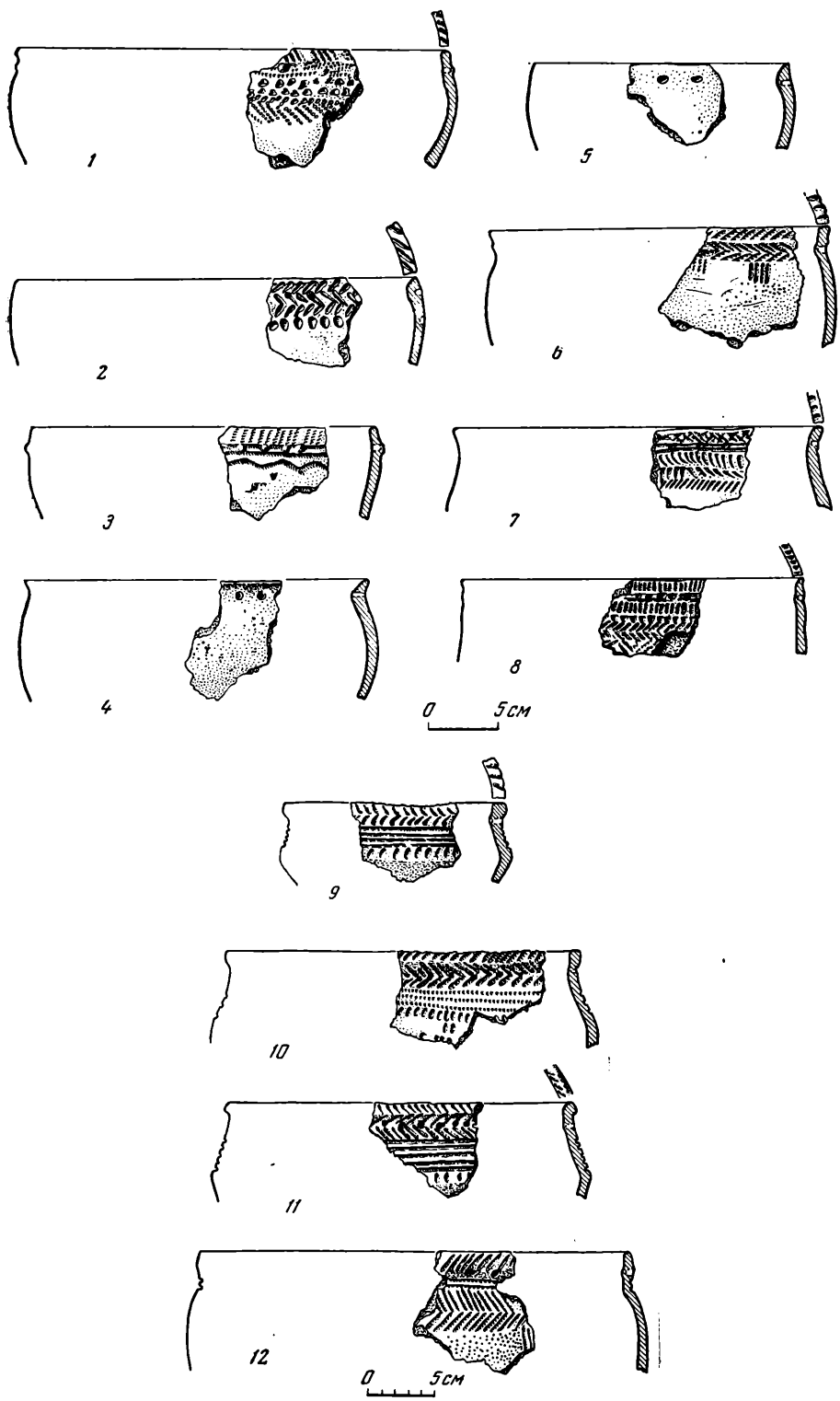

Рис. 50. Керамика из раскопок Безымянного Городища I

зуют елочку (рис. 50, 2—3). Ряды штампа обычно чередуются с рядом круглых ямок или жемчужин. У некоторых сосудов к этим зонам добавляются отпечатки штампа, образующие горизонтальные или зигзагообразные линии, опоясывающие тулово сосуда (рис. 50, 3) и пояски из отпечатков уголка лопаточки или пальцевых вдавлений. В ряде случаев венчик сверху орнаментирован нарезкой или штампом.

Второй тип представлен горшковидными сосудами со слабо выраженным венчиком, который иногда отогнут и скошен внутрь сосуда (рис. 50, 6). Орнамент также сосредоточивается в верхней части сосудов и состоит из горизонтальных рядов отпечатков зубчатого или гладкого штампов, который у некоторых сосудов снизу дополняется фестонами, образованными тремя-четырьмя оттисками отступающей гребенки или горизонтальными прочерченными линиями. Как правило, вдоль венчика идет ряд круглых ямок. В некоторых случаях ямки представляют единственное украшение сосуда. Большинство венчиков имеет по верхнему краю насечку штампом или простой нарезкой.

Третий тип характеризуется чашевидными острореберными сосудами (рис. 2, 9—11) со слегка отогнутым венчиком, имеющим налеп с наружной стороны. Орнаментация расположена главным образом в верхней части — на шейке и плечиках, изредка спускается на тулово сосуда. Элементы орнамента — крупнозубая гребенка или гладкий штамп, образующие горизонтальный елочный узор, ниже которого расположены прочерченные или состоящие из отпечатков штампа линии, опоясывающие плечики сосуда. Внизу их обрамляет ямочный узор, образованный отпечатками пальцев или концом палочки. Поясок из круглых ямок проходит также под венчиком сосудов. Сверху венчики иногда имеют насечку.

Сосуды третьего типа по своей форме и орнаментации не имеют аналогий в керамике, известной с поселений Западной Сибири этого времени. Острореберные сосуды, но с другой орнаментацией, представлены в материале IV Новониколаевского городища⁵, где они орнаментированы шнуром, и из погребения № 69 Барсова городка⁶, где украшение сосуда состоит из оттисков зубчатого штампа, образующего комбинацию из треугольника и горизонтальных параллельных линий.

Четвертый тип представлен сосудами с вертикальным венчиком и выпуклым туловом (рис. 2, 8, 12). Они характеризуются более богатой орнаментацией, выполненной зубчатым штампом и отпечатками палочки. Отпечатки штампа, чередуясь с ямками, образуют зоны из вертикальных оттисков, елочки и зигзагов. Венчик скошен внутрь и имеет насечку зубчатого штампа по верхнему краю.

Керамика этого типа представлена на IV Новоникольском городище, которое хронологически предшествует и частично, может быть, синхронно I Безымянному. На IV Новоникольском городище, хронологически более раннем, четвертый тип является наиболее многочисленным, здесь же он представлен в меньшинстве. Сосуды первого типа, малочисленные на IV Новоникольском городище, составляют значительную массу на I Безымянном.

Пятый тип керамики по форме близок к четвертому, но отличается по орнаментации, которая образует зоны взаимопроникающих треугольников, с поперечными насечками, выполненными зубчатым штампом или нарезкой.

Он также имеет свои прототипы в более ранних памятниках оронтурского этапа⁷, но существует и в более позднее время.

⁵ В. А. Могильников. Отчет о работах Иртышского отряда Западно-Сибирской археологической экспедиции за 1961 г. Архив ИА АН СССР, № р-1, 2379, стр. 25.

⁶ Т. I. Agne. Barsoff Gorodok. Stockholm, 1935, fig. 140.

⁷ В. Н. Чернецов. Указ. соч., табл. XXVII.

Вся керамика круглодонна, одинакова по фактуре глиняного теста, которое не имеет заметных на глаз примесей, по орнаменту, небрежности нанесения его, по характеру ровного заглаживания поверхности. Эти особенности и однородность культурного слоя позволяют говорить о синхронности описанных выше керамических типов.

О хозяйстве обитателей городища дают представление костные остатки, которые говорят о наличии скотоводства, охоты и рыболовства. Из-за небольшого масштаба раскопочных работ костный материал относительно невелик. По определению В. И. Цалкина, в стаде были представлены лошади и мелкий рогатый скот. Кости диких животных составляют, по числу особей, около 50%, среди них — лось, соболь, бобр и заяц. О занятии охотой говорят также находки костяных наконечников стрел.

В нижней части заполнения землянки было встречено большое количество костей и чешуи рыб. По определению аспиранта кафедры ихтиологии МГУ Е. И. Цепкина, они принадлежат щуке, окуню, карасю и основная масса чешуи — язю. Прямых свидетельств о занятии земледелием не имеется; о нем можно говорить косвенно, по находке железного кельта на дне землянки, который мог использоваться в качестве мотыги.

Ввиду того, что в раскопе на городище не было встречено точно датируемых вещей, дата его определяется в основном по керамике. Нижняя дата может быть определена по находке заклепок от медного котла, которые были найдены на дне землянки. Аналогичные медные котлы хотя и существуют очень длительное время, но появляются не ранее VIII в. Наиболее ранние находки их представлены в могильнике Мыдланшай, где хорошо датируются монетами второй половины VIII в.⁸

Керамика городища находит аналогии в материале Барсова городка. Чашевидные сосуды 1-го типа близки керамике из погребения № 15⁹, которое по браслетам обского типа (с головами медведей) может быть датировано IX—XII вв.

Сосуды с прямым или слегка отогнутым венчиком четвертого типа близки керамике из могилы № 3¹⁰, которая по коньковой привеске и дутым пронизкам также может быть отнесена к IX—X вв.

Принимая во внимание длительное переживание представленных форм керамики в лесной полосе Западной Сибири, городище может быть датировано IX—XII вв. н. э.

По облику материальной культуры I Безымянное городище входит в круг памятников Нижнего и Среднего Прииртышья и Приобья конца I — начала II тыс. К числу их следует отнести городища: Аксеновское, I и IV Новониколаевские, Панный бугор, Кинтусовское и Самаровское, курганы Аксеновские, Эбаргульские и, вероятно, часть курганов у сел. Утьма, Ильчебага, Усть-Ишимского района и Карагай Дубровинского района, грунтовой могильник Барсов городок.

Все эти городища являлись хорошо укрепленными крепостями, что свидетельствует о военных столкновениях в это время. Наличие городищ и соответствующих им могильников в лесном Прииртышье говорит о существовании в это время на данной территории культурной и этнической общности.

I Безымянное городище находилось на южной окраине ее. Вверх по Иртышу от устья р. Тары аналогичных памятников нет. Северная граница их идет по низовьям Оби, северо-восточная несколько выше Сургута, восточная проходит, вероятно, по водоразделам притоков Оби и Иртыша, западная захватывает низовья Ишима, Тобола и более северных притоков

⁸ В. Ф. Геннинг. Древнеудмуртский могильник Мыдлан-Шай. Сб.: «Вопросы археологии Урала», вып. III. Свердловск, 1962, табл. XIII, 8—9.

⁹ T. J. Agne. Varsoff Gorodok. Stockholm, 1935, fig. 40.

¹⁰ Там же, fig. 18.

Оби. Этот район почти точно совпадает с территорией расселения хантов в XVII в¹¹; выделенная культурная общность принадлежала предкам хантов.

На городище в траншее во внутреннем городе, кроме керамики описанных типов, в верхней части культурного слоя были представлены фрагменты грубо сделанных сосудов, орнаментированные сплошными неровными отпечатками крупного зубчатого штампа. Керамика этого типа представлена на соседнем Ананьевском городище, в верхнем слое городища Голая Сопка¹², около устья р. Ишима, на Вознесенском городище на р. Оми¹³. По аналогии с материалом Голы Сопки и Вознесенского городища она может быть датирована XIV—XV вв. н. э. и свидетельствовать о вторичном заселении городища. Находки керамики этого типа в верхнем слое еще раз подтверждают правильность ее датировки II тыс. н. э., несмотря на кажущуюся архаичность ее орнамента. Появление нового керамического материала следует связывать с приходом нового населения, которое жило вперемежку со старым, хантыйским. Новых пришельцев следует связывать с тюрками. Появление их на среднем Иртыше относится, вероятно, к XII—XIII вв. Оно в основном совпадает с периодами походов Чингис-хана и Батыя и вызванными в связи с этим передвижениями населения, частично тюркского, отступавшего из степных и лесостепных районов в более северные области.

¹¹ Историко-этнографический атлас Сибири, М., 1961. Карта расселения народов Сибири в XVII в.

¹² В. А. Моги́льников. Отчет о работе Иртышского отряда., стр. 16.

¹³ В. П. Лева́шова. Вознесенское городище. Тр. Государственного Западно-Сибирского музея, вып. I. Омск, 1928.

III. ХРОНИКА

ОБЪЕДИНЕННАЯ СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ
НАУК АН СССР И ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
АН БССР

С 19 по 25 апреля 1963 г. в Минске проходила Объединенная сессия Отделения исторических наук АН СССР и Отделения общественных наук АН БССР, Пленум Института археологии АН СССР и института истории АН БССР, а также расширенное объединенное заседание Ученых Советов Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР и Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР.

В работе Сессии приняло участие свыше 400 человек, представлявших научно-исследовательские институты, вузы и музеи почти 100 городов нашей страны. На сессионных, пленарных и секционных заседаниях заслушано около 200 докладов, посвященных важнейшим археологическим и этнографическим исследованиям 1962 г., проведенным в различных районах нашей страны и охватившим памятники различных эпох: от палеолита до средневековья. Значительная часть докладов была посвящена результатам археологических и этнографических исследований 1962 г. на территории Белорусской ССР.

Сессию открыл директор Института археологии АН СССР, академик Б. А. Рыбаков, выступивший с обзорным докладом «Археология и этнография в системе исторических знаний».

С докладом «Итоги и задачи археологического изучения БССР» выступил директор Института истории АН БССР, член-корреспондент АН БССР И. С. Кравченко. Докладчик отметил, что в результате широких планомерных археологических исследований на территории Белорусской ССР за последние годы были открыты и исследованы неизвестные ранее памятники эпохи палеолита, неолита, бронзы, раннего железа и эпохи раннего феодализма, имеющие большое значение для воссоздания древней и средневековой истории Белорусской ССР, а также для решения проблемы этногенеза славян.

В докладе «О состоянии охраны памятников культуры и архитектуры в БССР» В. Р. Тарасенко (Минск) сообщил, что в послевоенные годы в республике была проведена большая работа по учету и охране памятников культуры. В 1949 г. Совет Министров БССР принял специальное решение об охране археологических и исторических памятников БССР. Однако, несмотря на проведенные мероприятия, состояние охраны памятников в Белоруссии нельзя признать удовлетворительным. Многие памятники подвергаются совершенно неоправданному разрушению (Детинцы древних Минска, Пинска, Полоцка, Благовещенский собор XII в. в Полоцке, комплекс из трех бельчицких храмов XII в., могилевская ратуша XVII в. и др.), а исполкомы на местах не принимают необходимых мер по их охране. С целью принятия решительных мер по улучшению охраны памятников докладчик предложил ряд конкретных мероприятий.

Об уникальных находках в курганах на Нижнем Дону сообщила С. И. Капошина (Ленинград). Исключительный интерес представляет курган, раскопанный в 1962 г. на западной окраине г. Новочеркаска Ростовской области, в котором были обнаружены: два бронзовых котла, бронзовая ваза италийского происхождения, глиняная амфора, сероглиняная гидрия и большой серебряный лутерий (вес его 6 кг), перекрывавший восемь серебряных чаш и 18 золотых украшений конской узды. Эти находки принадлежали сарматской знати. Они являются памятниками античного искусства, относящимися к рубежу нашей эры, и свидетельствуют о торговых и культурных связях Нижнего Подонья с античным миром.

Памятникам древнего зодчества Белоруссии был посвящен доклад М. К. Каргера (Ленинград), в котором он отметил, что на территории Белорусской ССР: в Минске, Витебске, Полоцке, Гродно, Волковыске, Турове, Пинске, Новогрудке, Бресте и Каменце — сохранились замечательные памятники древнего зодчества XI—XIII вв., свидетельствующие о своеобразии местной строительной техники (не повторяющей приемы других древнерусских школ) и имеющие выдающееся историко-культурное значение.

В докладе «Новый памятник смоленской архитектуры XII—XIII вв.» Н. Н. Воронин (Москва) сообщил об исследовании в Смоленске остатков храма, относящегося к концу XII — началу XIII в. Хорошо сохранившаяся фресковая роспись впервые дает представление о смоленской монументальной живописи XII—XIII вв. Значительный интерес представляют граффити, связанные с историей смоленской церкви. Исследованный памятник представляет выдающийся интерес не только для смоленского зодчества XII—XIII вв., но и для истории русской архитектуры этой поры в целом.

Особый интерес у участников Сессии вызвали обобщающие доклады Е. И. Крупнова и В. В. Седова, посвященные вопросам этногенеза.

В докладе «Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность» доктор исторических наук Е. И. Крупнов (Москва) подчеркнул, что при изучении истории разноязычного Кавказа прежде всего встает одна из кардинальных этногенетических задач — проблема происхождения коренных народов Кавказа, ныне образующих особую языковую группу, так называемую «иберийско-кавказскую» семью языков. Исторической разработке и научному освещению этой проблемы будет способствовать изучение культуры Кавказа III тыс. до н. э., являющееся одним из важнейших достижений кавказской археологии советского периода. Успешное решение этой проблемы — дело будущего. Оно потребует активных усилий археологов, антропологов и лингвистов.

Оживленную дискуссию вызвал доклад В. В. Седова (Москва) «Гидронимика и археология средней полосы Восточной Европы». Сопоставив материалы гидронимики с археологической картой второй половины I тыс. н. э., докладчик сделал вывод, что дославянским населением территории Белоруссии, Верхнего Поднепровья, значительной части Подвинья и западных районов Волги-Окского междуречья были племена, принадлежавшие к балтийской языковой группе.

С большим интересом участники Сессии заслушали доклад Б. А. Колчина (Москва) «Методы естественных наук в археологии». Применение методов естественных наук открывает новые, ранее совершенно неизвестные стороны и свойства археологических источников и имеет большое значение в изучении техники, хозяйства и производительных сил древних обществ. В настоящее время для датировки археологических находок наиболее перспективными являются радиоуглеродный, археомагнитный и дендрохронологический методы. Структурный анализ в археологии широко использует металлографию и петрографию. Спектральный анализ металлов, сплавов, стекла, керамики позволяет решать вопросы происхождения материалов.

Пыльцевой, почвенный и другие биологические анализы позволяют реконструировать палеогеографические и палеоклиматические условия древних исторических эпох, а агробиологический анализ зерновых материалов воссоздает системы древнего земледелия. В полевой практике археологов могут широко применяться различные геофизические методы разведки археологических памятников. При изучении массового археологического материала назрела необходимость применения математической статистики и современных кибернетических средств.

На заключительном заседании Сессии было заслушано интересное сообщение Б. Б. Пиотровского (Ленинград), только что вернувшегося из ОАР. об итогах археологических исследований в зоне затопления Асуанской ГЭС и в Судане. Советская экспедиция в ОАР в 1962—1963 гг. открыла и исследовала новые поселения, могильник и неизвестные до сих пор древнейшие надписи.

На заседаниях Пленума Института археологии АН СССР и Института истории АН БССР с докладами выступили: Н. Н. Гурина (Ленинград), И. И. Артеменко (Москва), Ю. В. Кухаренко (Москва), Г. В. Штыхов (Минск), П. И. Засурцев (Москва), Ф. Д. Гуревич (Ленинград).

Н. Н. Гурина в докладе «К вопросу о неолитических шахтах в Восточной Европе» сообщила об исследовании неолитических шахт по добыче кремня у Красного Села Волковыского района Гродненской области БССР. Получены интересные данные о конструкции шахт, об орудиях добычи и о первичной обработке кремня.

Доклад И. И. Артеменко «Верхнее Поднепровье в эпоху позднего неолита и бронзы» был посвящен памятникам позднего неолита и особенно эпохи бронзы Верхнего Поднепровья, представляющим значительный интерес для проблемы этногенеза восточных славян. Докладчик сообщил, что на территории Верхнего Поднепровья до конца III тыс. до н. э. жили неолитические племена, занимавшиеся охотой и рыболовством. В конце III—начале II тыс. до н. э. здесь расселяются с Среднего Поднепровья скотоводческо-земледельческие племена среднеднепровской культуры эпохи бронзы, входившие в область распространения «культур шнуровой керамики» или «культур боевых топоров»; племена которых, по мнению многих археологов, лингвистов и антропологов, представляли собой одну из групп древних индоевропейцев — предков славян, балтов и германцев. В середине II тыс. до н. э. на основе среднеднепровской культуры сложилась сосницкая культура, близкая тшцинецкой и комаровской культурам эпохи бронзы. Еще неизвестно, как долго существовала сосницкая культура, неизвестны и памятники поздней бронзы Верхнего Поднепровья. Поэтому для успешного решения проблемы этногенеза восточных славян необходимо обратить особое внимание на исследование памятников поздней бронзы и определение их связи с памятниками раннего железного века.

Большую дискуссию вызвал доклад Ю. В. Кухаренко «Могильник Брест-Тришин» (к вопросу о так называемой готско-гепидской культуре на территории Полесья и Волыни). Докладчик сообщил о результатах раскопок могильника в дер. Тришин на восточной окраине Бреста в 1960—1961 гг. По его мнению, этот могильник и подобные ему памятники на территории Полесья и Волыни в культурно-историческом отношении составляют одно целое с памятниками так называемой готско-гепидской культуры Нижнего Повисленья и появились на нашей территории в результате переселения сюда какой-то части нижневисленского населения. Докладчик предполагает, что среди пришельцев, помимо готов и других германских племен, находились также и славяне. Часть пришельцев осела на территории Полесья и Волыни, а остальные двинулись против спалов (сармат?), победили их и достигли Черного моря. В последующее время наблюдается постепенная инфильтрация готских и связанных с ними племен в среду населения черняховской культуры.

Археологическому изучению древнерусских городов были посвящены доклады Г. В. Штыхова (Минск) «Археологическое изучение Полоцка»; П. И. Засурцева (Москва) «Усадьбы древнего Новгорода»; Ф. Д. Гуревич (Ленинград) «Древнерусский Новогрудок».

На заседаниях секций палеолита, неолита, энеолита и бронзы, археологии железного века и нумизматики было заслушано 122 доклада и сообщения, в обсуждении которых приняло участие около 200 человек.

На секции палеолита сделано 15 докладов и сообщений. Доклад А. П. Черныш (Львов) был посвящен исследованию мустьерского поселения на многослойной палеолитической стоянке Молдова-V. Полученные материалы подтверждают положение о генетической связи позднепалеолитических памятников со среднепалеолитическими. Наличие мустьерских коллективных жилищ позволяет считать, что род возникает в позднемустьерское время.

В докладе «Стратиграфическое положение Волгоградской палеолитической стоянки» А. И. Коптев пришел к выводу, что горизонты, к которым приурочивают обычно остатки мустьерской культуры, относятся к самому началу юрма. Ф. М. Заверняев (Брянск) сообщил о результатах исследования нижнепалеолитического поселения в с. Хотылево Брянской области, которые он датирует раннемустьерским временем. О новом нижнепалеолитическом местонахождении в Северном Приазовье доложил В. Н. Гладилин (Киев).

В. Д. Будько (Минск) рассказал о раскопках Юдиновского верхнепалеолитического поселения в Брянской области. На поселении обнаружены остатки жилища площадью 14×10 м, основание которого выложено черепами, трубчатыми, тазовыми и лопаточными костями мамонта. А. А. Величко и Р. В. Федорова (Москва) сообщили о новых данных по палеографии и стратиграфии Костенковских стоянок. С большим вниманием было заслушано сообщение В. М. Мотуз (Минск) о значении использования фауны четвертичных моллюсков при археологических исследованиях. Изучение фауны наземных и пресноводных моллюсков, захороненных в местах поселений древнего человека, наряду с другими методами, позволяет выяснить особенности обитания погребенных биотипов, генезис отложений, проследить изменение климатических условий, что крайне важно для обоснования палеогеографических построений, определения возраста стоянок, стратиграфического расчленения антропогена и восстановления истории развития ландшафтов.

П. И. Борисовским (Ленинград) был сделан обзор новых тарденуазских памятников юго-запада СССР. Доклад Г. П. Григорьева (Ленинград) был посвящен характеристике эпохи мадлена и мезолита на территории СССР.

Д. Н. Леви (Самарканд) сообщил об итогах пятилетних (1958—1962 гг.) археологических исследований поселения древнекаменного века в г. Самарканде, относящегося к началу позднего палеолита. Большой интерес вызвал доклад Б. И. Гуслицера и В. И. Канивца (Сыктывкар) об исследовании нового памятника средней поры верхнего палеолита на Печоре — Медвежьей пещеры. О результатах исследований Гагаринской стоянки в 1962 г. рассказал Л. М. Тарасов (Ленинград).

В докладе «Новые данные по палеолиту Ангары и Енисея» Э. А. Абрамова (Ленинград) сообщила, что раскопки палеолитических поселений на Ангаре и Енисее позволяют внести некоторые уточнения и дополнения в схему классификации и периодизации верхнего палеолита Восточной Сибири.

Л. П. Хлобыстин (Ленинград) рассказал об исследовании палеолита на поселении р. Бирюсы (Енисей), Г. Медведев (Иркутск) — о стратиграфии мезолита Усть-Белой.

На секции неолита, энеолита и бронзы заслушано 44 доклада и сообщения.

Интересные доклады были посвящены раскопкам трипольских памятников. С. Н. Бибиков (Киев) сообщил о раскопках поздне трипольского поселения Гребени; Т. Г. Мовша (Киев) — о раскопках поздне трипольского поселения в с. Жванець Хмельницкой области. Доклад Т. С. Пассек (Москва) был посвящен характеристике металлических изделий трипольских племен. Е. К. Черныш (Москва) рассказала о новых исследованиях молдавской археологической экспедиции в 1962 г., в результате которых в северо-западном Причерноморье (в Добрудже) были обнаружены совершенно новые для территории СССР поселения культуры Гумельницы, относящиеся к IV тыс. до н. э.

В. И. Маркевич (Кишинев) сделал доклад о новых исследованиях неолитических памятников Молдавии. Ю. А. Краснов (Успенское) сообщил о раскопках 1-й Звенигородской неолитической стоянки; Р. К. Римагтене (Вильнюс) — об исследовании стоянок каменного века в Литве; Т. Д. Белановская (Ленинград) — о неолитическом поселении Ракушечный Яр в Ростовской области. Доклад В. Ф. Исаенко (Минск) был посвящен некоторым итогам изучения памятников неолита и бронзы юга Белоруссии, а доклад Е. Г. Красковской (Минск) — раскопкам торфяниковой стоянки Кривина в Витебской области. И. К. Свешников (Львов) рассказал о кремневых копиях эпохи энеолита у с. Городок Ровенской области. Новые интересные материалы были получены Д. Я. Телегиным (Киев) при раскопках Дериевского поселения и могильника эпохи меди на Среднем Днепре.

Н. Н. Гурина (Ленинград) сообщила об исследовании мезолита и неолита по материалам поселения Бирюсы (Енисей); В. В. Свинин (Иркутск) — о неолитической культуре междуречья Ангары и Енисея. Доклад Г. М. Зайцева (Иркутск) был посвящен стратиграфическому положению неолитического комплекса на многослойном поселении Усть-Белая. Г. И. Андреев и И. Ю. Фомин (Москва) рассказали об исследовании неолитического поселения Подкаменной Тунгуски. Н. Н. Диков (Магадан) доложил об археологических исследованиях в долине р. Камчатки в 1961—1962 гг.; В. П. Денисов (Пермь) — о новых археологических памятниках эпохи неолита и бронзы в Верхнем Прикамье.

О раскопках поселения эпохи ранней бронзы в уроч. Исковщина под Каневом сообщил Н. Н. Бондарь (Киев). Т. Д. Златковская (Москва) рассказала об антропоморфном изваянии из с. Александровское Флорештского района Молдавской ССР, относящемся к раннекатакомбному времени, — рубежу III—II тыс. до н. э.

Раскопкам курганов эпохи бронзы в Херсонской области были посвящены доклады И. Д. Ратнер (Херсон) и А. А. Шепинского (Симферополь). В курганах были обнаружены разновременные погребения, относящиеся к ямной, катакомбной, срубной и другим культурам. Е. Н. Черепанова и А. А. Щепинский (Симферополь) доложили о новых погребениях эпохи раннего металла в Крыму, позволяющих поставить вопрос о существовании в степных районах северо-восточной части Крымского полуострова в III — первой половине II тыс. до н. э. особой племенной группы, культура которой условно названа Кеми-Обинской культурой. Памятники этой культуры, по мнению докладчиков, находят себе аналогии на Кавказе, в памятниках майкопской культуры.

В докладе «Новые материалы по истории племен эпохи бронзы Западной Башкирии» К. В. Сальников (Уфа) ставит вопрос о выделении на территории Западной Башкирии особой культуры эпохи бронзы, близкой к андроновской культуре, но во многом отличной от нее. И. Т. Черняков (Одесса) рассказал о новых находках Сабатиновского этапа поздней бронзы в северо-западном Причерноморье, а А. П. Савчук (Киев) — о памятниках лебедивского типа эпохи поздней бронзы.

Изучению Майкопской культуры были посвящены доклады А. Д. Столяра (Ленинград) «Исследование кубанского энеолитического поселения Мешоко в 1962 г.», П. А. Дитлера (Майкоп) «Поселение Майкопской культуры Ясеновая Поляна», Л. Н. Соловьева «К вопросу о происхождении Майкопской культуры».

Б. В. Техов (Цхинвали) сообщил об археологических раскопках Тлийского могильника в верхнем течении р. Большой Лиахви, в котором были обнаружены погребения, относящиеся к середине II тыс. до н. э. и к концу II — первой половине I тыс. до н. э. В. И. Марковин (Москва) рассказал об археологических работах в Чечне в 1962 г.; В. М. Котович (Махачкала) — о результатах изучения Верхнегунибского поселения; А. О. Мнацаканян (Ереван) — о раскопках в Лчашене в 1962 г. и о датировке Лчашенской культуры. Доклад А. А. Мартиросяна (Ереван) был посвящен периодизации археологических памятников Армении в эпоху бронзы и раннего железа. Особый интерес вызвал доклад В. Г. Котович (Махачкала) «О ранних этапах этногенеза народов Дагестана по данным археологии».

Т. Н. Троицкая (Новосибирск) сообщила о раскопках памятников андроновской и карасукской культур в Новосибирской области в 1959—1962 гг. Г. А. Максименков (Ленинград) в докладе «Об Окуневской эпохе на Енисее по раскопкам 1962 г.» доложил, что памятники Окуневского типа принадлежат к особой культуре и появились в Минусинской котловине извне. Э. Б. Вадецкая (Ленинград) рассказала о новых находках каменных стел эпохи бронзы в Минусинской котловине, которые она датирует окуневским временем.

О новом районе карасукской культуры на р. Ине (правый приток р. Оби) сообщил А. И. Мартынов (Кемерово). П. П. Хороших (Иркутск) рассказал о культуре бронзы на Байкале; Р. В. Николаев (Красноярск) — об археологических исследованиях Абакан-Тайшетской экспедиции Красноярского краевого музея в 1962 г.

На секции железного века заслушали 53 доклада и сообщения. Большой интерес вызвал доклад О. Н. Мельниковской (Москва) о милоградской культуре. Исследования последних лет позволили докладчику уточнить территорию распространения и датировку культуры. Археологические и лингвистические данные, по мнению докладчика, позволяют ставить вопрос о принадлежности памятников милоградской культуры неврам — далеким предкам современных восточнославянских народов.

В. Б. Никитина (Минск) сообщила о памятниках поморской культуры V—I вв. до н. э. на территории Брестской области БССР, которые вместе с аналогичными памятниками соседних районов Украины составляют юго-восточную группу поморской культуры, распространенной в Повисленье.

Л. И. Крушельницкая (Львов) рассказала о раскопках могильника высоцкой культуры в г. Золочеве; А. Д. Прякин — о новых поселениях раннего железного века в бассейне Среднего Дона; Ю. А. Липкинг (Курск) — о керамических блоках городищ раннего железа и роменских городищ Курской области; Б. А. Шрамко (Харьков) — о раскопках на Люботинском городище скифской эпохи в 1961—1962 гг.; Ю. А. Савватеев (Петрозаводск) — о поселениях эпохи металла в низовье р. Выг (Карелия).

Е. А. Шмидт (Смоленск) в докладе «Смоленские городища раннего железного века и их отношение к некоторым другим локальным группам верхнеднепровских городищ» сообщил, что племена культуры городищ верхневьев Днепра VIII в. до н. э. — начала IV в. н. э. вместе с юхновскими и верхнеокскими племенами составляли этнически родственную общность, которая обнаруживает много общего с племенами культуры штрихованной керамики БССР и Прибалтики. Докладчик считает, что все эти культуры раннего железного века Поднепровья, Верхней Оки и Прибалтики были оставлены племенами, говорившими на диалектах балтийских языков.

А. П. Савчук (Киев) доложил о новых памятниках зарубинецкой культуры Киевщины; Г. Хотюн (Каменец-Подольск)— об археологических разведках в районе с. Бакота Хмельницкой области УССР. И. С. Винокур (Черновцы) и М. И. Островский (Кременец)— об исследовании Раковецкого могильника в 1962 г.

В докладе «Античный мир и зарубинецкие племена Среднего Поднепровья» Е. В. Максимов (Киев) считает, что находки предметов античного производства (керамики, украшений и римских монет) на зарубинецких памятниках Среднего Поднепровья дают серьезное основание относить начало зарубинецкой культуры ко II в. до н. э., а поздний этап — к I—II вв. н. э.

Л. М. Славин (Киев) сообщил о раскопках в Ольвии в 1962 г.; В. И. Қадеев (Харьков)— о деревообработке в позднеантичном Херсонесе; Н. М. Андрунина (Одесса)— о краснофигурных кратерах из Роксолан; С. Ф. Стржелецкий (Севастополь)— о раскопках могильника III—IV вв. н. э. в Инкерманской долине на территории совхоза «Севастопольский» в 1962 г.; С. А. Семенов — о датировке синопских керамических клейм; Ю. С. Крушкол (Москва)— о характере и инвентаре синдских захоронений эпохи раннего железа.

Ю. А. Поляков (Пермь) рассказал о могильниках гляденовского времени в Верхнем Прикамье; А. Д. Вечтомов — о жилищах ананьинского времени в Прикамье; В. А. Оборин (Пермь)— о связях верхнекамских племен с племенами Печерско-Вычегодского края в эпоху железа; Н. В. Трубникова (Москва)— о городецких памятниках юго-западной Чувашии; А. И. Мартынов (Кемерово) — об обряде погребения в тагарских могилах Северного Кузбасса..

Л. Д. Поболь (Минск) посвятил свой доклад археологическим памятникам южной и юго-восточной Белоруссии первой половины и третьей четверти I тыс. н. э. А. Г. Митрофанов (Минск) доложил о раскопках на городище и селище «Замкова гора»; Т. П. Андреева и А. П. Калишук — о кладе серебряных вещей V в. н. э. в северной части Волини; Г. Ф. Соловьева (Москва)— о раскопках славянских курганов близ с. Демянки Гомельской области БССР в 1962 г.; М. А. Тихонова (Ленинград)— о месте и этнической принадлежности поселения у с. Лепесовки; Ю. А. Краснов (Успенское)— о раскопках на Успенском городище в 1961—1962 гг.

В докладе «К изучению общественного строя восточного славянства VI—VIII вв.» А. П. Пьянков (Минск) считает, что период VI—VIII вв. в истории восточного славянства нельзя определять как завершение перво-бытнообщинной формации, в то же время его нельзя рассматривать и как начало феодальной эпохи. По мнению докладчика, в этот период у восточных славян существовало раннее рабовладельческое общество, в котором создавались предпосылки для перехода к феодализму.

Э. А. Симонович (Москва) сообщил о раскопках городища Колочин I и о связях населения середины I тыс. н. э. БССР и УССР; М. Х. Шмидельм (Таллин)— о балтийских племенах, населявших в первой половине I тыс. н. э. западную часть Мазурского поозерья (Польская Народная Республика); Э. Шноре и Циммермане (Рига)— о селище и могильнике Кивты; А. Э. Таутовичус (Вильнюс)— о раскопках могильника VIII—XVIII вв. в Паланге (Литовская ССР) в 1961—1962 гг.; В. А. Уртан (Рига)— о кладах орудий труда, оружия, украшений и монет V—IX вв. на территории Латвии.

В. В. Пименов в докладе «К определению этнической принадлежности курганов юго-восточного Приладожья», сопоставляя археологические данные с материалами вепской этнографии, установил в культуре вепсов пережиточные явления, генетически восходящие к курганной эпохе.

Т. Н. Минаева (Ставрополь) рассказала о новом виде погребальных сооружений в Верхнем Прикубанье; П. У. Аутлев (Майкоп)— о находках

наскальных изображений рук в Прикубанье; Г. А. Архипов (Йошкар-Ола) — об Ахмыловском могильнике V—VII вв. н. э.; Д. М. Атаев (Махачкала) — о раскопках Урджинского некрополя; И. С. Вайнер (Казань) — об оборонительных и сторожевых сооружениях Сарая-Берке; Р. М. Рамишвили (Тбилиси) — об археологических раскопках на территории водохранилища в Снови; И. Г. Нариманов (Баку) — об археологических раскопках на поселении Шомутенс; С. М. Казиев (Баку) — об археологических раскопках городища Кабала; Г. А. Ломтатидзе (Тбилиси) — о результатах раскопок средневекового города Рустави.

Большой интерес вызвали доклады об археологических раскопках древнерусских городов. Г. И. Пех (Волковиск) доложил о раскопках древнерусского Слонима; Л. В. Алексеев (Москва) — об исследовании древнего Друцка; В. Д. Белецкий (Ленинград) — о раскопках в 1962 г. в Пскове; В. К. Гончаров (Киев) — о раскопках городища Иван на Днепре.

М. А. Безбородов и Ю. А. Заднепровский (Ленинград) сообщили о ранних этапах стеклоделия в СССР; А. А. Абдуразаков — о химико-технологическом изучении средневековых стекол из Новой Ниссы и Мерва (Южная Туркмения).

На заседаниях секции нумизматики заслушаны 10 докладов и сообщений.

О новых находках античных монет в Крыму сообщил Н. В. Анфимов (Краснодар). В. Н. Рябцевич (Минск) рассказал о двух монетно-вещевых кладках IX в. в Витебской области и о шотландских монетах первой половины XVII в. в западнорусских кладках; А. Б. Булатов (Казань) — о болгарском и харьковском кладках золотоордынских монет; Н. Ф. Котляр (Львов) — о торговых связях Львова в XIV—XV вв. по нумизматическим данным. Г. В. Штыхов (Минск) — доложил о новых данных о полоцком кладе 1910 г. Р. К. Цеплите (Рига) — об обращении монет, чеканенных в Риге во время шведского господства в XVII в.; Н. Д. Меу (Москва) — о дате монет Великого княжества Московского с розеткой; А. Н. Молвыгин — о номиналах серебряных монет Ливнии и некоторых вопросах денежного обращения Новгорода; И. Г. Спасский (Ленинград) — о константиновском рубле 1825 г.

На заключительном заседании Сессии выступили президент Академии наук Белорусской ССР, член-корреспондент АН СССР В. Ф. Купревич и академик АН БССР Т. С. Горбунов.

Сессия приняла резолюцию, в которой нашли отражение значительные достижения советской археологии, а также успехи полевых исследований на территории Белорусской ССР в 1962 г. В заключительной части резолюции получила одобрение практика проведения итоговых Сессий в различных городах и республиках Советского Союза, способствующая улучшению координации и комплектности исследований, и перечислены основные задачи, стоящие перед советскими археологами.

И. И. Артеменко

СЕКТОР СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ В 1963 ГОДУ

В 1963 г. работа сектора велась по трем основным направлениям: 1) Изучение истории народов степи и лесостепи, в первую очередь скифов и сарматов, 2) изучение проблем, связанных с культурами «полей погребений» и 3) изучение племен лесной полосы в эпоху раннего железа. В связи с переходом в сектор неолита и бронзы Е. И. Крупнова из тематики сектора выпала разработка вопросов археологии Северного Кавказа.

1. Над вопросами истории собственно скифов работали О. Д. Дашевская, А. Д. Либеров, А. И. Мелюкова, В. Г. Петренко и А. П. Смирнов.

О. Д. Дашевская продолжала работу над темой «Скифы в северо-западном Крыму», в связи с которой были проведены раскопки на Южно-Дануэлавском городище и городище Беляус. По этой теме ею сданы в печать статьи «Раскопки Южно-Дануэлавского городища в 1961—1962 гг.», «Разведки в Северо-западном Крыму в 1961—1963 гг.», «ТΕΙΧΝ декрета в честь Диофанта» и закончено написание статей «Монеты, найденные на Южно-Дануэлавском городище», «Городище Беляус».

П. Д. Либеров, продолжая изучение памятников на территории Воронежской области, предпринял раскопки на могильнике № 1 у с. Тихой Сосны и провел разведки в восточных районах области, а также заканчивал подготовку выпуска свода «Средний Дон в скифское время», который был доложен им на заседании сектора (в декабре). Вне скифской тематики П. Д. Либеров сдал в печать монографию «Племена в эпоху бронзы на Среднем Дону».

А. И. Мелюкова сдала в печать выпуск свода археологических источников «Вооружение скифов» и продолжала работу над темой «Геты и скифы на юго-западе СССР и на территории Румынии и Болгарии». В 1963 г. ею написан раздел «Гетские и скифские памятники Добруджи и юго-восточной Румынии». Работающая под общим руководством А. И. Мелюковой М. А. Романовская раскапывала поселение Бранешты и подготовила статью о результатах полевых исследований 1962 г.

В. Г. Петренко заканчивала тему «Культура племен правобережья Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.», которая будет издана в виде выпуска свода археологических источников. О результатах работы над темой В. Г. Петренко сделала два доклада на заседаниях сектора: «Поселения среднеднепровского лесостепного Правобережья V—III вв. до н. э. (22 мая)» и «Курганы Правобережья среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.» В развитие темы ею были проведены раскопки у сел Селище и Грищенцы, а также проведены разведки по среднему течению р. Ростовицы и ее притокам.

А. П. Смирнов работал над научно-популярной книгой «Скифы», первая глава которой была доложена на секторе.

Над историей сарматских племен работали М. Г. Мошкова, которая приступила к сбору материала по теме: «Происхождение ранних сарматов (прохоровцев) и взаимосвязи их с Западной Сибирью и Средней Азией», и К. Ф. Смирнов, который, закончив и сдав в печать монографию «Савроматы», начал работу над темой «Сарматы Южного Приуралья». В связи

с этим он проводил раскопки курганов в Илекском районе Оренбургской области. Вне основной тематики им дана в печать статья «Древняя культура в Оренбургских степях».

И. С. Каменецкий, занимающийся изучением донской группы меотских памятников, продолжал работу над темой «Основы датировки памятников античного времени на Нижнем Дону», в связи с которой им проводились раскопки на Подазовском и Нижне-Гниловском городищах, а также закончена работа «Опыт исследования массового керамического материала из Таманса», один из разделов которой — «Датировка слоев поселений по процентному соотношению типов керамики» — был доложен на секторе (30 января) и сдан в печать.

II. Изучением проблем, связанных с племенами «полей погребений», занимались В. В. Кропоткин, Ю. В. Кухаренко, Э. А. Сымонович и аспирантка Г. Ф. Никитина. Основное внимание уделялось черняховской культуре.

В. В. Кропоткин закончил работу над монографией «Экономические связи Восточной Европы с Римской империей и Византией в I тысячелетии н. э.». Данная работа и хронологически, и территориально далеко выходит за рамки проблемы черняховской культуры, экономике носителей которой посвящен один из ее разделов. Монография была обсуждена на одном из заседаний сектора (29 мая). Кроме того, В. В. Кропоткин сделал доклад «К вопросу об экономических связях Восточной Европы с Римской империей». В дополнение к ранее изданным работам по систематизации и учету нумизматических находок он подготовил статьи: «Новые находки римских монет на территории СССР», «Новые находки византийских монет на территории СССР» и совместно с Л. Н. Казамановой — «Варварские подражания римским золотым монетам».

Ю. В. Кухаренко сдал в печать выпуск свода «Зарубинецкая культура» и начал работу над книгой «Археология Польши». Результатом продолжения работ в области его основной тематики явился доклад «Могильник Брест-Тришин», зачитанный на секторе (25 января), он провел также раскопки в Полесье. Работая под руководством Ю. В. Кухаренко аспирантка В. Б. Никитина занималась изучением поморской культуры, о чем ею был сделан доклад на секторе: «Памятники поморской культуры на территории БССР» (20 февраля).

Э. А. Сымонович продолжал работу над темой «История Украинского Поднепровья во II—V вв. н. э., для чего им проводились раскопки в Журавке и Ранжевом и разведки в районе Журавки. Им сданы в печать статьи: «Некоторые вопросы связей и различий памятников середины I тыс. областей Леса и Лесостепи Поднепровья», «Комплекс раннечерняховского времени в с. Могильно», «Новые раскопки в с. Черняхово», «Первый черняховский могильник в Северном Причерноморье». Вне основной темы Э. А. Сымонович подготовил и сдал в печать две работы «Ингульский клад» и «Ингульский клад эпохи поздней бронзы».

Г. Ф. Никитина, закончившая в 1963 г. аспирантуру, работала над диссертационной темой «Лепная керамика черняховской культуры (к вопросу происхождения черняховской культуры)». Основные положения диссертации были изложены ею в двух докладах на секторе: «Систематизация лепной черняховской керамики» (9 октября) и «К вопросу о локальных вариантах черняховской культуры» (30 октября).

Значительным событием в разработке проблемы черняховской культуры следует признать создание по инициативе Б. А. Рыбакова группы из сотрудников сектора и лаборатории в целях объединения как чисто археологических методов, так и методов точных и естественных дисциплин для изучения этой культуры. С целью выработки программы работ было проведено совместное заседание секторов скифо-сарматской и славянской археологии с соответствующими представителями лаборатории (3 апреля),

на котором был высказан ряд соображений по применимости различных методов к данной проблеме.

Черняховской же культуре в основном был посвящен и прочитанный на секторе доклад В. И. Цалкина «Охота и животноводство у племен восточноевропейской лесостепи в раннем железном веке» (20 марта), в котором на основе изучения остеологических материалов сделан ряд важных выводов. (Тезисы доклада опубликованы: «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г.», М. 1964).

III. Изучением культур лесной полосы занимались Л. В. Артишевская, О. Н. Мельниковская, Х. И. Крис и А. П. Смирнов.

Л. В. Артишевская работала над созданием картотеки скифских и сарматских вещей, найденных на памятниках милоградской, юхновской, дьяковской, городецкой и ананьинской культур, результатом чего явилось написание статьи «Скифские вещи на территории юхновских городищ». Ею же написана статья «Поселение у дер. Морозино».

О. Н. Мельниковская окончила работу над монографией «Милоградская культура на территории Белоруссии», выводы которой были доложены ею на секторе.

А. П. Смирнов закончил подготовку выпуска свода «Городецкая культура». В плане общей темы он, руководя Поволжской экспедицией, производил раскопки в Чувашии.

Х. И. Крис продолжала заниматься темой «Предметы вооружения и охоты по материалам раскопок Троицкого городища», по которой ею написана работа «Классификация и хронология костяных наконечников стрел Троицкого городища».

Кроме охарактеризованных выше основных направлений, в секторе велась работа и по ряду других проблем. Так, В. Б. Деопик, работающая по теме «Гунно-аварские древности Восточной Европы», вела сбор материала для выпуска свода «Поясные наборы дружинников Евразии IV—IX вв.» На заседании сектора ею был сделан доклад, посвященный обзору литературы по археологии гуннов и авар (24 апреля). Продолжая разработку методики исследования, В. Б. Деопик сдала в печать статью «Применение статистических методов для изучения массового археологического материала».

Над проблемами средневековой археологии Средней Азии продолжала работать Г. Ф. Брыкина.

Наконец, закончивший в 1963 г. аспирантуру В. А. Могильников представил сектору диссертационную работу «Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тыс. н. э. (локальные варианты культуры)», которая была обсуждена на секторе и рекомендована к защите.

Данная выше характеристика деятельности сотрудников сектора и сотрудников лаборатории, работающих по тематике сектора, будет неполной, если не упомянуть об обработке экспедиционных коллекций, написании отчетов по раскопкам, редактировании и участии в различных конференциях.

И. С. Каменецкий.

О РАБОТЕ ГРУППЫ ФИННО-УГОРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
ЗА 1962—1963 гг.

В центре внимания группы финно-угорской археологии в 1962—1963 гг. были проблемы дьяковской и городецкой культур, археология мордвы, веси, а также древнего населения Эстонии и Латвии. В работе группы принимали участие сотрудники Института археологии АН СССР, Института этнографии АН СССР, Государственного исторического музея, Музея истории и реконструкции г. Москвы, а также студенты МГУ. Всего было проведено 14 заседаний, прочитано и обсуждено 17 докладов.

Н. В. Тухтина в докладе «Археологические раскопки в Вологодской области в 1960—1961 гг. (к вопросу о веси)» привела немногочисленные летописные и топонимические данные, которые позволяют локализовать весь к северу от кривичей. Весь была ассимилирована славянами уже к X в. Погребальные памятники веси X в. представлены трупосожжениями; в XI в. появляется трупоположение. Все известные могильники (Кислинский, Дудкинский, Бабаевский, Погостище) смешанные: в них имеются погребения как славян, так и веси. Однако если славянские погребения ориентированы головой на запад, то погребения веси преимущественно ориентированы головой на восток. В могильном инвентаре прослеживается влияние Прикамья.

А. Ф. Дубынин в докладе «Троицкое городище» остановился на истории исследования, характере культурного слоя и этапах жизни городища. К первому этапу относится круговая постройка со рвом, ко второму — большие прямоугольные дома, окруженные валом. В пятом горизонте были найдены остатки кузницы, в шестом — тигли для плавки цветного металла. В размерах построек прослеживается определенный стандарт. Докладчик обосновал деление построек на мужскую и женскую половины. В числе находок было отмечено большое количество костяных стрел, костяные пряжки, имевшие аналогии среди сарматских, большое количество железных предметов (копья, стрелы, удила, ножи, серпы, кельты). Особо были отмечены два клада железных колец. На городище было найдено более 300 бронзовых украшений. Среди них большой интерес представляет клад, состоящий из 42 предметов и серебряной фибулы середины I в. н. э. В докладе было уделено внимание «грузикам дьякова типа» и другим керамическим предметам, в том числе глиняной фигурке свиньи. На основании рассмотренного материала автор датировал городище временем с III—I вв. до н. э. по VI в. н. э. Что же касается этнической принадлежности, то можно предполагать, что первоначально здесь обитали балты, а позднее — в V—VI вв. н. э. — сюда проникли носители культуры, создавшие памятники типа Мощинского городища.

В. И. Цалкин в докладе «Фауна Троицкого городища» остановился на истории изучения фауны памятников дьяковской культуры, отметив большую роль В. А. Городцова. В результате изучения большого фаунистического материала Троицкого городища определен состав стада, которое состояло из крупного рогатого скота, лошади, овцы, свиньи, собаки; свинья

составляла 50%, крупный рогатый скот 20%, лошадь 20%, мелкий рогатый скот 10%. По количественному и видовому составу оно ближе всего к мерянскому и сильно отличается от славянского. Дикая фауна составляет всего 17% общего количества костей и представлена костями бобра, лося, медведя, лисицы, куницы, северного оленя, кабана, косули, зайца, выдры, барсука.

Р. Л. Розенфельдт в докладе «Система укреплений Троицкого городища» охарактеризовал два этапа укреплений на городище. К первому этапу относится кольцевая в плане, столбовая постройка, которая одновременно была и укреплением, и жилищем; снаружи она окружена рвом. Во II—III вв. н. э. это укрепление было заменено валами, которые опоясывали городище как с напольной стороны, так и по склону. Вероятно, по гребню валов шел частокол. Внутри валов деревянных конструкций обнаружено не было.

И. Г. Розенфельдт в докладе «Керамика Троицкого городища» отметила, что вся керамика делится на три группы: грубая с грубыми примесями (орнаментированная и гладкая), лощеная с примесью песка и миниатюрные сосуды без примесей. Керамика нижнего пласта характеризуется своеобразной композицией орнамента. Сетчатая керамика для Троицкого городища не характерна, она составляет 1,5% всего количества фрагментов керамики. Для верхнего слоя характерна веревочная орнаментация, нанесенная на профилированные сосуды большого размера, а также и лощеная керамика. Докладчик отметил, что в орнаментации миниатюрных сосудов часто повторяется орнаментация «грузиков». По керамике городище можно датировать с рубежа н. э. по VI—VII вв. нашей эры. Наличие гладкой керамики, по мнению автора, говорит о присутствии балтов. Смена населения, о которой упоминал в своем докладе А. Ф. Дубынин, по керамическому материалу не прослеживается.

К. А. Смирнов в докладе «Систематика грузиков дьякова типа с Троицкого городища» обрисовал значение систематизации типов грузиков для изучения дьяковской культуры как самой многочисленной категории вещей после фрагментов посуды. Большая серия находок, полученных при раскопках Троицкого городища, — всего 595 грузиков, позволила произвести систематизацию. За основной признак принята форма вертикального сечения, проходящего через канал. Типологически грузики можно разделить на 21 тип. Стратиграфическое распределение типов грузиков дает возможность выделить на городище два слоя, а верхний слой разделить на два горизонта. Орнаментация на грузиках укладывается в круг символов солнечного культа. В докладе было отмечено, что грузики, по форме соответствующие грузикам с Троицкого городища, встречаются на других памятниках дьяковской культуры в том же комплексе находок, что и на Троицком городище. Это позволяет рассматривать грузики как датирующий материал.

Х. И. Крис в докладе «Датировка нижнего слоя Троицкого городища по костяным стрелам» остановилась на вопросе о подражаниях костяных стрел металлическим, что позволяет более определенно говорить об их дате. В лесостепи железо вошло в широкий обиход раньше, чем в лесной полосе; этим, вероятно, объясняются подражания костяных наконечников стрел железным и бронзовым. Для Троицкого городища характерны стрелы вытянутых пропорций, тщательно обработанные, что является ранним признаком. Стрелы с серповидным черешком датируются IV—III в. по аналогиям с Мастюгинскими курганами и сарматскими комплексами, в том числе и Ново-Никольским могильником. Однозубый наконечник, имеющий параллели в Каширском и щербинском городищах, также не встречается позднее этого времени. Трехгранный костяной наконечник стрелы подражает бронзовым скифским V—IV вв. до н. э. Ранняя нижняя дата Троицкого городища (IV—III вв. до н. э.) подтверждается также костяными

пряжками с неподвижным язычком, имеющими аналогии у сармат, и железной сьюльгаммой, находящей аналогии в лесостепных комплексах скифского времени — IV—III вв. до н. э.

Р. Л. Розенфельдт в докладе «Археологическая карта московской области» систематизировал городища дьякова типа в зависимости от их топографии и выделил семь категорий. Наличие культурного слоя под валом городища не является доказательством первичного существования селища; селищ обнаружено мало, основными памятниками являются городища. Докладчик отметил, что считает неверной точку зрения об уходе населения с городищ на селища, так как на селищах не было найдено более позднего материала по сравнению с городищами. В этническом отношении автор связывает дьяковскую культуру с финнами.

Р. Л. Розенфельдт в докладе «Раскопки городища у дер. Неждино» рассказал о раскопках городища, находившегося в зоне строительства гидроузла на р. Рузе. Городище имело два слоя: нижний — дьяковский и верхний — славянский. В дьяковском слое были найдены «грузики дьякова типа», поздняя дьяковская керамика, ножи, красные пастовые бусы. Были прослежены и столбы от жилищ. Верхняя дата дьяковского слоя — VI в. н. э. Славянский слой датируется XII—XIII вв. н. э. В нем были найдены обломки посуды, ножи, замки, пряжки. К славянскому времени относятся остатки башни, прослеженной на валу, и селище, расположенное в лесу, за валом городища.

И. Г. Розенфельдт в докладе «Городище у деревни Щербинка» остановилась на топографии городища и характере культурного слоя. С нижним слоем связываются канавы, идущие по периметру городища. Для этого слоя характерны костяные пулевидные втульчатые наконечники стрел, многозубый гарпун, сетчатая керамика. Выше находился слой со столбовой постройкой, расположенной по периметру городища. Постройка разбита на камеры с очагами. На территории постройки были прослежены ямы хозяйственного назначения. Среди находок «грузики дьякова типа», бронзовые украшения, железные орудия и большое количество костяных предметов. По керамике верхний слой датируется IV—V вв. н. э.

А. П. Смирнов в докладе «Чурачикский могильник в Чувашии» остановился на раскопках кургана эпохи бронзы, который содержал два основных и одновременных погребения, одно из них — фатьяновское, другое — срубное. В насыпи кургана были обнаружены фрагменты керамики срубного типа, в курганной насыпи был открыт грунтовый могильник, состоящий из 35 захоронений IV—II вв. до н. э. Этот могильник по погребальному обряду и вещам имеет параллели, с одной стороны, в Младшем Волосовском могильнике, с другой, — в ананьинских могильниках. По-видимому, его следует связывать с городищной культурой, в пользу чего говорят скорченные погребения на боку.

Н. В. Трубникова в докладе «Мало-Якушское городище» рассказала о раскопках, проведенных совместно Чувашским научно-исследовательским институтом, Чебоксарским музеем и ГИМом. Городище занимает мыс, где раскопаны были остатки вала, насыпанного из культурного слоя. В конструкции вала были обнаружены вертикальные и горизонтальные бревна. Поверхность была обмазана глиной. В валу обнаружен проем, по-видимому, вход на городище. При зачистке восточного склона прослежены остатки обвалившихся укреплений. На площадке городища были вскрыты два слоя. Первый относится к эпохе поздней бронзы и содержит керамику типа Ош-Панда и Хула-Сючь, которые различались только типологически, а стратиграфически находились вместе. Второй слой, городищный, содержал рогожную керамику, его дата была установлена по синей скифской бусине.

Т. А. Кравченко в докладе «Мамалаевский курган» отметила, что этот памятник входит в число памятников типа Хула-Сючь. Насыпь кургана

состояла из прослоек песка и угля. Были прослежены столбовые ямы и кольцевые канавки. На зольной подушке был обнаружен лепной сосуд. По мнению докладчика, данный курган содержит трупосожжение и может быть датирован II тыс. до н. э.

И. Г. Розенфельдт в сообщении о командировке в Смоленск, Минск, Вильнюс и Каунас, рассказала о коллекциях, хранящихся в музеях, и отметила, что, несмотря на ряд общих черт в культуре этих районов с памятниками Московской области, они выделяются в особые группы. Среди общих черт докладчик отметила широкое распространение «грузиков дьякова типа», близость форм костяных предметов и бронзовых украшений. В планировке поселений известны кольцевые постройки, аналогичные той, что была исследована на Троицком городище. Однако наряду с этим имеется своеобразие в керамике, в украшениях и в орудиях производства.

К. А. Смирнов в сообщении о командировке в Псков, Тарту и Таллин рассказал о коллекциях, хранящихся в музеях этих городов, материал которых в массе сильно отличается от памятников Подмосковья. В этнографическом музее в Тарту на костюмах имеются украшения, идентичные находимым в раскопках. Знакомство с этими материалами дает возможность лучше понять назначение ряда предметов. В Таллине в Институте истории имеются большие коллекции из могильников Эстонии. Некоторые памятники были исследованы полностью. В комплексах имеется большое количество украшений, оружия, ряд вещей, находящихся далекие параллели, что повышает их роль для датировок материала. Материалы с городищ Иру, Асва, Отене также содержат украшения и костяной инвентарь. Многие костяные вещи близки к находимым в Подмосковье.

К. А. Смирнов в докладе «К вопросу о распространении грузиков дьякова типа» отметил, что грузики являются частой находкой для большой группы памятников на территории от Подмосковья до восточной Литвы и от Бологовского озера до средней Десны. Однако наибольшее количество «грузиков» сосредоточивается по течению р. Москвы, в районе современного Московского моря и на средней Оке. На этот участок падает наибольшее количество орнаментированных грузиков и наиболее полное количество типов грузиков на каждом памятнике. За пределами этой территории количество грузиков на каждом памятнике резко снижается и гораздо меньше процент орнаментированных. Хотя грузики с периферии укладываются в ту же систему типов, однако все характерные признаки не столь отчетливы, как на памятниках Подмосковья. По типам грузики можно отнести к трем этапам: V—III—II вв. до н. э.; II в. до н.э.; I в. н.э.;

II в. — IV вв. н. э. В силу того, что именно в подмосковных городищах были найдены самые ранние типы, следует считать, что «грузики» возникли где-то на территории современного Подмосковья и только во второй период распространились к западу и к северу.

А. П. Смирнов в докладе «Первая глава истории мордовского народа» изложил историю заселения этой территории с древнейших времен. В древности эта территория была контактной зоной между лесными и степными племенами. Здесь найдены памятники, которые можно связывать с фатьяновцами. Потом на эту территорию проникли абашевские племена. Укрепленные поселения начинают появляться на этой территории с эпохи раннего железа. К этому же периоду относится ряд могильников, где найдены импортные вещи, свидетельствующие о связях со скифами и сарматами. В I тыс. до н. э. с севера приходит финно-угорское население, археологически представленное городищной культурой. Эти племена являются предками мордовского народа. По-видимому, в эту эпоху складываются союзы племен, и возникает социальное расслоение, о котором свидетельствуют различия в погребальном инвентаре. В XII в. начинается сложение фео-

дализма. В могильниках этого времени можно выделить погребения воинов-профессионалов.

Как это видно из содержания докладов, основное внимание было уделено вопросу о дьяковской культуре. В докладах был проанализирован богатейший материал, полученный в результате раскопок последних лет на Троицком городище и других дьяковских городищах. Дальнейшая обработка этих материалов даст возможность по-новому рассмотреть вопрос о дьяковской культуре: ее территории, времени существования, этнической принадлежности и хозяйстве.

К. А. Смирнов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП — Археологічні пам'ятки УРСР
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДП — Древности Приднепровья
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КС ОГУ и ОГАМ — Краткие сообщения Одесского Государственного университета и Одесского Государственного археологического музея
ЛОИА — Ленинградское Отделение Института археологии АН СССР
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по истории Северного Причерноморья
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МОИМК — Московское Отделение Института истории материальной культуры
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СЭ — Советская этнография
SMVA — Suomen munaismuistoyhdistyksen aikakauskirja
WA — Wiadomości archeologiczne
ZOW — Z otchłani wieków

СОДЕРЖАНИЕ

I. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

А. Ф. Медведев. Из истории сложного лука	3
Э. А. Симонович. Стекланные кубки III—IV вв. н. э. из Журавки	8

II. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. П. Смирнов. Ранние находки на Болгарском городище «Хулаш»	13
И. Т. Черняков. Новые находки памятников сабастиновского типа в северо-западном Причерноморье	18
О. В. Овсянников, Г. В. Григорьев. Железоплавильный горн на стоянке Ольский мыс	22
А. И. Пузикова. Два кургана из могильника скифского времени у с. Русская Тростянка	24
А. В. Куза. Зарубинецкое поселение около Житомира	34
М. А. Романовская. Раскопки в Бранештах в 1962 г.	37
В. Б. Никитина. Вновь открыты памятники поморской культуры	43
М. А. Тиханова. Днестровско-Волынская экспедиция 1960—1961 гг.	48
В. В. Кропоткин. Археологические раскопки в Кировоградской обл. в 1961 г.	57
И. С. Винокур, М. И. Островский. Раскопки Раковецкого могильника в 1962 г.	64
В. В. Седов. Городище Церковище	70
Т. Н. Никольская. Археологические раскопки в Калужской области в 1961—1962 гг.	75
Г. П. Латышева, И. Г. Розенфельдт. Раскопки Барвихинского городища	82
К. А. Смирнов. Новые городища дьякова типа в бассейне реки Москвы	90
Ю. А. Краснов. Раскопки на Успенском городище в 1961—1962 гг.	98
Р. Л. Розенфельдт. Разведки и раскопки дьяковских городищ в Подмосковье в 1960—1963 гг.	104
Л. Я. Крижевская. Поселение эпохи раннего железа на озере Чебаркуль	114
Н. Л. Членова. Тагарский курган на р. Изыкчуль	119
М. Н. Пшеницына. Новый тип памятников III—II вв. до н. э. на Енисее	127
В. А. Могильников. Работы Иртышского отряда в 1962 г.	135

III. ХРОНИКА

Объединенная сессия отделения исторических наук АН СССР и отделения общественных наук АН БССР (И. И. Артеменко)	142
Сектор скифо-сарматской археологии в 1963 г. (И. С. Каменецкий)	150
О работе группы финно-угорской археологии за 1962—1963 гг. (К. А. Смирнов)	153

**История племен лесной и лесостепной
полосы Евразии в I тысячелетии до
н. э.— I тысячелетии н. э.**

КСИА № 102

*Утверждено к печати
Институтом археологии АН СССР*

Редактор издательства
Г. В. Моисеенко

Технический редактор *А. П. Ефимова*

Темплан 65 г. № 85

Сдано в набор 22/IX 1964 г.

Т-15367. Подп. к печ. 4/XI 1964 г.

Формат 70 × 108^{1/8}. Печ. л. 10 + 1 вкл.

(0,125 печ. л.)-усл. печ. л. 13,86

Уч.-изд. л. 13,4 + вкл. Тираж 1 000 экз.

Изд. № 4326/04. Тип. зак. № 1245

Цена 82 коп.

Издательство «Наука»

Москва, К-62, Подосенский пер., 21

2-я типография Издательства «Наука»

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
50	7 св.	№ 11	Ш
50	27 св.	Ш и 1	Ш и П
54	24 св.	П	1
77	12 сн.	городища.	городища,
112	1 сн.	го-	городище

КСИА № 102. Племена лесной и лесостепной полосы Евразии в 1 тыс.
до н. э.— 1 тыс. н. э.